

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ РФ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ НА ЛУБЯНКЕ

1999 год

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ НА ЛУБЯНКЕ
1999 год**

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ СПЕЦСЛУЖБЫ
В 20-30-Е ГОДЫ**

Сборник подготовил: *сотрудник ЦОС ФСБ РФ В.М. Комиссаров*

Компьютерный набор: *В.М. Комиссаров*

МОСКВА 2000

1. Н.Б. БАРАНОВА

(доктор исторических наук, профессор.
Саратовский юридический институт МВД РФ)

ДИХОТОМИЯ «ЧЕЛОВЕК — ВЛАСТЬ»: РЕПРЕССИИ 1930-Х ГОДОВ.....5

2. А.М. ДЕМИДОВ

(кандидат юридических наук, доцент.
Академия ФСБ России)

**КРАСНАЯ АРМИЯ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД МАССОВЫХ
РЕПРЕССИЙ ПО ОЦЕНКАМ ИНОСТРАННЫХ РАЗВЕДОК.....10**

3. С.В. ЛЕОНОВ

(доктор исторических наук, профессор.
Московский государственный педагогический университет)

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ВЧК В ГПУ.....14

4. А.М. БОРЕИКО

(Академия ФСБ РФ)

**ОБ ОДНОЙ ПОПЫТКЕ АГЕНТУРНОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ В ШТАБ
РУССКОГО ОБЩЕВОИНСКОГО СОЮЗА.....19**

5. В.С. ИЗМОЗИК

(доктор исторических наук, профессор.
Северо-западный заочный политехнический институт)

**СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ:
СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....23**

6. В.В. КОНДРАШИН

(кандидат исторических наук, профессор.
Пензенский государственный педагогический университет)

1922-Й ГОД В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ ГЛАЗАМИ ГПУ.....27

7. О.Б. МОЗОХИН

(кандидат юридических наук.
Академия ФСБ РФ)

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОГПУ.....32

8. В. Ф. НЕКРАСОВ

(доктор исторических наук,
профессор, генерал-майор внутренней службы)

**ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПОСТРОЕНИЯ И
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ И ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.....35**

9. Ю.Ф. ОВЧЕНКО

(доцент.
Институт экономической безопасности)

У ИСТОКОВ ОРГАНИЗАЦИИ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ.....37

10. М.Н. ПЕТРОВ (доктор исторических наук, профессор. Новгородский государственный университет)	
ОГПУ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ.....	41
11. А. М. ПЛЕХАНОВ (доктор исторических наук, профессор. Академия ФПС РФ)	
ПРОБЛЕМЫ МЕСТА И РОЛИ ОРГАНОВ БЕЗОПАСНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В 1920-е ГОДЫ.....	46
12. Н.С. ПЛОТНИКОВА (Академия ФСБ РФ)	
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ НКВД СССР.....	52
13. В.Н. САФОНОВ (Академия ФСБ РФ)	
ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК БОЛЬШЕВИКОВ, ИЛИ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ЧЕКИСТЫ ПОЙМАЛИ БОРИСА САВИНКОВА.....	55
14. В.Н. ХАУСТОВ (доктор исторических наук, профессор. Академия ФСБ РФ)	
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В 1920—1930-е ГОДЫ.....	60
15. Б.Г. СТРУКОВ (кандидат исторических наук, доцент. Академия ФСБ РФ)	
БОРЬБА ОГПУ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ.....	66
16. М.А. ХАЙРОВ (кандидат исторических наук. Академия ФПС РФ)	
ОПЕРАТИВНЫЕ ОРГАНЫ ПОГРАНИЧНОЙ ОХРАНЫ ОГПУ СССР.....	70
17. Б.А. СТАРКОВ (доктор исторических наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов)	
РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВО ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЕ 1920—1930-х ГОДОВ.....	73
18. О.И. КАПЧИНСКИЙ (Московский государственный педагогический университет)	
НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЦЕНТРАЛЬНОГО АППАРАТА ОГПУ В 1920-е ГОДЫ.....	78
19. В.Я. КОЧЕК (Москва)	
СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В 1920—1930-е ГОДЫ.....	81

20. В.М. МЕРЗЛЯКОВ
(Управление ФСБ РФ)
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРО ОГПУ
В 1920-е ГОДЫ.....86

21. А.А. ЗДАНОВИЧ
(Управление ФСБ РФ)
СВОЙ ИЛИ ЧУЖОЙ? — СВОЙ!.....93

Н.Б. БАРАНОВА

(доктор исторических наук, профессор.
Саратовский юридический институт МВД РФ)

ДИХОТОМИЯ «ЧЕЛОВЕК — ВЛАСТЬ»: РЕПРЕССИИ 1930-Х ГОДОВ

Тридцатые годы уходящего века представляют собой один из наиболее противоречивых периодов российской истории. Исследование объективных и субъективных факторов репрессий позволяет избежать монохромного изображения и дать этим годам адекватную оценку. Особенности массового сознания, психосоциальные перемены в обществе нуждаются во внимании исследователей. События указанного десятилетия, как и вся бурная история России, могут быть объяснены не только экономическими и политическими причинами, но и феноменом массового сознания, взаимовлиянием его и политической жизни. Понятие «массовое сознание» предпочтительнее «коллективного бессознательного», поскольку в этом случае в поле зрения исследователя попадает целенаправленная деятельность властей по внедрению идеологием. В истории России взаимоотношения конкретного человека и власти — одна из интереснейших проблем, относительно которой существует множество точек. Например, С.Франк считал, что русское отношение к власти, как к чему-то находящемуся на недостижимой высоте, является рабским. Но это отношение при большевиках изменилось и «коммунистическую власть» якобы ощущают как «фактическую власть захватчиков»¹. Скорее, это желаемое, чем действительное отношение.

Одним из аспектов дихотомии «человек-власть» является использование властями определенного набора мифологием, целенаправленно внедряемых в массовое сознание. Отметим, что сам термин «дихотомия» не предполагает противопоставление, наоборот, дихотомическое деление в логике означает разделение на пары соподчиненных элементов. На первый взгляд, в тридцатые годы «человек» и «власть» могут, согласно одной точке зрения, являться идентичными понятиями, согласно другой — диспаратными, т.е. взаимно несовместимыми, противоречащими друг другу. В действительности они, существуя раздельно, не были противопоставлены. Власть черпала свою энергию и свои способы действия не только и не столько из себя, сколько из архаического подсознания социума. К этому добавились событийные (войны, революция, резкие социальные перемены) и процессуальные факторы. Необходимо учитывать и когнитологическую объяснительную парадигму, которая трактует поведение человека как целостное поле, захватывающее и субъект, и объект: динамику этого поля образуют чувства, в то время как его структуризация обеспечивается восприятием, моторной функцией и интеллектом. Уточним, что и чувства, и когнитивные формы зависят не только от существующего в данный момент поля, но и от всей предшествующей истории действующего субъекта². Все эти факторы предполагают, что наиболее укорененными в массовом сознании являются те идеологемы, которые идут навстречу горизонтам ожидания массы или же соответствуют архетипам.

Одной из таких идеологием является миф о враге, играющий в тоталитарных идеологиях роль большую, чем нечистая сила в христианстве. Универсальные мифы о рае, золотом веке, земле обетованной (названия могут меняться — суть остается) в их различных интерпретациях возникают из потребности людей возместить то, чего они лишены, то есть выполняют компенсаторную функцию. Миф о враге — особый: он служит для понимания и объяснения действительности, то есть выполняет гносеологическую функцию. С другой стороны, «враг» является

своеобразной знаковой фигурой, в специфике которой можно разобраться, используя семиотический подход, его целью являются поиски ответа не на вопрос «что», а на вопрос «как». Миф о враге — очень древний, существовавший на протяжении многих веков. Его актуализация в XX веке подтверждает то, что тоталитаризм является своеобразной формационной флуктуацией, в рамках которой происходит реставрация отживших социальных порядков, но на новой экономико-технологической основе. Актуализировать можно лишь то, что имеется во внутреннем мире человека, но в бессознательном содержатся как бы матрицы многих состояний и динамических тенденций. Правда, они различаются степенью готовности к актуализации. Миф о враге является одним из наиболее доступных, особенно при использовании суггестивных методов воздействия на сознание. Особое значение имеет диапазон информации, циркулирующей в обществе и в том числе специально направляемой на массовое сознание.

Несмотря на разные функции политических мифов, они являются структурными элементами и образуют крепкую систему, тесно переплетаясь между собой. Так, миф о враге имеет прямое отношение к мифу о вожде, и о светлом будущем. Вообще, эти мифы во многом изоморфны и способны к взаимоусилению. Особую роль играл феномен социоцентризма, когда коллектив был самой ценной сущностью. Для репрессий 1930-х годов социоцентризм был просто находкой. Даже совершая преступления, власть стремилась как бы «освятить» их именем общества, коллектива: не власть, не НКВД, а сам народ расправляется со своими врагами. Коллектив как бы снимает личную ответственность за поступок. Этот эффект можно сравнить с древним обычаем побивания камнями, когда убийцу невозможно было определить, убийцей была вся община. Политика власти, включая самые жестокие акции, поскольку она осуществлялась руками выдвиженцев, создавала иллюзию народовластия. Эта психологическая аберрация в свою очередь повышала устойчивость политической системы.

Самым близким к мифу о враге является миф о герое. Герой — самое динамичное действующее лицо официальной идеологии, предназначенное служить моделью для сублимативной самоидентификации. В «Литературном обозрении» (1939. №11) приводились отклики читателей: «Невольно хочется быть с ними, строить город своими руками, жить их горестями, радоваться их радостям». Самый яркий пример — отношение к Корчагину, как к образцу для подражания. Мифы о герое, побеждающем Зло, о близком «светлом будущем» нуждались в подкреплении, поскольку очевидно входили в противоречие с реалиями жизни. Требовалось какое-то объяснение этим противоречиям. Эту роль играл идеологема о враге, выступающем против «коллектива», покушающемся на «светлое будущее», не дающем мудрому Вождю воплотить его в жизнь.

Синонимом «врага» был термин «вредитель». Это доказывает, что миф о враге является архетипом. Вредитель — это сказочный, фольклорный персонаж, сущность которого, его функции раскрыл в работе «Морфология сказки» В.Я. Пропп. В 1930-е годы фигура вредителя становится основой государственной политики. Классический миф о вредителе, разъясняющий, почему не сбывается обещанный земной рай, начинается с Кулака. В процессе раскулачивания ярко проявились все симпатии и антипатии в деревне, извечное российское противостояние богатых и бедных. В рамках раскулачивания шел процесс насаждения «классовой» ненависти.

Фигура вредителя используется как инструмент управления: в массовое сознание внедряется своеобразная мобилизационная идея. В коре мозга создается зона устойчивого патологического возбуждения. Это не позволяет мозгу адекватно воспринимать сигналы реальной действительности, а человек вовлекается в состояние аффекта. Психологи считают, что для такого состояния характерны резкое сужение сознания и поглощенность обстоятельствами, вызвавшими аффект.

Таким образом, произвольная регуляция поведения предельно ограничена, а власти приобретают широчайшие возможности манипуляции массовым сознанием. Одно из основных правил манипулятивной пропаганды — необходимость создавать смесь чувства страха и экзальтации.

Образ врага был многогранен и мог расширяться, захватывая все новые персонажи, не только в настоящем, но и прошлом. Был период, закончившийся во второй половине 1930-х годов, когда все прошлое России стало, по сути, врагом. Прошлое рассматривалось как «целый ряд веков безумия, где культом было золото...»³. Памятники истории, храмы воспринимались как воплощение, некий знак этого враждебного прошлого. Клеймо врага мог получить даже образ жизни, стремления к уюту, внимание к быту. Отметим двойственность сущности мифа о враге: с одной стороны, он мог воплощаться в личностях, материальных объектах, событиях, то есть иметь конкретный характер, с другой — быть неким абстрактным феноменом, системообразующим элементом.

Например, дело работницы пензенской фабрики «Маяк революции» Макаровой, 1891 года рождения, члена ВКП(б), малограмотной. Допрос проводил уполномоченный НКВД о родственнике Макаровой Савицком, который «...будучи пьяным, говорил, что Сталин — это выскочка, армяшка, кавказский чувячник».

Вопрос: Почему вы не поставили в известность парторганизацию о контрреволюционной деятельности Савицкого?

Ответ: Я допустила политическую близорукость, недооценив политическую важность этих контрреволюционных выступлений.

Вопрос: Признаете ли вы, что, скрыв от партии факты контрреволюционных проявлений, вы сами стали на путь двурушничества?

Ответ: Да, я признаю, что стала на путь двурушничества»⁴.

Интересен сам факт подобного допроса, а также стиль ответов и вопросов, который даже со скидкой на язык протокола являет собой следование словесным стереотипам, представляющим идентификационный знак — знак принадлежности к власти и ее структурам.

Миф о враге — яркое проявление политического негативизма, логика которого находит выражение в максиме «Кто не с нами, тот против нас». Образ врага является стереотипом, позволяющим человеку определять свое поведение в условиях дефицита правдивой информации. Эта мифологема создается на основе инверсии собственных страхов и отрицательных черт, а также собственных позитивных свойств. Согласно логике негативизма, человеком создается как бы собственный зеркальный негативный образ. Официальная идеология ориентируется на массового потребителя, поэтому использует простые формулы, обращенные к первичным чувствам «толпы». Ее движущей силой зачастую оказывается социальная обида и стремление компенсировать комплекс социальной неполноценности. К психологическим причинам того, что общество легко воспринимает образ врага, прибавляется и желание найти «козла отпущения», который может служить объяснением и собственных неудач, и «непогрешимой» власти. Для самой власти миф о враге является настоящим спасательным кругом — недаром так тщательно и планомерно готовился Большой террор. Относительное затишье середины 30-х гг. было лишь чем-то вроде антракта, а на самом деле в это время готовились элементы, которые достаточно было собрать воедино, чтобы начать террор. Отметим, что на определенных этапах репрессии носили характер превенции, устрашения, но это продолжалось недолго, поскольку большей частью они начали приобретать экономический смысл — рабский труд заключенных являлся экономическим фактором.

Интенция на создание образа врага существовала и до 1930-х годов, достаточно вспомнить лозунги о гражданской войне, в которую должна была

превратиться война империалистическая. Идеи большевистской партии стали особенно широко распространяться после февраля 1917 года, когда предыдущие события уже подготовили почву для семян ненависти, и лозунги о расправе с эксплуататорами, экспроприации экспроприаторов находили быстрый отклик в толпе. Шахтинское дело начало целую череду политических процессов, до предела накалявших атмосферу, в которой привычным стало услышать призывы такого рода:

«В советской печати критика — не зубоскальство, не заурядное обывательское хихиканье, а тяжелая, шершавая рука класса, которая, опускаясь на спину врага, дробит хребет и ломает лопатки»⁵.

Особого внимания заслуживает проблема доносительства. В архивах хранится огромное количество доносов, причем множество — с весьма низким уровнем грамотности. Доносительство возводилось в ранг гражданской добродетели, поскольку ненависть к классовому врагу стала обязательным атрибутом лояльности в новом обществе. Даже семантика слова «гуманизм» в 1930-е годы изменилась. На I съезде писателей М. Горький утверждал: «Быть гуманистом — значит не только любить свой народ, партию, Сталина, это значит — ненавидеть их врагов». На том же съезде А. Сурков в качестве примера гуманизма привел председателя уездной ЧК, который тринадцать лет провел в карательных органах, послав на расстрел сотни людей. Сурков говорил о том, что важная черта гуманизма выражена в «суровом и прекрасном понятии «ненависть»⁶. Г. П. Федотов писал о сложившейся ситуации: «Кажется, жалость теперь совершенно вырвана из русской жизни и русского сердца... Жалость для них бранное слово, христианский пережиток, злость — ценное качество, которое стараются в себе развить»⁷. Злость, нетерпимость были характерны для большевизма и его лидеров с первых лет существования, когда же большевики пришли к власти, то эти черты не только не смягчились, но многократно усилились. Даже стиль документов, не говоря уже о публицистике и выступлениях, поражает своей резкостью и откровенной грубостью, рассчитанной на унижение оппонента. Сама резкость языка власти несла в себе мощный заряд ненависти, культивируя агрессивность, месть, насаждая психологию чрезвычайности. Использование определенных, мобилизующих структур языка — традиционное средство манипулирования.

Тем не менее, нельзя относить характеристику, данную Г.П. Федотовым, ко всему поколению. Сострадание, характерная черта россиян, оставалась реальностью. Нередки обвинения должностных лиц в «грубом нарушении революционной законности». В чем это выражалось видно, например, из объяснительной записки секретаря Бессоновского райкома партии Левина: «Я дал в письменном виде указание начальнику РО НКВД об освобождении Скаборчука из-под ареста до разрешения вопроса краевыми органами, поскольку у него только что родился ребенок, и жена, и ребенок были больны... Признаю как политическую ошибку»⁸.

Репрессии тесно связаны с проблемой взаимоотношений человека и власти в российском обществе. Практически все предвоенное десятилетие прошло под знаком мифа о враге: общество должно было жить ненавистью, методично насаждавшейся в массовом сознании. Но ненависть — непродуктивна, к тому же в российском социуме, несмотря на социальные пароксизмы, существовали и глубокие гуманистические традиции. Опыт российской истории 1930-х годов говорит о том, что общество (и человек, и власть являются его структурными элементами) может быть предрасположено к репрессиям — и к их проведению, и к их восприятию. Необходимо тщательно «отслеживать» количественное и качественное накопление тех факторов, которые этому способствуют.

¹ Франк С. Из размышлений о русской революции //Русская идея: В кругу писателей и мыслителей Русского Зарубежья: В 2-х т. Т.1. М. 1994.

² См.: Ж. Пиаже. Избранные психологические труды. М., 1994; *Его же*. Онтогенез знаний и его эпистемологическое значение //Семиотика. М., 1983.

³ Рабочая Пенза. 1936. 9 сентября.

⁴ Государственный архив Пензенской области. Ф.37. Оп.1. Д.454. Л.17.

⁵ Красная газета. 1928. 6 мая.

⁶ Первый Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1934. С.315-316.

⁷ Г. П. Федотов. Письма о русской культуре // Русская идея. Т.1. С.77.

⁸ Государственный архив Самарской области. Ф.1141. Оп.8. Д.167. Л.57.

А. М. ДЕМИДОВ

(кандидат юридических наук, доцент.
Академия ФСБ России)

КРАСНАЯ АРМИЯ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ ПО ОЦЕНКАМ ИНОСТРАННЫХ РАЗВЕДОК

Красная Армия в 1930-е годы оставалась объектом первоочередных разведывательных устремлений иностранных спецслужб. Однако их деятельность на территории СССР в этот период была в значительной степени парализована органами госбезопасности, сбор разведывательной информации даже с легальных позиций был существенно затруднен. Об условиях, в которых приходилось в то время работать иностранным разведчикам под прикрытием дипломатических паспортов, свидетельствовал второй секретарь посольства США Уорда: «Пожалуй, самые большие скептики из членов посольства до приезда в Москву не предполагали существования той невидимой, но, тем не менее, прочной и фактически непроницаемой стены, которая столь эффективно отделяет их от всяких общественных отношений с советскими гражданами. Не будет преувеличением сказать, что дипломатический корпус в Москве рассматривается как источник заразы, который необходимо изолировать, чтобы предохранить умственное здоровье советских граждан... Для подавляющего большинства советских граждан члены американского посольства... являются чем-то ужасным, вроде чумы. В результате такого положения мадам Уорд и я имеем очень мало советских знакомств и по большей части поддерживаем знакомства только с другими американцами в Москве и коллегами по дипломатическому корпусу»¹. Уорда дополнял служащий резидентуры Биллингс: «Здесь я не делаю ничего такого, чего бы я не мог делать в Вашингтоне или в Канзасе, если бы там можно было получать ежедневные советские газеты»².

В аналогичных условиях приходилось работать разведчикам и других стран. «При нынешней политической обстановке, — докладывал военно-технический резидент Японии майор Ояидзу в декабре 1937 года, — в особенности в связи с японо-германским антикоминтерновским пактом, в СССР проводится сугубо репрессивный режим в отношении японцев и немцев и конечно мы ощущаем недостаточность наших материалов по СССР»³. Японский майор задавался вопросом, какие материалы можно собирать, находясь в СССР, и сам же отвечал: только легальную литературу, книги и прессу или еще данные, получаемые в общении с чинами посольства, корреспондентами и представителями концессий. Ему вторил военно-морской атташе Германии в Москве, который подчеркнул в своем докладе, что точные данные получать «сравнительно трудно» и приходится довольствоваться приблизительными выводами.

В связи с этим повышалась роль аналитической работы. Сравнительно большим по объему массивом аналитических материалов о состоянии Красной Армии накануне массовых политических репрессий располагали французские разведчики. В кратком изложении суть этих данных сводится к следующему:

В 1933 году бюджет Наркомата обороны поднялся до 1,5 миллиарда рублей, в 1934 году он дошел до 5 миллиардов, в 1935 году — до 8,2 миллиардов, в 1936 году достиг 14 миллиардов рублей. В современном состоянии Красная Армия представляет собой внушительную силу. Ее численность весьма значительна и в мирное время составляет 1200000 — 1400000 человек, хотя точно определить наличный состав невозможно. По своим людским ресурсам население страны могло ежегодно давать армии от 1200000 до 1500000 молодых людей, но из-за недостатка казарм призыв ограничивается 600000 человек. Кроме обычных армейских

подразделений имеются отборные воинские части: войска «охраны государственной безопасности» численностью 100000 человек, пограничные части — 60000 и эскортные воинские части — 30000 человек.

Имеются 86—88 пехотных дивизий, из которых около 20 являются дивизиями территориального типа, а 61 дивизия сгруппирована в 21—22 армейских корпуса. Насчитываются 29—31 кавалерийские дивизии, из которых 19—20 составляют 6—7 кавалерийских корпусов. Около 4500 танков составляют вооружение трех мотомеханизированных корпусов, 15 бригад, нескольких батальонов и нескольких отдельных полков. Техника, обновляемая терпеливо и с большими затратами в течение десяти лет, хороша и имеет прекрасный вид. Хотя Красная Армия сама изобретает мало, она умеет заимствовать у иностранных армий.

Красная Армия стала постепенно сознавать свою силу, и это сознание превосходства властями тщательно поддерживается. Политическое воспитание бойцов и командиров является объектом наиболее внимательных забот. Их убеждают в непобедимости, в том, что они представляют собой авангард мирового пролетариата и что взоры всего мира устремлены на них. В армии по отношению к социалистическому отечеству имеется больший энтузиазм, чем это было по отношению к царю.

Осознание как внутри СССР, так и за границей важного значения Красной Армии в течение нескольких лет вызвало перемену в некоторых международных отношениях. Советское командование, которое еще недавно было полностью занято обороной, диктуемой одновременно и осторожностью, и соседством «буферных государств», теперь более охотно предусматривает наступательные действия.

Однако многочисленная армия, сформированная сравнительно недавно, находящаяся под командованием молодых офицеров, хорошо снаряженная, хорошо снабжаемая продовольствием и переведенная на военные рельсы еще в мирное время, склонна к тому, чтобы недооценивать некоторые проблемы, вся важность которых обнаружится лишь через несколько недель после возникновения войны: недостаточная гибкость в области промышленности, неудовлетворительное состояние транспорта. Быть может из опасения тяжелых последствий продолжительного конфликта, здесь, кажется, предусматривают войну кратковременную, жестокую, уничтожающую.

Принимая во внимание наличие 170-миллионного населения, можно предположить, что наличный состав боевых сил в военное время будет насчитывать 450—500 дивизий. Но это не так. Количества произведенных в офицеры слушателей, ежегодно оканчивающих военные школы, недостаточно, чтобы дать командный состав для 15-миллионной массы бойцов. Кроме того, всеобщий недостаток в квалифицированных кадрах не допустит мобилизацию лучших специалистов промышленности и сельского хозяйства. В дополнение к этому, вероятно, побоятся доверить оружие тому крестьянству, которое согласилось на коллективизацию не без сопротивления. Таким образом, в военное время силы Красной Армии могут увеличиться лишь в слабой степени, поэтому советское верховное командование ограничит число дивизий самое большее двумя сотнями.

Наименее известно и труднее всего поддается оценке качество личного состава Красной Армии. За границей в этом отношении настроены вообще скептически: слишком часто русские игнорируют уроки мировой войны. Маневры в присутствии иностранных военных атташе показывают великолепных исполнителей, обладающих изумительными физическими качествами, но не имеющих, как кажется, ни малейшего представления о силе огня: во время последних маневров на Кавказе можно было видеть, что кавалерия предпринимала атаки с саблями в руках.

Красная Армия унаследовала тяжелое прошлое царской армии, которая, начиная с половины XIX века, появлялась на полях сражений с весьма крупным

личным составом и с усовершенствованной материальной частью, знала одни только поражения, или половинчатые успехи. И в Красной Армии продолжают существовать некоторые недостатки, которыми страдала русская армия при старом режиме: посредственность верховного командования и недостаток инициативы у командования войсковыми частями — от самой малой до самой крупной единицы.

Это положение имеет тенденцию к улучшению: в 1936 году состоялся пересмотр рангов, его главной целью являлось устранение из армии непригодных элементов, количество которых увеличилось во время Гражданской войны. Правительство, еще недавно желавшее, чтобы будущий офицер был сыном крестьянина, либо рабочего, предпочитает в настоящее время этому классовому критерию критерий культурный.

Самое существенное этой армии ставит внутри СССР серьезные проблемы: армия, созданная народом в процессе революции, постепенно сделалась привилегированной кастой. Офицерский корпус становится настоящим классом. Однако контакт между войсковой частью и пролетариатом, из которого она вышла и к которому возвращается вновь, продолжает существовать. Возможно даже, что под давлением солдат, вернувшихся к своим домашним очагам после того, как они ознакомились с лучшей жизнью, советская власть вынуждена будет ускорить темпы преобразований, которые диктуются ей именно наличием неустойчивого положения в деревне. От этого зависит решение проблемы морального состояния резервов и безопасности тыла⁴.

В ходе массовых репрессий появились новые акценты в разведывательных оценках Красной Армии. Так, в японских информационных материалах, датированных январем 1938 года, констатировалось: влияние и значение Красной Армии, которая до сих пор всегда ставилась рядом с партией как страж революции, значительно померкло; после дела Тухачевского колоссальная сила армии, авиации и флота, которая была объединена в руках Ворошилова, стала рассматриваться как потенциальная угроза государственному порядку, поэтому был введен институт комиссаров и созданы военные советы, благодаря чему командующие военными округами поставлены под непосредственный контроль партии, и партийное влияние во всех частях войск значительно возросло; создание Народного комиссариата военно-морского флота следует рассматривать как сокращение сферы компетенции Ворошилова.

«Таким образом, — говорится в одном из документов, — Красная Армия в значительной степени утратила свою самостоятельность, инициативу и решительность из-за внедрения в ее руководство не военных людей; она в сильной степени утратила свою монолитность и централизованность вследствие дробления на отдельные наркоматы, и, в общем, ценность Красной Армии как комплекса вооруженных сил страны резко снизилась. Но при нынешних условиях Советскому Союзу ничего не остается, как только примириться с этим ослаблением своей оборонной мощи»⁵.

Заслуживающую внимания работу провел в СССР литовский военный атташе полковник Казис Скучас. За три с половиной года пребывания в Москве он среди своих зарубежных коллег приобрел репутацию одного из способнейших аналитиков советской действительности, его мнение было авторитетным для работников дипломатического корпуса. Аналитические способности К. Скучасы высоко ценил американский поверенный в делах в Москве Гордон Гендерсон, который поддерживал с ним деловые контакты более десяти лет.

Уже в конце 1937 года К. Скучас отметил явные признаки понижения мощи Красной армии вследствие политических репрессий многих из ее командиров: «Чистка привела... к определенному падению уверенности в себе у оставшихся после чистки командиров и падению веры красноармейцев в честность и

способность их командиров. Каждый командир высшего состава чувствует теперь, что за ним с подозрительностью наблюдают окружающие его. В результате, отдавая приказ, он уже не имеет в виду одни только военные факторы. Он теперь сознает, что прежде чем отдать приказ, ему надлежит тщательно подумать, не может ли этот приказ быть политически истолкован, как неблагоприятный для него самого. В результате у командиров заметна тенденция к тому, чтобы избегать отдачи некоторых приказов и, где только это возможно, уклоняться от ответственности путем откладывания отдачи приказов впредь до получения предварительного одобрения своих старших военных начальников. Их старшие военные начальники, в свою очередь, подобным же образом склонны уклоняться от ответственности, либо путем представления проектов приказов, безотлагательной отдачи которых требуют военные интересы, своим высшим начальникам, либо путем откладывания их под сукно».

Иными словами, репрессии сковали инициативу командного состава Красной Армии, породили пассивность и нежелание брать на себя ответственность, вызвали определенное падение морального духа военнослужащих.

Отмечая негативные последствия политических репрессий, К. Скучас призывал не делать вывод, что Красная армия находится в состоянии паники и дезорганизации. «Я думаю, — высказывал свое твердое убеждение литовский разведчик, — что она еще в состоянии нанести страшный удар любому ее вероятному врагу». Это утверждение базировалось также и на личных наблюдениях: будучи как военный атташе неоднократно приглашенным на учения, он имел возможность лично убедиться в хорошей физической подготовке красноармейцев, отмечал их несомненный энтузиазм и считал, что они покажут свои превосходные качества, по крайней мере, при первых столкновениях с неприятелем.

«Действительные затруднения, — прогнозировал полковник Скучас, — начнутся с первой неудачи. Представляется вероятным, что как только начнут возникать затруднения — безразлично, будут ли это затруднения в виде поражений в бою, или в виде недостатка снаряжения для красноармейцев, или недостаточного транспортного оборудования — сейчас же начнутся обвинения в саботаже, предательстве и так далее. Вот только тогда даст себя знать полностью тот вред, который был причинен Красной армии в течение прошлого (1937 — А. Д.) года»⁶.

---

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф.3. Оп.5. Д.180. Л.181.

² Там же. Л.15.

³ Там же. Л.7.

⁴ Там же. Л.190-200.

⁵ Там же. Л.34.

⁶ Там же. Л.4-5.

С.В. ЛЕОНОВ

(доктор исторических наук, профессор.

Московский государственный педагогический университет)

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ВЧК В ГПУ

Общепризнанная точка зрения на упразднение ВЧК и создания вместо нее Главного политического управления при НКВД РСФСР подразумевает, что изменение политики руководства страны в связи с переходом к НЭПу вызвало и реорганизацию органов государственной безопасности. В самом общем виде этот тезис не вызывает сомнений. Однако более внимательный анализ порождает ряд вопросов.

Прежде всего, не совсем понятно, почему переход к НЭПу начался в марте 1921 года, а реорганизация ВЧК была проведена лишь в феврале 1922. Хотя это можно объяснить определенной инерционностью изменений политических и государственных структур на крутом историческом вираже, остается неясным, какие конкретные факторы вызвали данное преобразование. Непонятно и то, что именно побудило большевистское руководство к столь радикальным — если судить по официальным декларациям — мерам, тем более что почти сразу же после создания ГПУ его функции, существенно суженные по сравнению с ВЧК, вновь стали стремительно расширяться. Таким образом, нельзя не признать, что вопрос о реальных причинах и характере данной реформы является отнюдь не надуманным.

Чтобы приблизиться к пониманию причин реорганизации и не попасть при этом в ловушку простых ответов, напомним об отношении по отношению к ВЧК со стороны советской общественности и особенно партийно-государственной элиты. Это отношение было далеко не однозначным. ВЧК наряду с Красной Армией была важнейшим государственным институтом, внесшим неоценимый вклад в выживание советского режима, но у значительной части большевиков, а уж тем более у беспартийной советской общественности (про несоветскую нечего и говорить) сохранялась определенная настороженность к ВЧК, поэтому в периоды смягчения обстановки выдвигались находившиеся втуне опасения, раздражение от ее бесконтрольности и самоуправства, а порой и откровенный ужас. Особенно остро эта проблема встала после завершения Гражданской войны и перехода к новой экономической политике.

Ф.Э. Дзержинский и чекистское руководство, вынужденные реагировать на изменение обстановки и настроений в партии, попытались взять инициативу в свои руки. Со второй половины 1920 года началась определенная перестройка деятельности ВЧК, связанная не только с внутренней реорганизацией, но и с попытками ограничения непосредственных расправ, усиления агентурной работы и улучшения взаимодействия с другими ведомствами. Некоторых результатов добиться удалось. В ответ на вопросы анкеты, изложенной в приказе ВЧК от 23 июня 1920 года об отношениях с ревтрибуналами, партийными и советскими органами, более 80% губернских ЧК заявили о том, что эти отношения удовлетворительные или что они стали таковыми в последнее время, и только четыре комиссии указали на имеющиеся проблемы. (Причем смоленские и особенно пермские чекисты отметили осложнения, возникающие с партийными организациями из-за преследований ЧК «подчас ответственных работников», так или иначе замешанных в преступлениях.) В то же время лишь три-четыре ЧК заявили, что улучшать отношения с другими органами не требуется¹.

Ничто, казалось, по-настоящему не угрожало положению ВЧК и уж тем более не обещало столь кардинальной меры, как «упразднение». Напротив, весной 1921 года большевистское руководство возложило на нее новые ответственные задачи по

«доликвидации» эсеров и меньшевиков, чистке госаппарата, усилению пограничной охраны и т.д. Более того, по инициативе В.И. Ленина чекистские органы впервые были привлечены к борьбе с отдельными представителями внутрипартийной оппозиции и к осуществлению чистки большевистской партии. Рос центральный аппарат ВЧК, в нем появлялись новые структуры, возрастало число сотрудников. Помимо объективной востребованности функций ВЧК партией и государством, залогом стабильности ее положения служила позиция Ленина, который в большинстве многочисленных и острых конфликтов ВЧК с другими ведомствами поддерживал чекистов и шел на некоторые ограничения их полномочий лишь тогда, когда их действия угрожали жизненным интересам Республики.

Однако постепенно в отношении Ленина к ЧК стали появляться новые акценты. Уже с марта и, особенно с мая 1921 г. вождь все чаще стал интересоваться судьбой арестованных (особенно «буржуазных специалистов»), пытаться выяснить мотивы арестов, а порой и прямо требовал их освобождения, или же возвращения имущества, пропуска за границу и т.п., причем все чаще сталкивался с тем, что осмелевшие и твердо верившие в свою правоту чекисты далеко не всегда беспрекословно выполняли его указания. Тем не менее, подобные случаи все же не явились непосредственной причиной реорганизации ВЧК.

Начало принципиального изменения отношения большевистского руководства к ВЧК стало отправной точкой в деле об аресте германского кинематографиста Бартельса. 20 октября 1921 года по предложению Л.Д. Троцкого политбюро ЦК РКП(б) обсудило этот вопрос и постановило «строжайше наказать тех ответственных чекистов, которые помимо главы соответствующего ведомства т.Чичерина произвели обыск и арест Бартельса». Было решено «дать строжайшую инструкцию т.Уншлихту и создать еженедельные совещания его с представителями НКВД и РСФСР», принести официальные извинения немецкой организации². Столь бурная реакция объяснялась не только стремлением большевистской верхушки к развитию отношений с Германией, но и взятым курсом на установление экономических и дипломатических отношений с капиталистическими державами, и большевистское руководство, естественно, не могло позволить чекистам сорвать свои планы. Многочисленные вопросы, связанные с нормализацией отношений с западными странами в октябре—декабре 1921 года обсуждались почти на каждом заседании политбюро. Примечательно, что едва ли не столь же часто на этих заседаниях в данный период стали рассматриваться и проблемы деятельности ВЧК.

Заседание политбюро 20 октября имело далеко идущие последствия. Уже 23 октября, вдохновленный его решениями, Г.В. Чичерин написал В.И. Ленину письмо, в котором привел многочисленные факты произвола и грубейших злоупотреблений властью чекистами Черноморо-Кубанского побережья по отношению к иностранцам и даже дипломатическим представителям (аресты дипкурьеров, обстрелы турецких судов, насильственные обыски, изъятия товаров, оскорбления и грубость, откровенное игнорирование мнения НКВД и его представителей). «Поддержка хороших отношений с Турцией положительно невозможна, — подчеркивал Наркоминдел. — С Америкой, Германией и Персией уже возник из-за этого ряд конфликтов». Разъяренный Ленин, полностью поддержав Чичерина, предложил «арестовать паршивых чекистов» и виновных расстрелять³.

Уже на следующий день оргбюро ЦК приняло постановление о «перемещении ответственных работников ВЧК». 27 октября политбюро утвердило его и пересмотрело свое решение по делу Бартельса, предписав чекистам, «в случаях особо важных обысков, особенно если дело касается иностранцев» извещать главу соответствующего ведомства. Кроме того, по предложению Троцкого, политбюро приняло постановление об инструктировании органов ВЧК в отношении иностранцев и предписало привлечь к суровой ответственности тех чекистов, которые инструкции

нарушают и «руководствуются методами 18 года». ВЧК совместно с наркоматами иностранных дел, внешней торговли и военным ведомством было предписано выработать «совершенно точные и ясные инструкции» по отношению к иностранцам, а НКВД и НКВД — «внимательно следить за тем, чтобы аппарат ЧК отражал соответствующие изменения в нашем международном положении». Политбюро решило опубликовать правительственное сообщение о том, что «враждебная... международная печать распространяет слухи о невозможности из-за органов ЧК иметь деловые отношения с Советской Россией», что несколько случаев «неправильных действий» чекистов подтвердились, правительство расследовало их и наказало виновных⁴.

Это был недвусмысленный сигнал Западу о реальной готовности к налаживанию взаимоотношений. Зачем потребовался этот шаг, стало ясно уже на следующий день, 28 октября, когда советское правительство обратилось к ведущим державам с предложениями созыва международной конференции для решения всех спорных проблем, (в том числе связанных с царскими долгами, блокировавшими выделение кредитов и приток серьезных инвестиций), кардинального улучшения отношений; признания советского режима и заключения всеобщего мира.

Решения Политбюро от 20 и 27 октября не только сузили права чекистов по отношению к иностранцам и в сфере международных отношений, но дали толчок к дальнейшему ограничению их полномочий и к началу реальной реорганизации всемогущего ведомства. Инициатором всего этого стал В.И. Ленин. 9 и 11 ноября СТО, а затем политбюро поставили вопрос о сокращении штатов ВЧК. 10 и 15 ноября 1921 года Совнарком, обсудив вопрос о надзоре «за следствием», поручил разработать нормы, регулирующие взаимоотношения ВЧК и Наркомюста и устанавливающие надзор НКЮ за следственным аппаратом ВЧК, для чего была создана комиссия в составе Ф.Э. Дзержинского, Л.Б. Каменева и Д.И. Курского. Среди ее членов сразу же начались разногласия. Дзержинский выступил против сколько-нибудь серьезных сокращений в ЧК. При существовавшем штате в 105 тысяч человек он предлагал определить новый штат ВЧК в 100 тысяч основного состава и 25 тысяч резерва. На заседании политбюро 25 ноября 1921 года было принято предложение Каменева и Курского — 90 тысяч основного состава человек и 15 тысяч резерва⁵.

29 ноября Ленин написал записку Каменеву, в которой поддержал его и по другим вопросам, связанным с максимально возможным урезанием полномочий ВЧК, 1 декабря 1921 года набросал проект постановления политбюро, в котором впервые поднял вопрос о возможном изменении ее названия. Вечером того же дня политбюро поручило комиссии разработать проект документа, руководствуясь указаниями вождя⁶. Дальше дело застопорилось. Лишь 18 декабря пленум ЦК рассмотрел проблему компетенции ВЧК, но на следующих заседаниях к обсуждению не вернулся⁷. Между тем принятые XI партконференцией и IX съездом советов резолюции о необходимости пересмотра положения о ВЧК и сужения ее компетенции предопределили победу ленинской линии.

В январе 1922 года, в период активного развития отношений с ведущими державами и подготовки Генуэзской конференции, последовали дальнейшие шаги. 5 января 1922 года политбюро решило создать комиссию по ознакомлению с делом заведующего отделом стран Согласия Наркомата иностранных дел А.Ф. Нуортевы⁸, арестованного чекистами еще в марте прошлого года. 23 января было принято постановление политбюро, которым Д.И. Курскому и И.С. Уншлихту поручалось разработать проект нового положения и внести его во ВЦИК. Подробные директивы комиссии предусматривали упразднение ВЧК и создание при НКВД Главного политического управления с существенно более узкими функциями. Вместе с тем подчеркивалась задача «сохранения максимально боевого аппарата ВЧК» и

предлагалось введение в состав судей «особо выдвигаемых ВЧК лиц»⁹, что усиливало контроль чекистов за судебными органами.

26 января Уншлихт написал записку Ленину, в которой выразил свое несогласие с принятыми решениями. Он был готов даже принять новое название, но выступал против потери самостоятельного статуса и введения ГПУ в состав НКВД, а также против резкого урезания полномочий своего ведомства¹⁰. Однако возражения Уншлихта и других чекистов (в частности, Я.Х. Петерса, который написал Ленину о несвоевременности упразднения ВЧК) не возымели существенного эффекта. 2 февраля 1922 г. политбюро утвердило проект положения об «упразднении ВЧК» и, в то же время, пойдя на некоторые уступки чекистам, сохранило за ГПУ права военного ведомства в отношении снабжения и предусмотрело образование при НКВД коллегии ГПУ, утверждаемой Совнаркомом «6 февраля 1922 года президиум ВЦИК принял декрет «Об упразднении ВЧК и о правилах производства обысков, выемок и арестов».

9 марта политбюро утвердило положение о ГПУ и особых отделах. Особыми постановлениями права еще не созданного, по сути, ГПУ были расширены. Ему, по предложению И.С. Уншлихта, были предоставлены права вынесения «внесудебных приговоров с ведома президиума ВЦИК» по делам собственных сотрудников, «непосредственной расправы» над лицами, «уличенными в вооруженных ограблениях» и уголовниками, «пойманными с оружием в руках», а также ссылки и заключения в Архангельский концлагерь «подпольных анархистов, левых эсеров и уголовников-рецидивистов»¹². Расширение полномочий ГПУ было продолжено на следующих заседаниях политбюро. В октябре 1922 года ВЦИК законодательно закрепил за Госполитуправлением право внесудебной расправы, включая расстрелы в отношении взятых на месте преступления бандитов и налетчиков. В 1923 году ГПУ было преобразовано в ОГПУ, которое уже не входило в состав НКВД, а подчинялось непосредственно Совнаркому. Таким образом, отличительные особенности ВЧК в значительной мере были воспроизведены «новыми» органами госбезопасности. Противоречие между декларированным кардинальным характером реорганизации ВЧК и сравнительно скромным изменением ее реальных функций подтверждает и небольшое изменение численности сотрудников. К началу 1922 года в центральном аппарате ВЧК состояло 2735 человек, а в ГПУ в октябре, по новым штатам, — 2473 (с резервом — 2798).

Таким образом, реальная реформа советских органов госбезопасности была куда менее радикальна, чем это пыталось представить большевистское руководство. Хотя ГПУ потеряло отчасти право непосредственной расправы, несколько активизировало перестройку методов своей работы, в целом его функции и аппарат мало изменились. Из целого ряда серьезных и взаимосвязанных факторов, вызвавших реформу ВЧК, во всяком случае, в той форме, в которой она произошла, ведущим все же был международный. После неудачи Генуэзской конференции и в то же время нараставшего процесса дипломатического признания Советской России, влияние международного фактора в целом стало снижаться.

¹ Посчитано по: ГАРФ. Ф.1005. Оп.2. Д.20. Л.238-239. РЦХИДНИ.

² Ф.17. Оп.3. Д.219. Л.3-4.

³ См.: В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891—1922. М., 1999. С.476-479.

⁴ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3. Д.223. Л.1-3.

⁵ Там же. Оп.163. Д.218. Л.3, 5; В. И. Ленин и ВЧК: Сб. документов (1917—1922). М., 1987. С.498.

⁶ Там же. С.505-509; РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3. Д.239. Л.1.

⁷ Там же. Оп.2. Д.74-76. Там же. Оп.3. Д.249. Л.1.

⁹ Там же. Оп.163. Д.239. Л.23.

¹⁰ Там же. Ф.5. Оп.1. Д.2558. Л.50.

¹¹ Там же. Д.279. Л.2-3.

А.М. БОРЕИКО
(Академия ФСБ РФ)

ОБ ОДНОЙ ПОПЫТКЕ АГЕНТУРНОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ В ШТАБ РУССКОГО ОБЩЕВОИНСКОГО СОЮЗА

В литературе утвердилось мнение, что после неудачного завершения операции «Трест» руководство ОГПУ отказалось от попыток установления связи с руководством Русского общевойскового союза путем подставы фиктивной контрреволюционной организации, перейдя к тактике внедрения агентов в руководство союза (Н.В. Скоблин), либо к острым операциям (А.П. Кутепов). Фактически же действия по старой схеме продолжались. Об одной попытке агентурного проникновения в РОВС повествует агентурное дело «Стрела», хранящееся в ЦА ФСБ РФ.

В конце 1931 года 8 отделением Экономического управления ОГПУ был завербован агент «Гинзбург», бывший полковник царской армии, прошедший Гражданскую войну в Швейцарии. На волне НЭПа он вернулся в СССР, торговал фруктами, работал в артели, потом в Наркомфине, откуда был уволен после так называемой «чистки» и устроился научным сотрудником в институт механизации сельского хозяйства ВАСХНИЛ. Ко времени вербовки постоянно жил на даче в подмосковном поселке Лианозово, где разбил огород, держал коров и кур. Он охотно пошел на сотрудничество. В агентурном донесении от 28 ноября 1931 года писал: «Насколько я себе представляю, задача, которую предлагается дать мне при командировке за границу, обуславливается соображениями такого рода: обостряющаяся в настоящее время борьба вызывает у правительственных органов Союза необходимость создания мостов между эмигрантскими группировками на западе и у нас, которые позволили бы держать в поле зрения советского правительства деятельность упомянутых группировок. Это мероприятие вызывается усилением активной деятельности указанных групп». «Гинзбург» заявлял, что может установить связь с главою РОВС Е.К. Миллером и с великим князем Кириллом¹.

Агент самостоятельно получил командировку по линии академии в Германию и Францию сроком на два месяца, и 25 марта 1932 года выехал за рубеж. В задании говорилось только об «установлении связи с кругами белой эмиграции, поддерживающей контрреволюционные сельскохозяйственные группировки и организации в СССР. Нащупывание, установление связи и получение поручений от центров и организаций, ведущих сельскохозяйственную экономическую разведку в СССР», а по возможности и других шпионских групп. О РОВСе не упоминалось².

С поставленной задачей «Гинзбург» справился. В Кенигсберге он познакомился с редактором выходившего на русском языке сельскохозяйственного журнала «Восточноевропейский земледелец», германским подданным Василием Львовичем Брейфусом. После разговоров о крахе планов первой пятилетки и обсуждения реального положения колхозов Брейфус предложил «Гинзбургу» сотрудничество. Следуя инструкции, тот согласился. Договорились, что по возвращении агент выступит с инициативой создания «Бюро иностранного опыта ВАСХНИЛ в Германии», после чего Брейфус посетит СССР как переводчик делегации сельских хозяев Восточной Пруссии. Брейфус просил «Гинзбурга» впредь соблюдать крайнюю осторожность, не сближаться с антисоветски настроенной эмиграцией и принимать меры против возможного наружного наблюдения. Формальную вербовку с ясным предложением и дачей обязательства (расписки) «Гинзбург» отрицал. Что вполне вероятно, поскольку речь шла только о легальной разведке³.

Более плодотворной оказалась поездка «Гинзбурга» во Францию. Неблагоприятные политические условия (агент прибыл в Париж в день похорон

президента Думера) первоначально затруднили выполнение задания. Почти полмесяца «Гинзбург» занимался только научной работой. Когда страсти улеглись, агент позвонил Миллеру и попросил о встрече. Предлогом была необходимость узнать адрес семьи общих знакомых, дабы сообщить им о гибели их родственника в Москве. Первая встреча с главой РОВСа состоялась 28 мая 1932 года. Как и последующие, она проходила на квартире Миллера. Офицеры вели светскую беседу о состоянии РККА, колхозах, возможной реакции находящихся в запасе, рабочих и крестьян на мобилизацию. Вторая встреча состоялась 4 июня. В разговоре «Гинзбург» сообщил, что «в СССР есть элементы, которые не только надеются, но и стремятся к тому, чтобы восстановить прежнюю Россию». Намеки не произвели на Миллера никакого впечатления. Он холодно отметил, что ни в какие интеллигентные группы не верит. Если же группировки есть, то пусть они докажут свое существование «актами». Тогда найдутся и деньги, и возможности помочь. Также Миллер заявил, что интервенции Франции не будет — все надежды РОВСа были связаны с вооруженным столкновением СССР и Германии. Третья встреча состоялась в середине месяца. Разговор стал чуть откровенней. Миллер повторил, что поверит в российские группировки только после «актов», РОВС де имел возможности для поездок в Россию, но после дела Шульгина «мы очень осторожны». Миллер добавил, что после похищения Кутепова РОВС принял решение «оставить попытки вступления в связь с «имеющимися в СССР организациями»: решено обходиться «собственные ячейки»⁴.

«Гинзбург» счел дело неудавшимся. По собственной инициативе он предпринял попытку установить 10 связь с другой эмигрантской организацией. Выбор пал на А.Ф. Керенского. «Гинзбург» прошел в редакцию «Возрождения», а затем и к главному редактору. Тот был дружелюбнее Миллера и сразу согласился на сотрудничество. Керенский нуждался в любых «корреспонденциях из России», поставлять которые и вызвался «Гинзбург». Было решено, что письма будут исполняться шифром, тайнописью и высылаются по условному адресу⁵.

Контакт с главой РОВС агент считал недостижимым, однако 5 августа Миллер сам позвонил ему и назначил встречу. Разговор Миллер начал с фразы: «Я Вам вполне доверяю и просил бы Вас заехать ко мне, чтобы сделать Вам следующее предложение». В ответ «Гинзбург» изобразил колебания, но после честного слова генерала, что об их сотрудничестве будет знать только он, согласился. Миллер просил «дать приют на неделю-две тем людям, которых он лично будет... направлять». По его словам, границу переходить было легко, а дальше начинались проблемы. Присланных надлежало принять, спрятать на пару недель и переправить в следующую ячейку. РОВС имел ячейки в РККА, приграничных местностях, казачьих областях и в Донбассе. В Центральном районе (Москва и область) сети не имелось, и ее Миллер хотел создать. В случае удачного развития сети, к осени следующего года РОВС мог послать и одну-две «активные» (террористические) группы.

«Гинзбург» согласился. Немедленно обсудили подробности. «Гинзбург» сообщил все необходимые сведения, нарисовал план своей дачи. Миллер обещал прислать разновременно несколько человек. Установили пароль, отзыв и опознавательный знак (трехрублевая купюра), договорились о связи (тайнопись, шифр по книге, письма высылаемые на условный адрес). Первым должен был писать «Гинзбург». О вознаграждении не было и речи — бывшие офицеры работали за идею⁶. В ОГПУ отметили, что «Источник», не имея конкретных заданий и не проводя никакой легенды, достиг весьма значимых результатов, что «генерал Миллер проявил в деле сближения с «Источником» и дачи ему заданий свою личную инициативу без какой-либо назойливости в этом вопросе со стороны «Источника». В

интересах развития связи с Миллером было решено не выходить на связь с Керенским⁷.

В конце сентября 1932 года «Гинзбург» отправил Миллеру первое письмо, где сообщил о степени готовности к проведению операции. Ответа не последовало. 6 марта 1933 года он послал второе письмо, где просил «повременить» с посылкой людей. 11 июня, поскольку Миллер вновь не отвечал, в условный адрес направил открытку. Только 22 сентября от Миллера был получен первый ответ. В иносказательных выражениях говорилось, что первого письма он вовсе не получил (впоследствии оказалось, что «Гинзбург» перепутал адрес), а второе не было расшифровано. 7 ноября «Гинзбург» сообщил, что обстановка улучшилась и работу вести можно, но ответа от Миллера не последовало⁸. (Оперативные работники не исключали, что причиной пассивности Миллера могла быть несанкционированная публикация летом 1932 года в «Правде» фельетона М. Кольцова «В норе у зверя».) Неожиданно 10 апреля 1934 года около 15 часов на дачу к «Гинзбургу» явился странный посетитель. Не представившись, он сказал жене «Гинзбурга», что пришел по поручению сестры ее мужа, приехавшей насколько дней назад из Англии. Затем неизвестный стал расспрашивать, служил ли «Гинзбург» в армии, где именно жил в Швейцарии, где служит сейчас, когда уезжает и возвращается, имеет ли выходные и когда его можно видеть... В ответ жена «Гинзбурга» предложила незнакомцу прийти, когда муж будет дома. Незнакомец держался очень странно. Не говоря уже о предлоге посещения и расспросах, он пришел в рабочее время, когда служащих невозможно застать дома. Все сестры «Гинзбурга» давно уже умерли, и родственников за границей они не имели. В разговоре неизвестный всячески напускал на себя таинственность, а, выйдя за ворота, на глазах у жильцов вынул из канавы другие штилеты и переобулся. Наружным наблюдением неизвестный был прослежен до места жительства. Посетителем оказался Андрест Сергей Владимирович, работавший печатником в типографии, и проживал в бараках Метростроя. По данным Андрест жил крайне бедно, постоянно ссорился с соседями.

Утром 12 апреля Андрест пришел на дачу к «Гинзбургу». На сей раз, он представился и предъявил паспорт и профсоюзный билет. Андрест сказал, что является племянником «Гинзбурга» и рассказал совершенно фантастическую историю. Являясь идейным толстовцем и чудом избежав потому расстрела, он де устал от реалий советской действительности и решил эмигрировать в Швейцарию. Для натурализации ему необходимо представить документы, подтверждающие швейцарское гражданство его отца и то, что он его законный сын. «Гинзбург» заметил, что Андрест разбирался в швейцарском иммиграционном законодательстве. На «Гинзбурга» Андрест де вышел случайно через некоего собаководы, у которого агент год назад купил породистую овчарку. Собаку тот действительно купил, но заводчику ничего о себе не рассказывал. «Гинзбург» ответил, что вопрос слишком серьезный, и что он подумает. В донесении «Гинзбург» отметил как фантастичность рассказанной Андрестом истории, так и многочисленные противоречия в ее изложении⁹.

Можно предположить, что странный визит странного человека был попыткой Миллера «установить» «Гинзбурга». Для бывших белогвардейцев была характерна немыслимая оперативная безграмотность. Границу они переходили благополучно, но в первом же советском городе начинались проблемы. Агентам казалось, что они находятся под постоянным наружным наблюдением. В каждой толпе или очереди они «видели» несколько сотрудников ГПУ, внимательно слушавших все разговоры. Агенты не знали цен на ходовые товары, не владели советским «новоязом», не умели выпутаться из типичных конфликтных ситуаций, не знали, как провести несколько дней в незнакомом городе.

28 мая 1935 года агентурное дело было прекращено за не использованием договоренностей с Миллером. Одновременно было решено продолжить поддерживать связь с «Гинзбургом» на случай, если председатель РОВСа все же решит выйти на связь. В марте 1940 года дело было сдано в архив¹⁰. К тому времени Миллер уже почти два года находился во Внутренней тюрьме НКВД, а РОВС фактически прекратил существование.

---

¹ ЦА ФСБ РФ. ПФ 7839. Л.5-6, 23, 38.

² Там же. Л.40.

³ Там же. Л.65-67.

⁴ Там же. Л.135, 138-139.

⁵ Там же. Л.204.

⁶ Там же. Л.130.

⁷ Там же. Л.143, 146, 155, 158, 167, 186.

⁸ Там же. Л.264, 267.

⁹ Там же. Л.264.

¹⁰ Там же. Л.272, 279.

В.С. ИЗМОЗИК

(доктор исторических наук, профессор.

Северо-западный заочный политехнический институт)

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ: СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Последний этап Гражданской войны стал, возможно, самым суровым испытанием для большевистской диктатуры. Политическая власть столкнулась с крестьянскими возмущениями, недовольством рабочих, особенно серьезными в Москве и Петрограде, волнениями в армии. Наиболее тревожным для власти и самым масштабным в цепи этих выступлений стало восстание в Кронштадте. Оценивая опасность, В.И. Ленин говорил на X партсъезде в марте 1921 года, что «...мелкобуржуазная контрреволюция, несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые». Призывая пойти на экономические уступки крестьянству, согласиться на «свободу оборота», вождь коммунистической партии одновременно подчеркивал, что «с политическими колебаниями... мы будем бороться беспощадно», а «меньшевикам и эсерам... место в тюрьме, но не на беспартийной конференции». Последнее представлялось ему особенно важным, так как, по его же словам «... колеблющихся много. Нас мало». Столь же решительно Ленин отвергал любые предложения о «свободе печати», указывая, что «...мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем»¹. Все это делало крайне существенной для руководства страны проблему своевременной и полной информации о реальных настроениях масс в целях сохранения своего политического господства.

Какое значение в это время придавалось данным, полученным в результате политического контроля за населением, свидетельствуют воспоминания делегата X съезда Д.Кина. По его словам, на закрытом заседании военных делегатов сообщение о положении в армии сделал председатель РВСР Л.Д. Троцкий, зачитавший «выдержки из писем красноармейцев»². Очевидно использование материалов перлюстрации.

Именно в эти дни, 17 марта 1921 года, был издан секретный циркуляр ВЦИК и ЦК РКП(б) о создании всеобъемлющей системы государственной информации «в целях своевременного и полного осведомления и принятия соответствующих мер»³. Руководство страны не только не собиралось вводить политический контроль в действительно правовые и законодательные рамки, но стремилось к его глобальному расширению и полнейшему охвату всех групп населения.

Государственные информационные тройки на местах создавались из представителей губкома РКП(б), губисполкома и губчека. Аппарат госинформтройки создавался согласно распоряжению ВЧК от 19 апреля 1921 года. Как разъяснялось в «Инструкции по госинформации», «госинфтройка не имеет специального технического аппарата, а пользуется аппаратом губчека» и «фактическое руководство всеми работами госинфтройки принадлежит исключительно губчека». Особая роль в системе политического контроля окончательно закреплялась за органами политического розыска. Приказы ВЧК № 132 от 12 мая и № 300 от 14 сентября 1921 года конкретизировали организацию и задачи системы государственной информации.

Всем губернским ЧК и особым отделам предлагалось использовать «информационные аппараты гражданских и военных учреждений, требуя официально каждые три дня сведения». В приложении содержались списки вопросов, ответы на которые губчека следовало требовать от губкомов партии (16 вопросов), губземотделов (5), губсовнархозов (11), губпродкомов (14), губпрофсоветов (18) и губвоенкоматов (9 вопросов). Многие из них непосредственно

относились к политическому контролю за населением: «Отношение различных социальных кругов к партии», «Наблюдается ли влияние других партий среди рабочих и крестьян?», «Настроение на фабриках и заводах», «Были ли волнения и забастовки, на какой почве и в каком размере?», «Количество бывших частных торговцев, белогвардейских элементов и инакомыслящих» в продовольственных органах и кооперации, «Антикоммунистические течения в союзах», «Причины, побуждающие рабочих к возмущению, протестам и стачкам», «Отношение красноармейцев к комсоставу и коммунистам и обратно» и т.д. Подробную информацию партийные комитеты должны были предоставлять чекистам и о настроениях коммунистов: «Отношение партийной массы к руководящим органам», «Существуют ли внутри партии течения и как они отражаются на отношении массы к партии», «Как вели себя члены ячеек во время забастовок и волнений» и т.п.

Также предлагалось составлять двухнедельные бюллетени, включающие «общие выводы, а также как предпринятые, так и предполагаемые мероприятия для устранения недочетов, указанных в сводке». Мыслилось, что госинформтройка должна была играть роль в какой-то мере распорядительного органа, координирующего усилия партийных, советских органов и политической спецслужбы. Требовалось излагать освещаемые темы «точно и ясно... с указанием причин и фактических данных» и не помещать «сведения непроверенные, полученные на основании слухов, разговоров и прочее». Запрашиваемые сведения постоянно уточнялись и детализировались.

Информтройка каждой губернии раз в три дня направляла в Москву телеграфную информацию. На ее основе Информационный отдел ВЧК составлял ежедневную госинформсводку, отражавшую положение дел в одной трети регионов страны. Сводка, как правило, рассылалась 31 адресату: В.И. Ленину, И.В. Сталину, Л.Д. Троцкому, В.М. Молотову, Г.В. Чичерину, А.А. Андрееву, В.В. Шмидту, К.Б. Радеку; редакторам «Правды» и «Известий»; руководителям ВЧК и его отделов — Ф.Э. Дзержинскому, И.С. Уншлихту, В.Р. Менжинскому, Г.Г. Ягоде, Т.П. Самсонову, Г.И. Благонравову, А.Х. Артузову; полномочным представителям ВЧК на местах и начальникам крупнейших управлений И.П. Павлуновскому, В.Н. Манцеву, Я.Х. Петерсу, С.А. Мессингу, Г.М. Иванову, З.Б. Кацнельсону и др.

Руководители чекистских органов должны были знакомить с этой информацией партийное руководство на местах: Сиббюро ЦК, ЦК компартии Украины, Туркбюро ЦК, Г.Е. Зиновьева и т.д. Получатели сводок предупреждались, что эти материалы носят совершенно секретный характер и «снимать копии со сводок, безусловно, воспрещается».

Новая «Инструкция по госинформации» суммировала итоги девятимесячной работы и была объявлена приказом ВЧК № 85 от 23 февраля 1922 года. Наряду с признанием, что «госинфсводки... дают ряд ценных материалов нашим центральным органам для наблюдения за работой мест», отмечались существенные недочеты, делающие «эти сводки порою совершенно бесполезными». Указывалось, например, что «почти во всех сводках преобладают общетуманные качественные характеристики событий и явлений. Конкретные же факты и цифры в сводках почти отсутствуют». Подчеркивалось, что «в результате ...общая картина положения района, о котором даются сведения, остается либо совершенно не освещенной, либо она настолько отличается от действительной, что делать из нее какие-либо выводы не представляется возможным».

В связи с этим «Инструкция...» очень четко формулировала понимание целей госинформации руководством ВЧК и раскрывала сущность их представлений о политическом контроле: «Важнейшей задачей госинформации является освещение настроений всех групп населения и факторов, влияющих на изменение этих настроений. В настоящий момент чрезвычайно важным является освещение

настроений, господствующих в частях Красной армии и флота. Особенно важным является отражение в этих настроениях мероприятий Соввласти... политики... Для нас является необыкновенно важным знание того, как принимаются эти меры различными группами населения (рабочими, крестьянами, красноармейцами, мелкой буржуазией и проч.), поскольку эти группы уясняют себе смысл происходящего, как оно отражается в их сознании. Второй задачей госинформации является наблюдение за ростом мелкобуржуазной стихии, за проявлениями мелкобуржуазных настроений в рабочей, партийной, союзной, красноармейской массах; за случаями разъедания мелкобуржуазной стихией советского и партийного аппаратов. Необходимо следить за работой мелкой буржуазии в области кооперации, в области профессионального движения, в частности, важным является наблюдение за работой союзов профессиональной интеллигенции. Третьей задачей госинформации является, возможно, более полное освещение экономического развития районов и наблюдение за проведением в жизнь нашей новой экономической политики... Четвертой, чисто чекистской, задачей госинформации является осведомление центра об активных проявлениях явной и тайной контрреволюции, о работе контрреволюционных партий и группировок (конечно, только там, где они выходят за пределы обычного агентурного наблюдения и принимают размеры явлений государственной важности)».

Как отмечал Ф.Э. Дзержинский, следовало собирать информацию о деревне, армии, рабочих, вузах, интеллигенции, духовенстве, хозорганах, госаппарате, торговле, кооперации, сектантах, сообщая высшим партийным и советским органам «о политическом состоянии в СССР»⁴. В связи с этим ВЧК требовала «выделения для работы в тройках постоянных товарищей, способных разобраться в сложной политической обстановке, умеющих из огромной массы информационного материала, полученного как путем осведомления, так и сову учреждений и парторганизаций, выделить наиболее существенные... элементы».

В каждой новой инструкции увеличивались требования к конкретизации информации. В частности, в приказе № 85 раздел «Настроения рабочих» содержал новые вопросы: «Количество и политнастроение безработных, организация подпольных советов безработных». Информация об учебных заведениях должна была включать сведения о политических настроениях учащихся и преподавателей учебных заведений всех типов, о попытках «ввести преподавание Закона Божьего». Раздел «Состояние парторганизаций» предусматривал следующие дополнительные вопросы: «Внутрипартийные настроения, конфликты, склоки, оппозиционерство. Проникновение в РКП контрреволюционных мелкобуржуазных элементов, красный бандитизм». Поскольку руководство страны тревожила возможность политической активности в кооперативных организациях, соответствующий параграф был дополнен вопросами: «...настроение массы кооператоров, отношение их к Соввласти, РКП, новой экономической политике. Работа контрреволюционных партий и организаций среди кооператоров. Политические группировки, пользующиеся наибольшим успехом среди кооператоров. Организация ячеек РСДРП И ПСР... Ход, политфизиономия и результаты кооперативных съездов, конференций и совещаний».

С начала 1922 года началось распространение системы госинформации на уровень уездов. В частности, было направлено циркулярное распоряжение Петроградского губисполкома уездным исполкомам о скорейшей организации информационных «троек». Губернские тройки пытались выступать как координирующие учреждения. Например, госинформтройка Петроградской губернии на своем заседании 29 января 1922 года обсуждала вопросы «о хищениях на фабриках и заводах производственных материалов», «о группировках и контрреволюционной

деятельности учительского персонала», «об агитации и провокации на местах», «о быте рабочих», «об охране взрывчатых складов» и т.д.⁵

Но уже через пару лет единая система госинформации практически прекращает свое существование. Нет данных: была ли она отменена официальным циркуляром, или это произошло явочным путем. Представляется, что ее ликвидацию предопределили несколько причин. Во-первых, сама система была слишком масштабной и громоздкой, чтобы выдержать испытание временем. Во-вторых, все сильнее проявлялось несоответствие частой периодичности подачи сводок (раз в три дня) требованиям глубокого анализа ситуации. Отсюда преобладание общих слов и оценок. В-третьих, политическому центру было выгоднее получать информацию о положении в регионах из разных источников, чем подталкивать региональные элиты к консолидации и политическому компромиссу путем подачи единых сводок о положении на местах. В любом случае сама попытка создания единой системы государственной информации отражала неуверенность большевистского руководства в прочности своего положения и стремление к глобальному политическому контролю. По мере частичной стабилизации власти на первый план стали выходить новые задачи, потребовавшие очередного реформирования служб политического контроля.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.43. С.24, 241, 243; Т.44. С.79.

² Кин Д. Заметки делегата X съезда партии // Борьба классов. 1931. №1. С.27.

³ Центральный государственный архив истории политических движений Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф.16. Оп.4. Д.4316. Л.9.

⁴ РЦХИДНИ. Ф.76. Оп.3. Д.79. Л.15-16, 34.

⁵ ЦГАИПД СПб. Ф.16. Оп.4. Д.4685. Л.1,3-4.

В.В. КОНДРАШИН

(кандидат исторических наук, профессор.

Пензенский государственный педагогический университет)

1922-Й ГОД В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ ГЛАЗАМИ ГПУ

Одной из актуальных проблем в отечественной историографии остается осмысление причин победы в России большевизма. Исследователи единодушны в том, что важнейшим фактором этой победы стала позиция крестьянства — основной массы населения страны. Причем в новейшей историографии утверждается положение о том, что крестьянство не являлось пассивным объектом воздействия со стороны различных политических сил, а наоборот, выступало активным субъектом, осуществлявшим на протяжении двух десятилетий XX века свою, крестьянскую революцию¹. Эта революция завершилась в 1922 году, когда крестьяне в ходе ожесточенного противоборства с государством (сначала с самодержавием, а затем и с большевистской властью) отстаивали свое право быть хозяином на собственной земле, что было закреплено в принятом советской властью в декабре 1922 года Земельном кодексе РСФСР, отменившим «социалистическое» земельное законодательство 1918—1920 годов².

В данном контексте представляет интерес изучение источников, способных наиболее объективно отразить крестьянскую позицию в 1922 году, показать, как и почему крестьянство именно тогда начало переход от открытого противостояния с большевистской властью к сотрудничеству с ней, к завершению крестьянской революции. Одним из таких источников, учитывая их известную тенденциозность в оценке ряда событий, являются информационные материалы ГПУ. Рассмотрим ситуацию в крупнейшем регионе России — Поволжье. В целях проверки степени достоверности содержащейся в госинфсводках ГПУ информации, использованы месячные оперсводки штаба ЧОН Приволжского военного округа, периодические обзоры Разведывательного управления штаба РККА.

Сбор и систематизация данных осуществлялись органами ГПУ на основе инструкции, утвержденной 7 февраля 1922 года, в которой устанавливался порядок освещения положения деревни. Изученные материалы показали, что они действительно охватывали весь спектр деревенской жизни, делая своего рода фотографические снимки поволжской деревни периода утверждения НЭПа и завершения крестьянской революции. Поволжская деревня вступила в тот год, пораженная страшным голодом. Сводки ГПУ фиксировали многочисленные факты чудовищных страданий, обрушившихся на крестьян региона, уточняли масштабы бедствия и общее количество жертв.

7—10 января. Татарская республика. «На 1 января голодающих насчитывается 1929556 человек. Процент смертности увеличивается. В пяти кантонах за неделю умерли от голода 6535 человек, заболели 34405 человек».

20 января. Самарская губерния. «Голод дошел до ужасных размеров: крестьянство съело все суррогаты, кошек, собак, в данное время употребляют в пищу трупы мертвецов, вырывая их из могил. В Пугачевском и Бузулукском уездах обнаружены неоднократные случаи людоедства. Людоедство, по словам членов волисполкома Любимовки, принимает массовые формы. Людоеды изолируются».

3 февраля. Чувашская область. «Голод усиливается. Настроение населения растерянное, наблюдаются случаи самоубийств целых семейств посредством угара, развивается воровство, главным образом продуктов».

10 февраля. Саратовская губерния. «Количество голодающих в губернии достигает 3 миллионов 500 тысяч человек. В Вольском уезде голодают 95 процентов

населения, в Дергачевском — 95, в Покровском — 85 процентов. Во многих местах население питается трупами».

6 марта. Чувашская область. «Число голодающих по всей области около 800 тысяч человек. Случаев голодной смерти по 1 января зарегистрировано 35 тысяч человек. Оказываемая помощь удовлетворяет только около десять процентов нуждаемости. У большинства населения запасы суррогатов вышли. За отчетное время зарегистрирован один случай людоедства. Вследствие голода сильно развивается уголовный бандитизм. Над пойманными ворами крестьяне производят самосуды».

30 марта. Татарская республика. «Голод усиливается. Смертность на почве голода увеличивается. В некоторых деревнях вымерло 50 процентов населения. Скот беспощадно уничтожается. Эпидемия принимает угрожающие размеры. Учащаются случаи людоедства»³.

По данным ГПУ, весной 1922 года в Самарской губернии было зафиксировано 3,5 миллиона голодающих, в Саратовской — 2 миллиона, в Симбирской — 1,2 миллиона, в Царицынской — 651,7 тысячи, в Пензенской — 329,7 тысячи, в Татарской республике — 2,1 миллиона, в Чувашии — 800 тысяч, в Немкоммуне — 330 тысяч человек. Эти цифры, а также приведенные в сводках ГПУ данные о жертвах голода, указывают на необходимость пересмотра существующих в литературе оценок масштабов голодного бедствия. Думается, что реальная картина была более трагичной и речь шла не об одном миллионе погибших⁴.

Госинфсводки ГПУ дают вполне объективную оценку деятельности в Поволжье международных организаций по оказанию помощи голодающим. Например, они опровергают утверждения ряда историков о том, что продовольственная помощь от АРА (Американской администрации помощи) была запоздалой и незначительной по размерам. В действительности помощь от АРА стала оказываться уже осенью 1921 года и в следующем году сыграла решающую роль в спасении от голодной смерти сотен тысяч людей.

9 декабря 1921 года. Царицынская губерния. «АРА взяла на свое иждивение 30 тысяч дошкольного и школьного возраста детей».

За декабрь 1921 года. Саратовская губерния. «В ноябре голодающих 1300000 человек, в уездах 132 столовых АРА на 51000 человек».

23—24 марта 1922 года. Саратовская губерния. «Иностранная помощь снабжает 260 тысяч детей — 35% голодающих»;

28 марта. Чувашская область. «Регулярная помощь получается только от АРА...».

29 апреля. Немкоммуна. «В области насчитывается 146711 голодающих детей, из которых 112450 кормятся АРА... На область отпущено 20 тысяч пайков американской кукурузы, которая распределена по уездам».

11—12 мая. Саратовская губерния. «В мае зарегистрированы 2 млн. голодающих, из коих госпайком удовлетворяются 12%, иностранным — 19%»;

18 июля. Пензенская губерния. «АРА по уездам открыты столовые, в которых кормят около 70% голодающего населения»⁵.

Госинфсводки ГПУ убедительно доказывают, что 1922 год стал годом завершения в Поволжье массового повстанческого движения под политическими лозунгами. Оно трансформировалось в мелкие разрозненные банды с уголовным оттенком, занимавшиеся грабежом населения. Антикоммунистические призывы повстанческих отрядов уже не привлекали внимание крестьян. С одной стороны, зажатые в тисках страшного голода, они не имели возможностей для материальной поддержки повстанчества, а с другой — не желали его поддерживать, поскольку с введением НЭПа была ликвидирована причина недовольства — военно-коммунистическая политика советской власти. Наряду с информационными

материалами ЧОН и Красной армии, госинфсводки ГПУ дают всестороннее представление о ходе ликвидации в Поволжье политического и уголовного бандитизма.

23 февраля 1922 года. Саратовская губерния, Балашовский уезд. «За последние полгода бандитизм затих в уезде и затих не только от военных поражений, но и потому, что потерял симпатии крестьянства. Одно из зараженных бандитизмом село Малое Шербедино, находящееся под властью бандитов несколько месяцев, в конце концов, так материально и психически измучено бандитами, что возненавидело их. Бандитизм потерял свой ореол вообще во всех слоях общества и рассматривается теперь как сплошной разбой».

20 марта. Царицынская губерния. «Бандитизм в губернии значительно сократился. В степях Николаевского и Ленинского уездов осталось несколько мелких бандитских шаек. Военное положение в губернии не снято вследствие усиление мелкого уголовного бандитизма».

4 апреля. Пензенская губерния. «Губерния объявлена на военном положении вследствие усиленного развития уголовного бандитизма. По борьбе с бандитизмом организована особая тройка. Губревтрибуналу предложено организовать выездные сессии срочного разбора бандитских дел. Губисполкомом возбуждено ходатайство перед ВЦИК о разрешении в течение четырех месяцев не пропускать кассационных жалоб приговоренных к расстрелу за уголовный бандитизм».

24 апреля. Саратовская губерния. «...Банды оперируют в Дергачевском и Новоузенском уездах, где производят разграбление семматериала. Отношение крестьян к бандам крайне враждебное».

5 мая. Маркштадская область. «В Паласовском кантоне оперируют мелкие банды. Банды избивают крестьян, отнимая у них имущество. Банды приходят из Астраханских степей. Крестьянами организуются артели для борьбы с бандитами».

С 1 апреля по 1 июля. Саратовская губерния. «Банда Серова... деморализованная и подавленная неудачами и непрерывным преследованием ее красными частями, ...совершенно разложилась. Рядовые бандиты начали разбегаться и совершенно вышли из подчинения своим главарям. ...В середине мая банды Серова и Иванова, действуя самостоятельно одна от другой, из Новоузенского уезда ушли в южном направлении, производя по пути своего движения грабежи скота и семян у жителей. ...13 мая добровольно сдался начштаба банды Серова — Буржаковский».

22 августа. Саратовская губерния. «Сдался главарь банды, оперировавшей в Заволжье больше двух лет, Серов. Сдача Серова произошла главным образом вследствие враждебного отношения крестьян к бандитизму».

Октябрь. Приволжский военный округ. «На территории округа спокойно. Отмечалось лишь нескольких случаев мелких бандитских шаек местного происхождения в Пензенской губернии, которые частью рассеяны, частью ликвидированы ЧОН»⁶.

1922 год стал годом выхода поволжской деревни из хозяйственной разрухи и первых успехов НЭПа. Как свидетельствуют информационные материалы ГПУ, выход осуществлялся с огромными трудностями. Определяющей стала подготовка к весенней посевной кампании. Из сводок ГПУ видно, как менялось настроение крестьян по отношению к коммунистической партии и советской власти по мере поступления в деревню семенной ссуды и успешного проведения основных полевых работ. Именно хозяйственные результаты года стали решающим фактором политической стабилизации в регионе.

7—10 января 1922 года. Самарская губерния. «Настроение населения возбужденное. Отношение масс к коммунистам недоброжелательное вследствие того, что населению совершенно не дают помощи».

10 февраля. Саратовская губерния. «Отношение крестьян к советской власти недоверчивое, так как крестьяне опасаются, что поля останутся незасеянными вследствие неприбытия семян...»

30 марта. Саратовская губерния. «Настроение крестьян в связи с поступлением семматериалов несколько улучшается».

26 апреля. Марксштадская область. «Настроение крестьян улучшается в связи с выдачей им яровых семян и фуража. Приступлено к полевым работам. За отсутствием лошадей запрягают коров, даже сами крестьяне, их жены и дети запрягаются в плуги, бороны».

23 мая. Татареспублика. «Настроение крестьян улучшается вследствие получения семматериала, хороших всходов и снабжения продовольствием. Отношение крестьян к советской власти и РКП улучшается».

14 июня. Царицынская губерния. «Настроение крестьян и отношение к советской власти и РКП удовлетворительное. Все внимание крестьян сосредоточено на сборе урожая... Отношение крестьян к единому натуралогу и прекращению сбора продналога доброжелательное».

8 августа. Чувашская область. «Настроение крестьян хорошее. Крестьяне заняты уборкой хлеба и подготовительной работой к засеву озимых полей».

15—31 августа. Самарская губерния. «Отношение крестьян к Советской власти удовлетворительное. Материальное положение крестьян в связи со снятием урожая улучшилось».

26 сентября. Саратовская губерния. «Отношение крестьян к советской власти хорошее»⁷.

Сводки ГПУ содержат вполне объективную информацию об отношении крестьян к действиям власти по изъятию церковных ценностей. В охваченном голодом Поволжье изъятие не вызвало массового протеста крестьянства, случаи противодействия были единичными.

6 марта 1922 года. Царицынская губерния. «Церковный совет Ленинского уезда постановил отдать церковные ценности в пользу голодающих. Крестьяне единодушно поддержали постановление...».

23—24 марта. Саратовская губерния. «Работа комиссии по изъятию ценностей протекает нормально. Недовольства населения не наблюдается нигде».

28 марта. Чувашская область. «Отношение голодающего населения к изъятию церковных ценностей доброжелательное».

30 марта. Татареспублика. «Учет церковных ценностей идет нормально, сопротивлений ни с чьей стороны не встречается».

17 мая. Симбирская губерния. «Изъятие ценностей протекает нормально. Отношение большинства духовенства сочувственное»⁸.

Таким образом, информационные сводки ГПУ являются ценным источником по истории советской деревни периода начала НЭПа. Они убедительно свидетельствуют о принципиальных изменениях в политических настроениях крестьян, вполне достоверно показывают, как это было и почему. Их комплексное использование с привлечением других источников позволит исследователям лучше понять многие аспекты аграрной истории России новейшего времени.

¹ Данилов В. П. Крестьянская революция в России. 1902—1922 гг. // Крестьяне и власть. Материалы конференции. М.; Тамбов, 1996. С.4-23; Куда идет Россия? ... Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М., 1999. С.106-107.

² Там же. С.23.

³ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1922 гг. М., 1998. Т.1. С.555-556, 562, 568, 572-573, 581, 595, 599-600.

⁴ См.: Поляков Ю. А. 1921 год. Победа над голодом. М., 1975. С.27.

⁵ РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2626. Л.18; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. С.543, 552, 585,586,593,596-597,615,623-624, 630, 662.

⁶ Там же. С.601,614,621, 626, 640,645,649,653, 674; ЦА ФСБ РФ. Ф.1. Оп.6. Д.485. Л.56; РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2506. Л.30, 89-90; РГВА. Ф.33987. Оп.1. Д.422. Л.337; Д.492. Л.124, 399; Центр документации новейшей истории Саратовской области. Ф.10. Оп.1. Д.433. Л.4.

⁷ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. С.555-556, 593, 600, 602, 614, 616, 625-626, 634, 646,653,670,672,685-686,697.

⁸ Там же. С.581,593,596-597,598-600,623,629,631; РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2631. Л.24,40,62,71,142; Д.2632. Л.29, 41; Д.2633. Л.103.

О.Б. МОЗОХИН

(кандидат юридических наук.
Академия ФСБ РФ)

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОГПУ

В ВЧК вопросами экономики занималась Особая межведомственная комиссия (ОМК), созданная на основании декрета Совнаркома от 21 октября 1919 года и состоявшая из представителей ряда наркоматов, ВЧК, ВСНХ и ВЦСПС. На комиссию возлагались ревизионные функции в хозяйственных органах республики и борьба со спекуляцией, она имела право пользоваться аппаратом ВЧК ее местных органов и Наркомюста, «направляя туда все дела, требующие активного вмешательства». В ведении ОМК в качестве технического аппарата вошло Экономическое управление (ЭКУ), созданное на основании решения президиума ВЧК от 21 января 1921 года, со штатом в 127 человек¹.

При реорганизации ВЧК Экономическое управление переименовали в Экономчасть ГПУ, но 19 июня 1922 года вернули прежнее наименование. Члены специальной комиссии обследовали работу отделов и отделений управления и констатировали, что ЭКУ «ставило себе задачи, которые оно осилить не могло». В силу этого комиссия признала целесообразным понизить ранг подразделения до отдела. Коллегия ГПУ 20 июля в основном согласилась с выводами комиссии, но, учитывая нараставший объем работы, последнее предложение отвергла и обязала председателя ГПУ «взять на себя руководство реорганизованным Экономуправлением». Начальником ЭКУ назначили З.Б. Кацнельсона, в структуру управления вошли отделы:

- финансовый,
- внутренней торговли,
- внешней торговли,
- сельскохозяйственный,
- промышленности,
- информационный,
- общий и канцелярия².

Очередная реорганизация прошла в сентябре 1923 года, в результате которой ЭКУ стало состоять из четырех отделов и десяти отделений со штатом в 121 человек³. Для двух последующих лет были характерны постоянные штатные изменения, создание, слияние и упразднение некоторых отделений, которые дублировали работу секретно-оперативных частей погранохраны, особых и транспортных отделов. В итоге была создана достаточно разветвленная служба, нацеленная на обслуживание наиболее важных отраслей народного хозяйства.

В первых числах февраля 1925 года был созван съезд начальников экономических отделов полномочных представительств и губернских отделов ОГПУ, на котором обсуждались новые формы и методы борьбы с экономической преступностью. Были пересмотрены положения об экономических подразделениях, приняты инструкции по вопросам обслуживания хозяйственных организаций, разработаны штаты, уточнены взаимоотношения с другими службами ОГПУ. Согласно приказам от 17 июля 1926 года и 19 ноября 1927 года, на ЭКУ возлагалось обслуживание военной промышленности, для чего в составе последнего было организовано 9-е отделение, курировавшее также мобилизационную работу учреждений, трестов и заводов. 17 марта 1928 года было создано 10-е отделение для предупреждения и расследования пожаров и вредительства на важнейших предприятиях и наблюдения за обеспечением их охраны.

Преобразования коснулись и экономических подразделений местных органов госбезопасности. Еще в августе 1921 года в губернских ЧК промышленных центров были созданы самостоятельные экономические отделы, в остальных губчека экономические отделения продолжали входить в секретно-оперативные отделы. 5 апреля 1922 года были объявлены штаты и категории этих подразделений. По особому штату создавались эконом отделы Московского, Петроградского губотделов ГПУ и Госполитуправления Украины. К первой категории отнесли отделы в 20 промышленных центрах, ко второй — в 36 губерниях, к третьей — в 39 со штатным числом сотрудников соответственно восемь, пять и два человека. В экономических отделах полномочных представительств ГПУ предусматривалось десять сотрудников. Распределение по категориям зачастую расходилось с реальным положением. Так, к первой категории отнесли ЭКО Воронежского и Тамбовского губотделов ГПУ, а к третьей — Харьковского и Грозненского. Для урегулирования такого несоответствия позже были выработаны четыре категории ЭКО, причем внекатегорийные штаты устанавливались для подразделений Москвы, Петрограда и Украины, а особые — для Донбасса и Урала⁴. Всего в экономических отделах в штатах числилось 620 человек. В дальнейшем прошли дополнительные объединения и сокращения. 2 октября 1928 года были объявлены штаты экономических отделов с учетом специфики и особенностей их работы. Например, в ЭКУ Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе служили 63 человека, Северокавказского края — 20 человек, а в представительстве по Казахстану — 7 сотрудников, если в отделе ОГПУ Центрально-Черноземной области работали 8 человек, то в Оренбургском отделе — 2. Всего в штатах экономических подразделений местных органов госбезопасности трудились 814 человек.

В апреле 1921 года было принято решение о создании коммерческо-промышленной разведки в связи с возобновлением экспортно-импортных отношений с зарубежными странами. Обосновывая этот шаг, руководство ВЧК отметило, что капиталисты «заинтересованы не столько в коммерческой наживе, сколько в разрушении экономики страны во имя свержения советской власти»⁵. Так, закупленные косы, которые должны были изготавливаться из стали, поставлены были из железа. Первые торговые операции привели к выводу о необходимости проведения работы по изучению заграничного рынка. В Экономическом управлении ПТУ постепенно концентрировалась как осведомительно-агентурная работа внутри страны, так и экономическая разведка за границей. На развитие этих направлений отпускались секретные суммы. Разведка велась посредством тесных контактов с частными торговыми и промышленными предприятиями, а также путем проведения торговых и финансовых операций доверенными лицами. При соблюдении строгой конспирации за понесенные убытки предусматривалась строгая ответственность. Все же экономическая разведка не «прижилась» в ЭКУ и данная линия стала проводиться Иностранным отделом ОГПУ.

С момента образования экономических подразделений большое внимание уделялось кадровому составу, формам и методам работы, и предпочтение отдавалось «красногвардейской атаке на капитализм». 5 марта 1921 года коллегия ВЧК приняла решение об укреплении связи чекистских и хозяйственных органов, для чего «каждый более или менее ответственный чекист» должен был получить через ВСНХ какую-нибудь работу в отраслях народного хозяйства. Предполагалось организовать при Бюро связи с рабочими заводов и фабрик и указывалось: «Администрация, зная о постоянном контроле, подтянется, а ЧК будет всегда в курсе и не допустит безобразий на заводах, фабриках и учреждениях. Эта работа не будет стоить ЧК никаких расходов, а результаты будут колоссальны, т.к. мы приобретем массу осведомителей и будем чекизировать рабочих, превращая их в

борцов за свое собственное дело». На этом же заседании коллегии было предложено организовать при каждой коммунистической ячейке «особое бюро содействия органам ВЧК по борьбе с преступлениями по должности, саботажем, проведением контрреволюционной и другой преступностью». В центре и на местах предлагалось организовать особые комиссии с участием и под непосредственным руководством представителей ЧК для проверки личного состава главков и их губернских учреждений с правом увольнения признанных негодными к работе, причем проверки бюро должны были вести негласными методами⁶. ВЧК стремилось полностью оставить за собой функции контроля за промышленностью и сельским хозяйством.

К июню 1923 года около 75% процентов хозяйственных учреждений находились «под непосредственным наблюдением» экономических подразделений госбезопасности. Подбор личного состава по социальному происхождению, партийности, стажу чекистской работы считался удовлетворительным, на отсутствие же у большинства из них специальных познаний в области народного хозяйства⁷ особого внимания не обращали.

---

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф.66. Оп.1а. Д.3. Л.42-46.

² Там же. Ф. 1ос. Оп.6. Д.3. Л.54; Д.4. Л.63-66; Ф.2. Оп.1.Д.183г. Л.1.

³ Там же. Ф.66. Оп.1а. Д.7. Л.522.

⁴ Там же. Ф.2. Оп.1.Д.183 г. Л.2.

⁵ Там же. Ф.1. Оп.5. Д.172. Л.26.

⁶ Там же. Д.380. Л.1,3.

⁷ Там же. Ф.2. Оп.1. Д.740. Л.6.

В.Ф. НЕКРАСОВ

(доктор исторических наук,
профессор, генерал-майор внутренней службы)

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПОСТРОЕНИЯ И ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

И с точки зрения теории, и с практической стороны важным является вопрос об организационном построении и взаимоотношениях органов госбезопасности и органов внутренних дел. Должны ли они существовать вместе, в одном ведомстве, или раздельно? Что выгоднее для государства и граждан, что безопаснее для них, что обеспечивает наибольшую стабильность и законность в государстве и обществе? Период 1920-х—1930-х годов дает благодатную пищу для размышлений на эту тему, поскольку были варианты и раздельного существования этих органов, и совместного. По нашему твердому убеждению, пользы и гарантий безопасности для державы и народа значительно больше, когда эти органы существуют раздельно, в различных ведомствах, выполняя свои задачи каждый своими методами.

Однако история распорядилась по-своему. С момента образования Министерства внутренних дел в 1802 году и до 1992 года насчитывается несколько разделений и объединений органов политической полиции, государственной безопасности, с одной стороны, и общей полиции, милиции, органов внутренних дел, с другой. Консолидировавшись с образованием МВД в одном ведомстве, эти органы в последующем разделялись восемь раз:

в 1810,
1836,
1917,
1923 годах,
в феврале 1941,
апреле 1943,
марте 1954,
январе 1992 годов,

а объединялись семь раз:

в 1819,
1880,
1922,
1934 годах,
в июле 1941,
1953,
декабре 1991 года.

Всего за 197 лет (1802—1999) эти ведомства под разными названиями были вместе 67 лет, т.е. одну треть времени, а раздельно 130 лет, т.е. две трети названного срока.

С образованием советской власти органы общественной и государственной безопасности создали раздельно: 10 ноября 1917 года — НКВД РСФСР, 20 декабря — ВЧК. Их функции и организационную структуры законодатели разграничили нечетко, было немало противоречий. До февраля 1922 года, эти ведомства развивались самостоятельно, каждое со своими достижениями, недостатками и проблемами. Отрабатывалось взаимодействие, были соперничество и трения.

Во многом под личиной Ф.Э. Дзержинского было создано ГПУ при НКВД РСФСР. Произошло объединение в одном ведомстве, под единым лидером.

Никто в последующем по силе характера, мощности темперамента, деловым и политическим качествам не мог сравниться с Дзержинским. Со своими достоинствами и недостатками он остается в истории под номером первым. Можно было бы говорить с известными допусками о Менжинском, Андропове, даже о Берии, который был крупным организатором, но с отрицательной направленностью (сейчас, правда, все больше в моде разработка образа Берии как предтечи перестройки и реформаторства), Щелокове, Куликове.

Однако и при Дзержинском конструкция «ГПУ при НКВД» получилась неорганичной, без внутреннего единства, сшитой, в известной мере, белыми нитками. В итоге в ноябре 1923 года создали самостоятельную, достаточно мощную структуру ОГПУ. Вновь эти две линии стали развиваться поврозь, причем органы госбезопасности крепили, органы же внутренних дел слабели. Единого наркомата внутренних дел после образования СССР не создали, каждый республиканский наркомат варился в своем котле и соку, они были достаточно беспомощными, хирели, пока не засохли совсем. В 1930 году НКВД во всех союзных республиках были упразднены. Милиция, уголовный розыск оказались бесхозными. Пытались их как-то подчинить сначала напрямую СНК СССР, потом милицию «прислонили» к ОГПУ, а конвойную стражу — к армии. Чекисты ринулись наводить порядок в милиции, но хлеб этот оказался на удивление черствым, неподатливым, «белые чекистские перчатки» здесь оказались явно не в ходу.

В силу таких обстоятельств единые органы госбезопасности и внутренних дел (особенно с учетом создания лагерей в ОГПУ с 1929 года) были уже и в начале 1930-х годов. Окончательно это единство оформилось в 1934 году созданием грозного ведомства — Народного комиссариата внутренних дел СССР. История не терпит сослагательности. Однако можно предположить, что если бы эти два органа и продолжали существовать раздельно, если бы они, существуя порознь, продолжали дополнять друг друга, взаимодействуя и по рабочему соперничая, то такого обвального беззакония, какое мы и сегодня внятно объяснить не можем, не случилось бы. НКВД сам предъявлял обвинения, порой действительные, порой ложные, сам арестовывал людей, определял им часто без суда срок, сам сажал, охранял и содержал, как мог, и как считал нужным, не останавливаясь перед беззакониями, сам освобождал, когда хотел, а если считал нужным — вновь отправлял в ссылку без суда и следствия. На наш взгляд, если бы действовал принцип разделения функций между двумя этими органами, а также органами юстиции, такого беззакония и произвола не было бы.

Как же оценить происходившие реорганизации, слияния или разделения этих органов — как объективную необходимость, наваянность преимущественно государственными интересами, или как отражение главным образом борьбы за власть между отдельными личностями, а также клановыми группировками, как боязнь одних возможного усиления других? Не отрицая полностью первой предпосылки, мы склонны считать первопричиной всего борьбу за власть и наибольшее влияние.

Важной является проблема личности. Откуда взялись такие руководители НКВД СССР как Ягода, Ежов, Берия, которые пока не реабилитированы и предпосылок к этому на уровне сегодняшних наших знаний и нет? Конечно, они — порождения системы. Конечно, только такие безропотные и в то же время ярые исполнители были нужны Сталину. Но не будь единой системы НКВД, существуй два ведомства и здесь все могло бы сложиться по-другому. Однако так называемые демократы нашего времени так напугались прошлого, что готовы были разнести и систему госбезопасности, что во многом им уже удалось, и систему МВД, которая порой качается, что-то теряет, но пока стоит.

Ведомства эти надо всемерно укреплять, но строить и содержать их отдельно.

Ю.Ф. ОВЧЕНКО

(доцент.

Институт экономической безопасности)

У ИСТОКОВ ОРГАНИЗАЦИИ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ

История национально-освободительного движения на Украине представляет одну из наиболее острых проблем. К их числу относятся деятельность оуновских организаций. Особо остро эта проблема стоит на Западной Украине, где до сегодняшнего дня живы отголоски так называемой «вызвольной» борьбы. Современные неонационалистические организации стремятся всячески поднять роль ОУН и УПА в борьбе за «самостийную» Украину. Их противники впадают в другую крайность. Страсти накалены до предела, что нередко ведет к политической нечистоплотности и взаимной клевете. Это тем более опасно, потому что национальная проблема является «ахиллесовой пятой» любого народа, широко используется в политических играх, становится ареной борьбы спецслужб.

После окончания Гражданской войны Украина была разделена между сопредельными государствами. Левобережье вошло в состав Советского государства, Галиция, Волынь, Полесье, Холмщина, Подляшье отошли к Польше, Буковина — к Румынии, Закарпатье — к Чехословакии. Такое положение привело к активизации национально-освободительного движения с тенденциями создания независимого государства.

В дореволюционное время националисты Украины и Польши видели перед собой одного врага – «москаля», который поработил их земли. В борьбе за независимость они нередко выступали совместно. Поэтому, считали украинские националисты, целесообразней сосредоточить борьбу не с «добровольческой армией И.А. Деникина и поддерживаемого им, гетмана Скоропадского. В связи с этим корпус Сечевых стрельцов принял решение идти на Киев, считая, что «от судьбы Киева зависит судьба Львова», который к этому времени был оккупирован. Ведущий борьбу с гетманом Скоропадским С.Петлюра, пошел на союз с Главой польского государства Ю. Пилсудским, который потребовал в обмен на военную помощь Галицию, Волынь и Холмщину. Он временно приостановил оккупацию, т.к. рассчитывал использовать войско Петлюры как барьер против Красной Армии. Пилсудский и «Польская организация войскова» не считалась с интересами местного населения. В их планы входило восстановить границы Речи Посполитой. Разгромив Корпус Сечевых стрельцов, поляки получили возможность устанавливать на захваченных территориях свой порядок.

Правительство Украинской народной республики пошло на сговор с Польшей, что привело к его расколу на «восточников» и «западников». Из правительства УНР вышли представители Буковины и Закарпатья, создав Западно-Украинскую народную республику /ЗУНР/ под руководством диктатора Е.Петрушевича. Практически сразу образовалось две силы, ведущие борьбу за Западную Украину. Государства Европы через Польшу стремились вести борьбу с большевизмом. Советское государство также стремилось создать базу для решения своих проблем.

Почти сразу после Варшавского договора 1920г. о подчинении Польше западно-украинских земель, в июле того же года в Праге во главе с полковником Е. Коновальцем состоялось последнее заседание Стрелецкой Рады и было, принято решение создать Украинскую военную организацию /УВО/.

Руководящий орган УВО — Начальная комиссия находилась во Львове. Ее комендантом стал Е. Коновалец. В августе 1920 г. в Праге состоялся первый съезд УВО, где присутствовали представители бригады УГА, интернированные в Чехословакию, представитель Украинского Союза старшин в Вене, представитель

рабочей сотни на Западной Украине и представитель украинской эмиграции в Америке. Съезд принял решение бороться за «сборную Украинскую державу», за объединение украинских земель и военных сил, противодействие большевизму. Естественно, что через этих представителей и заграничные украинские представительства спецслужбы искали выходы на националистические организации для ведения шпионско-подрывной деятельности против СССР. В активную борьбу со спецслужбами иностранных разведок включился КРО ОГПУ, наладивший агентурно-осведомительную сеть на оккупированной территории.

Неудачная советско-польская война подтолкнула Пилсудского к скорейшей легитимизации своей власти в западно-украинских землях. В этих целях началось ополячивание и окоталичивание украинского населения. Особенно широкий размах эта политика приобрела в предвоенные годы. Почти сразу после оккупации поляки стали называть Западную Украину «Мало польская всходя», из государственных учреждений был исключен украинский язык, началось преследование украинцев. Вплоть до сегодняшнего дня заинтересованные круги Польши настаивают на том, что это была вынужденная мера, для защиты от большевизма украинского народа.

Мельник овец Г. Стецюк вспоминал, что на Холмщине и Волини поляки закрывали украинские школы и православные церкви, уничтожали их или переделявали в костелы. Местное население насильно заставляли принимать католичество. В противном случае сжигали дома, избивали, сажали в тюрьмы.

Для осуществления правительственного террора нужен был хорошо наложенный административно-полицейский аппарат. В этих целях территория Западной Украины в феврале 1921г. была разделена на воеводства: Львовское, Станиславское, Тернопольское, Волинское. Во главе их стояли воеводы с почти неограниченными правами, что особенно стало заметно после военного переворота Пилсудского в мае 1926г. Проведение политики «санационного» режима было возложено на МВД, в подчинении которого находились воеводы. Помимо административно-хозяйственной деятельности воевода руководил государственной безопасностью на вверенной ему территории. Для подавления массовых выступлений он принимал решение об использовании войск. В его ведении находился надзор за прессой, зрелищами, союзами и партиями. Эти функции осуществляли воеводские управления, куда входили отделы безопасности. Согласно распоряжения Совета министров Польши от 14 марта 1921г. воеводское управление состояло из отделов /Wydzialy/ и отделений /oddzialy/. Их количество колебалось от 10 до 14.

Важнейшим и секретнейшим считался отдел безопасности, состоящий из отделений: политической безопасности, по делам общественного порядка и национального.

На местах в пределах повета эти функции выполняли старосты. Активизация деятельности националистических и просоветских организаций, сопротивление украинского народа геноциду привело к тому, что распоряжением Президента Польши от 13 марта 1928г. и от 29 ноября 1930г. была установлена военизированная система «органов безопасности».

Вся территория Польши была разделена на воеводские округа, которые совпадали с административно-территориальным делением. В каждом повете была введена поветовая государственная полиция. Ее структурные подразделения были участки /posterunki/, которые охватывали часть общины, общину или несколько общин /gmin/. В крупных городах создавались полицейские комиссариаты, распространявшие свою власть на город или район. Во главе всей сети полиции стоял главный комендант, подчинявшийся МВД. На территории воеводства полицию возглавлял воеводский комендант, а в повете - поветовый.

При воеводских командах полиции функционировали следственные управления, а при некоторых поветовых командах следственные столы. На них возлагались функции по возбуждению политических дознаний.

В случае массовых выступлений Совет Министров мог преобразовать полицию в часть вооруженных сил в воинский корпус службы безопасности. Это делалось также при общей или частичной мобилизации. Кроме того, на борьбу с украинским национализмом и коммунистической агитации были направлены силы разведки и контрразведки.

В ответ на геноцид УВО развернуло широкую подпольную деятельность. Ею были проведены теракты против Пилсудского и воеводы Грабовского во Львове. Этот акт возлагался на «Смока» /С.Федака/, но тот не сумел воспользоваться ситуацией, и покушение провалилось. В ноябре 1924г. такой же неудачный акт был проведен против польского президента С.Войцеховского.

Помимо терактов УВО использовала массовые акции и саботаж. Проводились операции по выведению коммуникаций, складов, хранилищ, общественных зданий и т.п. В 1922г. 50 боевиков УВО под командованием С.Мельничука и П.Шеремета совершили партизанский рейд по сокальщине, тернопольщине, в Збровском повете и др. Польская полиция провела операцию по задержанию главарей боевиков и расстреляла их.

На середину 20-х годов приходится распространение экспроприаций /ЭКСЫ/. В это время краевым комендантом УВО стал сотник Ю. Головинский. В задачи этих акций входил подрыв авторитета оккупационных властей, создание неуверенности, нестабильности. Благодаря эксам националистическое подполье имело возможность получить средства на деятельность организации. Головинский создал «Летучую бригаду», которая под его руководством наносила неожиданные удары по польским объектам. Это достигалось за счет высокой конспирации. Боевики съезжались в назначенное время для проведения эксов и тут же разъезжались. Однако и здесь полякам удалось поставить агентуру, и Головинский был арестован.

В целях борьбы с предателями и польской агентурой УВО проводило карательные акции. В число предателей попадали те, кто шел на сотрудничество с польскими властями. Так закладывались основы будущей «службы безопасности»

Для поддержания своих сил УВО создала заграничные пункты подготовки в Чехословакии, Германии, Литве, Америке. Отсюда УВО получала оружие и деньги, готовила военные кадры. Спецслужбы этих стран уделяли большое внимание этим пунктам, через которые они получали возможность забрасывать свою агентуру для антисоветской деятельности.

УВО не имела единой идейно-политической платформы. Это было вызвано серьезными разногласиями между диктаторами ЗНУР Петрушевичем и комендантом УВО Коновальцем. Петрушевич стремился подчинить УВО ЗНУР для создания единого фронта, а Коновалец был против. Разногласия привели к тому, что в 1923г. Коновалец ушел с поста начального коменданта УВО. Его функции перешли к «Политической коллегии» во главе с руководителем военного референта правительства ЗНУР атаману Я. Селезенке. Краевым комендантом УВО в западно-украинских землях стал Андрей Мельник, впоследствии видный деятель ОУН. Кандидатуру Мельника поддерживал Петрушкевич. В 1924 г. Мельник был арестован и посажен в тюрьму на 4 года по делу О. Бесарабовой. У нее на квартире начальник разведки УВО О. Думин оставил ряд документов, благодаря которым польская полиция нанесла удар по УВО. Впоследствии он искал возможности установить Коновальца. В этот период Петрушевич стал ориентироваться на Советскую Украину и УВО отошла от ЗУНР. Думин поддерживал Петрушевича и действовал в интересах ЗУНР. В связи с провалом в УВО прошла «чистка». Устраненные из рядов

УВО члены организации создали «Западно-Украинскую народную революционную организацию», (ЗУНРО) которая вскоре само ликвидировалась.

Идейные разногласия привели к тому, что на Западной Украине сложились три основные группы партий, ориентированных на Польшу, СССР и на национальную независимость.

Польское правительство поддерживало и субсидировало «Украинскую католическую народную партию» (УКНП), и «Галицких москвофилов» которые стояли за вхождение Западно-украинских земель в состав Польши.

Коммунистическую партию Западной Украины (КПЗУ) и близкое ей «Украинское селянско- (крестьянско) рабоче-социалистическое объединение» (Сельроб) поддерживал СССР. Именно эти партии обеспечили проведения «освободительного похода» 1939 г. и вхождение Западной Украины в состав СССР.

Украинская национально-демократическая партия (УНДП), Украинская христиано-общественная партия (УХДСП) стояли за создание единого фронта борьбы за «самостийную» Украину.

Острая политическая борьба с идейными противниками, колебания в ЗУНР, отсутствие четкой политической линии в УВО привели к духовному кризису националистического движения. Для дальнейшей борьбы нужно было преодолеть идеологический и организационный разброд, создать новую структуру, способную, на единой идеологической основе, вести наступательную и оборонительную борьбу. Такой организацией стала созданная в 1929 г. Организация Украинских Националистов (ОУН).

Мірчук П. Нариси історії ОУН. Мюнхен – Лондон - Нью-Йорк. 1968, Т.1. С.10-12.

Тютюник Ю.З. поляками проти України. Держ. видав України.1924. С.7.

Ссецюк Г. Чорні дні Волині. Володимир-Волинський. 1992. С.12.

Podzial administracyjny. Panstwa. Warszawa. 1930. С.47.

М.Н. ПЕТРОВ

(доктор исторических наук, профессор.
Новгородский государственный университет)

ОГПУ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

Роль ОГПУ в судьбе Русской Православной Церкви в переломные для истории советского общества 1920—1930-е годы, несмотря на несколько исследовательских и документальных публикаций последних лет, продолжает оставаться малоизученной, что дает возможность обратить внимание на ряд проблем.

Определяющей является проблема партийного руководства органами госбезопасности. Они действовали по политическим директивам ЦК и политбюро правящей партии, решали поставленные ими задачи, согласовывали оперативные мероприятия с парткомами разного уровня. Государственно-политические вопросы взаимодействия с религиозными конфессиями, в первую очередь с Русской Православной Церковью, также решались исключительно высшими органами партии, и на основе их решений Госполитуправление разрабатывало инструкции для региональных подразделений. Введение в научный оборот комплекса партийных, государственных и ведомственных чекистских документов по рассматриваемой тематике позволит изучить проблему всесторонне, снять многочисленные вопросы, определить истинное место организаторов и исполнителей.

В изучении роли органов безопасности в судьбе Церкви хронологически первой является проблема изъятия церковных ценностей якобы на борьбу с голодом в 1922 году. Не касаясь политического и правового обеспечения изъятия, отметим, что еще до официального решения ВЦИК, 18 ноября 1921 года Наркомат юстиции распорядился образовать губернские тройки «по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства» в составе представителей исполкома, отдела юстиции и губчека; тройки поручили отделам управления «в срочном порядке» затребовать описи храмового имущества¹ Лишь 26 февраля 1922 года в «Известиях ВЦИК» было опубликовано постановление высшего органа государственной власти республики об изъятии церковных ценностей и 28 февраля — инструкция о порядке изъятия. Началась интенсивная подготовка акции.

В двухнедельных информационных сводках губотделов ГПУ, поступавших в центр, возможные контрреволюционные поползновения духовенства проходили отдельной графой. Обобщенные данные о позиции Церкви не опубликованы, поэтому выводы исследователей продолжают базироваться на публичных выступлениях патриарха Тихона и местных архиереев, являющихся частичными и весьма ненадежными источниками.

Секретная инструкция ЦК РКП(б) от 20 марта 1922 года диктовала распоряжения тем исполнителям, чья реальная власть в губерниях к тому времени вышла на первый план. На закрытых заседаниях губернских партийных комитетов на основании шифротелеграммы из Москвы образовали «секретные руководящие комиссии» в составе секретаря губкома, начальника губотдела ГПУ и губернского военного комиссара, или «секретные тройки». Для контроля за публиковавшимися материалами по изъятию создали «редакционные двойки» в составе секретаря губкома РКП(б) и начальника губотдела ГПУ. Без изучения комплекса документов, исходящих от высших органов власти и управления, невозможно понять истинную подоплеку событий.

Программу действий по директиве ЦК через уполномоченных ГПУ тройки передали уездным комитетам партии под грифом «строго секретно». Предлагалось до начала изъятия церковных ценностей начать «самую углубленную агитацию» среди населения. Следовало внести раскол в среду духовенства и верующих, взяв

под защиту государственной власти «лояльных попов». Священников, противящихся изъятию, предписывалось «до конца кампании по возможности не трогать, но предупредить их в личной беседе совершенно секретно, что в случае эксцессов они ответят головой». Требования инструкций партийных комитетов об отношении к духовенству существенно дополнила телеграмма заместителя председателя Госполитуправления И.С. Уншлихта и начальника Секретного отдела Т.П. Самсонова с требованием сообщить данные о правящих и викарных епископах «с краткой характеристикой их деятельности в отношении власти», возложить на них ответственность «в случаях эксцессов». В губотделы поступили директивы ГПУ о выявлении и взятии на учет как лояльного к советской власти духовенства, так и противившегося изъятию, о предупредительных мерах при вывозе ценностей, о представлении ежедневной, трехдневной и еженедельной информации о ходе изъятия ценностей. Публикация директив позволит понять механизм действий органов госбезопасности как орудия верхушки партии в проведении политического курса по отношению к Церкви.

Рассматривая Церковь как силу политически контрреволюционную, чекисты установили за ней негласный надзор. Проводимые оперативные мероприятия включали наблюдения за коллективами верующих со стороны секретных сотрудников органов ГПУ, ежедневные посещения церковных служб «с целью выявления степени влияния каждого из попов на свою паству», а также для предотвращения «скрытий и хищений ценностей». Анализ этих сведений позволяет сделать вывод об отношении к Церкви как к противнику, но противнику второго плана (враг советской власти, но враг не серьезный).

Абсолютное большинство церковно-служебных предметов из драгоценных металлов в течение полугода стало собственностью государства. Несмотря на заверение, что «население будет оповещаться через печать о судьбе ценностей», данные так и не появились. В литературе продолжают бытовать сведения об обогащении большевистской верхушки от 2,5 миллиарда золотых рублей до «космической цифры» в 8 триллионов в совзнаках. Государственное хранилище ценностей, Гохран, было создано, как специальное учреждение и по сей день его дела являются государственной тайной за семью печатями, без вскрытия которых нельзя осветить судьбу изделий из золота, серебра и драгоценных камней, изъятых у религиозных обществ и конфессий. Остается предполагать многое: не была ли определенная часть собранных ценностей перелита в слитки благородных металлов для заграничных платежей, или ценности обеспечили выпуск червонцев с золотым содержанием в том же 1922 году и серебряной монеты в феврале 1924 года? На какой основе опять же в 1922 году был учрежден Алмазный фонд? Слишком много совпадений приходится на злополучный двадцать второй. Уместно уточнить также, на какие средства многие годы руководитель ограбления Русской Православной Церкви Л.Д. Троцкий (Бронштейн) вел подготовку мировой революции, содержал челядь и охрану, печатал тома трудов и «Бюллетень оппозиции»? Однако данные Информационного отдела ГПУ свидетельствуют, что к 10 июня 1922 года, когда изъятие в основном состоялось, добычей стали 21 пуд 22 фунта 18 золотников 15 долей золота, 10960 пудов 38 фунтов 85 золотников серебра и 529 пудов 33 золотника 71 доля разных драгоценностей, включая жемчуг и камни². Цифры впечатляющие, но далеко не «космические».

Ограбление храмов вызвало в некоторых городах волнения среди верующих. Были возбуждены следственные дела по противодействию изъятию церковных ценностей, действовали выездные сессии трибуналов. Не изученность вопроса привела к хождению самого разного числа жертв террора. Повторяются цифры о 1414 «кровавых инцидентах» и погибших и расстрелянных при столкновениях и по суду 8100 духовных лиц, в том числе 2691 человека из белого духовенства, 1962

монашествующих и 3447 монахинь и послушниц (М.Польский, Л.Регельсон); цифры возрастают до 14 тысяч расстрелянных и даже до 40 тысяч убиенных священнослужителей и 100 тысяч мирян (Д.Волгонов, Д.Поспеловский, И.Бунич). Ясность может внести исключительно публикация точного числа репрессированных по обвинению в противодействии изъятию ценностей. Изучение дел данной квалификации по одной из значительнейших епархий, Новгородской, показало, что выносимые суровые приговоры не исполнялись, половине обвиняемых определили разные сроки лишения свободы, половине посчитали наказание условным из-за их невежества, развитого религиозного чувства и действий подстрекателей³.

Власти готовили крупный судебный процесс по обвинению Русской Православной Церкви в противогосударственной деятельности. В ГПУ поступили приговоры нескольких трибуналов с частными определениями о привлечении к уголовной ответственности патриарха Тихона, митрополитов Арсения и Никандра. Дело к производству принял особоуполномоченный по важнейшим делам Секретного отдела ГПУ Я.С.Агранов (Соернзон), допросы патриарха вел начальник 6-го отделения Секретного отдела Е.А. Тучков. Многотомное дело⁴ содержит огромную информацию, однако, не отвечающую на вопрос об обстоятельствах раскаяния первоиерарха в «проступках против государственного строя», последовавшего 16 июня 1923 года. Без обращения к дополнительным материалам остаются неясными обстоятельства его изоляции в Донском монастыре, вплоть до причин смерти. Выдвинуто множество версий, но ни одна из них без опоры на серьезную источниковую базу не может выглядеть удовлетворительной. Какие-либо сокрытия в отношении человека, прославленного в лике святого Русской Православной Церкви, совершенно недопустимы.

Другой узловой проблемой является выяснение роли органов безопасности в глубоком внутрицерковном кризисе. Тактика отношения к обновленцам изложена в ряде директив ЦК РКП(б) и является отражением общей партийной линии. Конспиративная поддержка прогрессистов поручалась чекистам, которые накопили опыт разложения организаций, считавшихся контрреволюционными, опираясь на готовых к сотрудничеству членов этих организаций. Сотрудники губотделов ГПУ формировали группы священников-обновленцев, подбирали делегатов на их съезды, решали вопросы церковной жизни. Прогрессисты гордились высоким покровительством, проявляли инициативу в развертывании репрессий против ненавистных им тихоновцев, служили секретными сотрудниками⁵. Последнее направление деятельности обновленцев является малопривлекательной страницей в истории Церкви, но требует определенного освещения.

«Послание пастырям и пастве» патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия и членов временного Синода, опубликованное «Известиями ВЦИК» 19 августа 1927 года, заверяло в лояльности Церкви к утвердившейся власти. Документ был встречен в церковных кругах неоднозначно, и по сей день различны его оценки. Вероятно, помыслами любой ценой спасти церковную организацию от полного уничтожения руководствовались преемники патриарха Тихона, но предполагаемое стремление не подтверждалось никакими позитивными сдвигами в государственной политике. Почему и как были арестованы в декабре 1926 года сто семнадцать епископов-тихоновцев, что происходило в тюрьме, кто обрабатывал митрополита Сергия, каким образом за считанные недели был сформирован и зарегистрирован НКВД временный Синод, что побудило его членов подписать унижительное прошение — весь механизм подчинения верхушки Церкви государству, остается совершенно неясным.

В последние годы выявлено немало организаций и лиц, оказывавших пассивное сопротивление сталинскому режиму. Однако задолго до них в СССР возникло не надуманное, а вполне реальное подполье, объединявшее совсем

немалое число сторонников и действовавшее, несмотря ни на какие гонения, в форме «Катакомбной церкви». Принадлежавшие к ней священники и миряне порвали отношения с официальными церковными учреждениями, по их мнению, запятнавшими себя соглашением с противохристианской властью. В частных домах «катакомбники» устраивали престолы, проводили службы, создавали тайные монастыри и духовные школы для обучения детей, практиковали общежительные начала жизни⁶. Совершенно неизученными остаются вопросы деятельности религиозного подполья, имевшихся в нем направлений, состав участников, контрмеры органов ОГПУ.

Серьезной нравственно-правовой проблемой является возвращение доброго имени жертвам политических репрессий. Составители изданных во всех областях Российской Федерации «Книг памяти», как правило, сосредоточили внимание на периоде ежовщины, лишь коснувшись обстоятельств арестов, обвинения, условия заключения и судьбы церковных иерархов, священно- и церковнослужителей, членов двадцаток, пострадавших за свои убеждения в предшествующий период. Обращение к архивам даст возможность установить немало лиц, внесших вклад в историю и культуру страны.

Начало коллективизации ознаменовало новое законодательное наступление на Церковь. 8 апреля 1929 года ВЦИК и СНК приняли постановление «О религиозных объединениях», до предела ограничившее их и без того малые возможности. 11 февраля 1930 года союзным постановлением «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» все конфессии передавались в ведение органов госбезопасности. В каждой области состоялись процессы, на которых «религиозники» обвинялись в организации антисоветских и противоклассовых выступлений крестьян, в проведении террористических актов против актива, в воспрепятствовании закрытию церквей и снятию колоколов⁷. Вместе с тем силу и организацию сопротивления вряд ли можно однозначно объяснять крестьянским консерватизмом. Массовый и целенаправленный характер бунтов и восстаний не снимает вопроса о существовании определенной руководящей и координирующей силы.

Не привлекал внимания исследователей и вопрос о деятельности спецподразделений ОГПУ по утилитаризации («на предмет смывки с них золота») оставшихся в храмах позолоченных церковно-служебных предметов, а также золоченых куполов, крестов, иконостасов. Накануне массового закрытия церквей, 26 ноября 1929 года, соответствующее соглашение было заключено между Особой частью Наркомата финансов и Хозяйственным отделом ОГПУ; за выполнением договора бдительно следила Постоянная комиссия по рассмотрению культовых вопросов при президиуме ВЦИК⁸.

И, наконец, вне освещения остается вопрос о роли агентуры Иностранного отдела ОГПУ в деятельности эмигрантских церковных кругов на Западе и Востоке. Можно предположить, что политическое руководство страны, обращая столь пристальное внимание на установление полного контроля за религиозными конфессиями внутри страны, считая их силами контрреволюционными, не могло упустить из виду жизнь влиятельных общин вне ее рубежей. Представляется, что «белые одежды», в которых любят выступать иерархи зарубежья, упрекал русских собратьев в конформизме, при ближайшем рассмотрении окажутся не такими уж белыми...

¹ ФСБ РФ. Ф.1. Оп.6. Д.1195. Л.39-40,48,52,60, 98; Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф.822. Оп.1. Д.268. Л.10; Д.346. Л.135;

Государственный архив новейшей политической истории Новгородской области (ГАНПИНО). Ф.1. Оп.1. Д.1025. Л.1, 41; Ф.115. Оп.1. Д.473. Л.3.

² ЦА ФСБ РФ. Ф.1. Оп.6. Д.497. Л.193.

³ Там же. Д.1195. Л.90; Архив управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.36314. Т.26. Л.81-82, 178.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д.Н-1780. Т.1-29.

⁵ Там же. Ф.1. Оп.6. Д.1195. Л.32,90,108,118,129,156-157; Архив управления ФСБ РФ по Новгородской области (АУФСБНО). Д.1а/2000. Л.6-12, 14-15, 20; ГАНПИНО. Ф.1. Оп.1. Д.1030. Л.73, 80-81;

ГАНО. Ф.269. Оп.1. Д.5. Л.66-67; Ф.481. Оп.1. Д.525. Л.1-2, 12, 22-28.

⁶ АУФСБНО. Д.1а/12983. Л.1-292; Д.1а/3720. Л.3-141.

⁷ Там же. Д.1а/3448. Т.1. Л.75-467. Т.2. Л.26; Д.1а/12540. Л.851-1015; Д.1а/13163. Л.6-163; ГАНПИНО. Ф.144. Оп.1. Д.413. Л.147-148, 160.

⁸ ГАНО. Ф.819. Оп.1. Д.389. Л.60; Ф.804. Оп.3. Д.11. Л.21-22.

А.М. ПЛЕХАНОВ

(доктор исторических наук, профессор.
Академия ФПС РФ)

ПРОБЛЕМЫ МЕСТА И РОЛИ ОРГАНОВ БЕЗОПАСНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В 1920-е ГОДЫ

За годы Гражданской войны произошли настолько существенные социально-политические изменения, что они до сих пор вызывают повышенный интерес к опыту тех лет. Окончание борьбы с интервентами не означало наступления всеобщего мира во многих районах страны. Нельзя не учитывать широкой социальной базы для антиправительственных выступлений не только в лице бывших белогвардейцев, остатков помещичьего класса и буржуазии, но и значительной части крестьянства, рабочих и интеллигенции. Многие регионы продолжали жить по законам военного времени (местными органами власти и управления в Сибири, на Дальнем Востоке и на Северном Кавказе вплоть до 1925 года были не советы, а ревкомы, в Закавказье ЧК преобразовали в ГПУ только в 1926 году). Отказ от политики военного коммунизма не был отказом от стандартов бюрократического контроля над производством и потреблением.

К 1921 году декларированная власть рабочих и крестьян, «трудового народа», фактически свелась к установлению диктатуры коммунистической партии, которая взяла курс на подавление всякой оппозиции. Это было следствием не только мировоззрения сторонников коммунизма, но и реальной обстановки. Противоборство различных политических сил продолжалось, приобретая иные формы. Самые большие трудности для советской власти были связаны с внутренним политическим кризисом между нею и значительной частью ее социальной базы. НЭП позволил несколько сгладить существовавшие противоречия, но не разрешил их до конца, и развитие страны в 1920-х годах шло от одного кризиса к другому.

Непринятие политики большевиков частью рабочего класса выражалось в забастовках на ряде предприятий крупных промышленных центров. Недовольство крестьянства переросло в организованное повстанческое движение, чему способствовали грубейшие нарушения законности, злоупотребления нарождавшейся бюрократии, ошибки малоопытной администрации и т.д. 4 декабря 1922 года И.С. Уншлихт писал В.И. Ленину: «Злоупотребления продработников в этом году по своей преступности не уступают прошлогодним. Почти поголовное пьянство, взяточничество, вымогательство, обворовывание крестьян ... совершенно неслыханное издевательство над крестьянами».

С подавлением повстанческого движения и политического бандитизма деревня несколько успокоилась, но находилась в сложных социально-психологических отношениях. В села вернулись и демобилизованные красноармейцы, и бывшие солдаты белых армий, и амнистированные участники мятежей. Победители и побежденные проживали рядом, зачастую являясь соседями и родственниками. Только в Тамбовскую губернию к августу 1922 года прибыло из лагерей и ссылки до 20000 человек. С середины 1920-х годов в деревне снова нарастает возмущение политикой власти, выразившееся в бойкоте выборов в местные советы. Репрессии по сбору налога превратились в уродливое явление. За невзнос налога производились аресты, у крестьян отбирали скот и остатки зерна. Высшей степени недовольство крестьян достигло в 1929 году. За год преимущественно на селе чекистами было ликвидировано 7024 «контрреволюционных» организаций и групп и арестовано 47564 «участника», помимо этого под стражу взяли еще 43623 «активных одиночек».

Сложными у советской власти были отношения и с интеллигенцией, в основе политики по отношению к которой лежали недоверие и всесторонний надзор. Недовольство вызывали чистки вузов, советских и хозяйственных учреждений, армии, высылки за границу и ссылки в отдаленные районы тысяч людей, виной которых было неудовлетворение своим положением и несогласие с политикой правящей партии. Происходившие негативные процессы отразились и на положении армии. На II съезде работников особых отделов в 1925 году отмечалось, что в РККА «развиваются демобилизационные настроения ... поражает огромное количество дезертиров», крайне низка дисциплина и велико число военнослужащих, осужденных трибуналами. Реальным противником оставалась буржуазия. На опасность действий некоторых «спецов» указывал Ф.Э. Дзержинский: «Верхи наших служащих могут сыграть роль песка, насыпанного в коммунистическую машину. Иностраный капитал поднимет дирижерскую палочку, песок посыпется, и машина остановится».

Конечно, нельзя отрицать, что наряду со сложностями и трудностями, провалами и поражениями были у коммунистов большие успехи в восстановлении народного хозяйства, политической стабилизации общества, становлении законности после правового беспредела Гражданской войны, и отсюда — реальная поддержка большинством населения, как и вожди компартии, поверившего в светлое будущее. Именно опираясь на энтузиазм народа, политическое руководство со все большей настойчивостью проводило свой курс в жизнь. Не надеясь только на ощутимые достижения и на мощный пропагандистский аппарат, оно широко использовало силовые структуры и, прежде всего на ведомство государственной безопасности. Внимательный аналитик большевизма Н. А. Бердяев считал, что «большевизм вошел в русскую жизнь, как в высшей степени милитаризованная сила». Диктатура партии стала опосредованной диктатурой меньшинства, объединенного в политическую организацию, обладавшую своеобразным пониманием хода исторического процесса, переоценивавшую свои возможности воспроизведения в собственной политике реальных интересов абсолютного большинства населения.

При рассмотрении роли и места органов ОГПУ в социально-политической системе советского общества нельзя ограничиваться анализом динамики развития их штатной структуры и социального состава. Содержание деятельности каждой части ведомства зависело не только от числа сотрудников, но и от их принадлежности к общественным организациям, участию в работе партии. Уже в 1923 году коммунистов в органах безопасности было больше, чем в других наркоматах — 50,8%. Следовательно, структура органов ОГПУ имела две составляющие: административную и политическую. Одна часть отличалась от другой, но в то же время находилась с ней в диалектическом единстве.

Как составная часть механизма советского государства, органы ОГПУ строили свою деятельность на основе единых теоретических принципов и политики компартии. Одним из существенных факторов влияния партии на жизнь и деятельность органов безопасности была работа их руководителей в составе партийных комитетов. Так, Ф.Э. Дзержинский являлся членом ЦК РКП(б) и оргбюро, а с июня 1924 года — кандидатом в члены политбюро. Члены коллегии постоянно избирались делегатами партийных съездов и конференций, принимали активное участие в работе центральных и местных парткомов. Будучи председателем ВЧК, Дзержинский просил коммунистов-руководителей иметь ввиду, что «...чекист может только тогда быть борцом за дело пролетарское, когда он чувствует на каждом шагу себе поддержку со стороны партии и ответственных перед партией руководителей», а, обращаясь к чекистам, просил не забывать о том, что «мы держимся только на доверии партии» и ставил задачу — «не отрываться от партийных комитетов»,

«сплотиться вокруг губкома, руководствуясь его указаниями». «Я считаю, — писал он, — вообще опасным, если губчека или особые отделы будут думать, что они только соль земли». Все парткомы, вплоть до уездных, были поставлены в известность, что «за всеми кампаниями губчека против контрреволюционных элементов стоит губком, и поэтому указания губчека этой области одновременно являются и директивами губкома». В циркуляре за подписью Ф.Э. Держинского от 2 декабря 1921 года подчеркивалось, что «ЧК никоим образом не может вовлекаться в склоку, иногда имеющую место в партийных и профсоюзных организациях, и становиться на сторону одной части против другой, попадая в плен к своим, часто недобросовестным или односторонне заинтересованным осведомителям-информаторам»¹.

НЭП потребовал коренной перестройки работы чекистского аппарата и изменения карательной политики советской власти, форм подавления контрреволюции, перенесения центра тяжести в область охраны интересов государства и прав граждан на судебные органы. Отношение к этим проблемам высшего политического руководства страны не было однозначным. Так, 18 марта 1925 года Ф.Э. Держинский писал Г.Е. Зиновьеву, что «для ОГПУ пришла тяжелая пора», видя главную причину в недооценке значения органов безопасности Н.И. Бухариным, Г.Я. Сокольниковым, М.И. Калининым и некоторыми работниками НКВД². Полемика председателя ОГПУ с оппонентами была отражением борьбы мнений о роли органов безопасности в политической системе общества.

Существовавшая обособленность органов ОГПУ ввиду специфики службы и официальная точка зрения партийного руководства, считавшего их «карающим мечом революции», «орденом меченосцев», «вооруженным отрядом партии», свидетельствовали о той роли, которая отводилась чекистам в деятельности советского государства. Чекистское ведомство никогда не играло самостоятельной роли и тем более не «стояло над партией». Наоборот, оно было самым послушным, наиболее дисциплинированным и острым орудием большевиков, опорной структурой среди всех звеньев госаппарата при реализации сложных политических решений. Органы госбезопасности претворяли в жизнь «волю партии» в лице ее вождей, только формально подчиняясь ЦИК и СНК СССР, фактически же — политбюро ЦК ВКП(б).

Сильной чертой органов безопасности в годы НЭПа являлась их жесткая централизация и комплексный характер структуры, отсутствие дублирования, корпоративность, элитарный кадровый состав, непосредственно встроенный в систему руководства страны, четкая политическая и идеологическая направленность деятельности. Работа органов безопасности регламентировалась нормативными актами, они действовали в определенном правовом поле. Вносились изменения в порядок ареста, ведения следствия, содержания в тюрьмах и лагерях, объявления амнистии. Постоянно говорилось о неукоснительном выполнении юридических норм и правил. Например, Г.Г. Ягода 26 января 1926 года обязал всех начальников отделов разъяснить оперативному составу, что аресты и задержания без ордеров допускаются только в особых, исключительных случаях. Начальник СОУ ПП ОГПУ Дальневосточного края Решетов призывал своих подчиненных: «Соблюдать максимум гибкости и тактичности, помня, что неумелые, необдуманые действия при обысках и арестах лишь дают отрицательные результаты».

Но в основу политики все же был положен не принцип законности (да и сама она предполагала не только в названии, но и по существу законность «революционную», «социалистическую»). Все годы органы ОГПУ пользовались правом внесудебных репрессий. В расколоте обществе классовая, политическая целесообразность считалась выше общечеловеческих норм. Даже «профилактическая работа» зачастую сводилась к устранению не явного, а

вероятного противника. Внесудебные репрессии не только не ограничивались высшими органами власти, но принимали все более широкий характер. 9 марта 1922 года такое право применять внесудебные репрессии было дано по отношению к уголовникам-рецидивистам, захваченным с оружием в руках, 27 апреля — к участникам вооруженных ограблений, 16 октября — к чекистам, совершившим должностные преступления, 24 марта 1923 года — к сотрудникам Разведывательного управления штаба РККА и его подразделений. С 1 апреля 1924 года такое право было распространено на фальшивомонетчиков, с 31 марта 1927 года — на должностных лиц, допустивших халатность на производстве, с 26 мая — на нарушителей правил хранения секретных документов, с 9 июня — на бывших белогвардейцев, контрреволюционеров, шпионов и бандитов.

Осуществлялся постоянный контроль за деятельностью органов ОГПУ со стороны прокуратуры, НКЮ, РКИ, партийных комитетов, дополнявшийся контролем местных советов. Контроль за работой чекистов осуществляли члены коллегии, начальники управлений и отделов, инспекторская и инструкторская службы. Наряду с этим возрастала секретность, суживалась гласность, полностью отсутствовал общественный контроль, прокурорский надзор был ограничен в своих правах. Большевики были глубоко убеждены в правоте своего дела, считая, что борьба против несправедливости и угнетения ведется в интересах пролетариата и трудового крестьянства, т.е. абсолютного большинства населения. Стремясь к созданию справедливого общества, они были беспощадны не только к своим противникам, но и к себе, и порой неразборчивы в средствах. В аппарат органов безопасности подбирали подобных людей, умевших переносить тяготы военного времени и трудности мирной жизни, подчиняющихся силе и способных на насилие.

В 1922 году в ГПУ служили 49487 человек, помимо этого имелись 12492 секретных сотрудника и 52345 осведомителей. К 1926 году численность сотрудников органов ОГПУ значительно сократилась, но затем стала возрастать и к концу НЭПа превысила 100 тысяч человек³. Комплектование органов и войск ОГПУ производилось из весьма ограниченного и строго установленного круга лиц: из запаса сотрудников, состоявших на особом учете, из выпускников спецшкол ОГПУ, из практикантов, из начальствующего состава войск ОГПУ и погранохраны и по особым нарядам ЦК ВКП. Не подлежали приему служащие Департамента полиции, жандармерии и других правоохранительных органов царского и Временного правительств. Но и прием других граждан был ограничен. Ф.Э. Дзержинский сформулировал один из главных критериев подбора кадров в органы безопасности: «Если приходится выбирать между, безусловно, нашим человеком, но не совсем способным, и не совсем нашим, но более способным, у нас, в ЧК, необходимо оставить первого. Вся суть, по-моему, в подборе людей безусловно, честных и , где нужно, умных»⁴. Приходившие в органы должны были быть, прежде всего «нашими», поэтому ставка была сделана на коммунистов.

При подборе кадров важное значение придавалось социальному происхождению, прежде всего «пролетарскому». При этом идейно-политические качества имели решающее значение, а безоговорочная поддержка политики руководства партии обязательна. Об этом свидетельствует, в частности, решение вопроса о начальнике Новгородского губернского отдела ОГПУ А.И. Мильнере. В записке Г.Г. Ягоде 23 мая 1924 года Ф.Э. Дзержинский отметил: «...Мильнер по вопросу внутривнутрипартийной дискуссии колеблется. Если это верно, то при всей его деловитости и преданности делу — у нас держать его не стоит»⁵. Опытного чекиста перевели на должность председателя губсовнархоза. К 1925 году из 39 руководящих сотрудников ОГПУ все, кроме одного (Кручинкина Н.К., помощника начальника пограничной охраны), были коммунистами, из них дореволюционный партийный стаж имели 18 человек, а остальные вступили в партию в годы Гражданской войны⁶.

Напряжению физических и нравственных сил далеко не соответствовало материальное положение сотрудников госбезопасности. Так, председатель ГПУ Украины В. Н. Манцев сообщал о бедственном положении чекистов: денежное довольствие и продпаяк мизерны, получают их не вовремя, живут впроголодь за счет продажи на рынке своих вещей и «находятся в состоянии перманентного голодания ... зарегистрирован ряд самоубийств на почве голода и крайнего истощения». При всем этом из своей мизерной зарплаты они делали многочисленные отчисления в пользу «красных» инвалидов, детских домов, бастующих рабочих Германии и Японии, МОПР и др. Чекисты несли службу при отсутствии элементарных бытовых условий, пограничники в Крыму жили «в пещерах, землянках и в разрушенных зданиях без окон, дверей, с сорванной крышей»⁷. При проведении обследования состояния здоровья чекистов в 1923 году здоровыми были признаны только 22 процента личного состава. Самыми распространенными болезнями сотрудников были неврастения, туберкулез легких, малокровие, сердечная недостаточность, переутомление.

Отрицательное влияние на психологическое состояние чекистов оказывали постоянные реорганизации, партийные и административные чистки. О положении изгнанных из органов безопасности Г.Г. Ягода писал еще в конце 1921 года: «Куда он пойдет, что будет делать среди обывателей «проклятый человек», среди коммунистов «отверженный человек», не толкаем ли мы (исключением. — А.П.) к красному бандитизму таких весьма сильных работников?». Такое напряжение многие не выдерживали, уходили из органов ОГПУ, а некоторые — из жизни. По данным ПП ОГПУ Юго-востока России с января 1923 года по сентябрь 1925 года число сотрудников, покончивших самоубийством, было больше, чем погибших в борьбе с бандитами.

Предметом особой заботы руководства ОГПУ было обучение и воспитание кадров. В большинстве своем чекисты были малограмотными, не имели представления о традициях российской культуры и жили верой в «светлое будущее». Ф.Э. Дзержинский писал: «Прошли те времена, когда мы противопоставляли контрреволюции только беззаветную чекистскую смелость и большевистскую преданность. Теперь к этим ценным качествам необходимо добавить хорошую выучку, образованность, отличное знание своего дела». Система воспитания должна была сформировать убежденного сторонника и защитника коммунистической идеологии. В органах и войсках безопасности постоянно культивировалась обстановка непринятия инакомыслия, в сознание внедрялись стереотипы — «солдат партии», «беспартийный большевик», «верный . ленинец» и т.п.

Понимание морали и норм нравственности было деформировано господствующей идеологией, главным критерием и высшей ценностью считалась поддержка и укрепление власти. Большевистское учение доводилось до сотрудников простыми понятиями и лозунгами, хорошо усваивалось, становилось жизненными правилами, за которые они боролись как за свои, подчиняясь приказам и распоряжениям начальников. Борьба за великую цель, чувство сопричастности к общему делу снижало персональную ответственность. Воспитание сотрудников обеспечивалось, прежде всего, личным примером, и нравственным критерием для чекистов был председатель ОГПУ. По его настоянию немедленному исключению из партии и увольнению из органов госбезопасности подлежали лица, скомпрометировавшие звание чекиста. Именно он говорил: «Мы, коммунисты, должны жить так, чтобы широчайшие массы трудящихся видели, что мы не дорвавшаяся к власти ради личных интересов каста, не новая аристократия, а слуги народа». И не только говорил, но и делал. 22 апреля 1922 года Ф.Э. Дзержинский писал своему заместителю И.С. Уншлихту: «Полагаю, что уже пришло время, когда

можно и следует упразднить персональные машины, в том числе и мою... Если есть одна персональная, то будет всегда и больше». В августе 1925 года он направил в финчасть ОГПУ расходную ведомость, в которой отчитался за каждый рубль, потраченный во время отпуска. (Тогда было правилом отчитываться за потраченные суммы и возвращать оставшиеся отпускные суммы; правило распространялось на всех высших чиновников). Выдержки из документа: «16.⁸ В пути к Кисловодску: яблоки 3 шт. — 45 коп., бутылка воды «Ессентуки» № 4 — 30 коп., арбуз — 65 коп., газеты — 10 коп.» Такой подробный отчет был представлен за каждый день. Нельзя не согласиться со следующим выводом: «Личный состав органов ВЧК-ОГПУ, без сомнения, был глубоко предан коммунистическим идеям. И хотя общеобразовательный уровень большей части руководства, не говоря уже об оперативном составе, был невысок, четкая политическая линия, революционный пафос, чувство исключительности, прививаемое чекистам с первых дней службы, сделали советские органы безопасности в течение 10—12 лет одной из самых сильных спецслужб в мире»⁹.

¹ ЦАФСБРФ.Ф.2.0п. 1.Д.138.Л.265;Ф.6.0п. 1.Д.104. Л.54; РГАСПИ. Ф.17. Оп.13. Д.1003. Л.23; Ф.76. Оп.4. Д.6. Л.1; Д.3530. Л.1; Д.4017. Л.17.

² Там же. Д.3456. Л.2.

³ ЦА ФСБ РФ. Ф.1. Оп.6. Д.38. Л.127.

⁴ РГАСПИ. Ф.76. Оп.4. Д.4156. Л.1.

⁵ Там же. Д.3576. Л.1.

⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.3. Д.1042. Л.24-25.

⁷ Там же. Ф.19. Оп.3. Д.7654. Л.58.

⁸ Государственный общественно-политический архив Ростовской области. Ф.7. Оп.1. Д.147. Л.548.

⁹ Белая книга российских спецслужб. М., 1996. С.69.

Н.С. ПЛОТНИКОВА

(Академия ФСБ РФ)

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ НКВД СССР

В связи с образованием в июле 1934 года НКВД СССР была упразднена Судебная коллегия ОГПУ, имевшая право выносить приговоры вплоть до высшей меры наказания, что означало существенную либерализацию курса в карательной политике советского государства. Однако внесудебные полномочия сохранились. Положение об Особом совещании при Народном комиссариате внутренних дел было утверждено политбюро ЦК ВКП(б) 28 октября 1934 года, а 5 ноября было принято постановление ЦИК и СНК СССР, согласно которому наркомату внутренних дел предоставлялось «право в отношении лиц, признаваемых общественно опасными, ссылать на срок до 5-ти лет под гласный надзор в местности, список которых устанавливается НКВД, высылать на срок до 5-ти лет под гласный надзор с запрещением проживания в столицах, крупных городах и промышленных центрах СССР, заключать в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5-ти лет, а также высылать за пределы СССР иностранных подданных, являющихся общественно опасными»¹.

Эта линия в карательной политике государства нашла свое отражение в спорах между Прокурором СССР А. Я. Вышинским и наркомом внутренних дел Г.Г. Ягодой. 5 февраля 1936 года Вышинский направил в адрес И.В. Сталина и В.М. Молотова докладную записку, в которой подверг критике практику полуторагодичной работы Особого совещания. Он разбил дела, проходившие через совещание, на три категории: дела о контрреволюционной агитации, антисоветских сплетнях, разговорах и т.п.; дела, связанные с высказыванием террористических намерений, предположений; дела так называемых социально вредных и социально опасных элементов. Вышинский подчеркивал, что решения Особого совещания могут быть связаны с опасностью допущения ошибок, так как все дела рассматривались заочно, без вызова обвиняемых и свидетелей, нередко дела основывались только на агентурных данных, часто показания единственного свидетеля расходились с показанием обвиняемых, которые категорически отрицали свою вину. Поэтому прокурор СССР настаивал на максимальном сокращении количества дел по первой и второй категориям в Особом совещании и необходимости их передачи в суды. Далее Вышинский отмечал, что права прокуратуры ограничены при опротестовании приговоров в отношении осужденных Особым совещанием, что противоречило ст. 440 УПК РСФСР².

С запиской прокурора СССР Молотов ознакомил Ягоду, который 11 февраля направил встречную докладную записку на имя Сталина и Молотова. Нарком внутренних дел привел количество лиц, привлеченных в 1935 году органами ГУГБ к ответственности, и подчеркнул, что основная масса дел направлялась именно в судебные органы. Так, было привлечено к ответственности 293681 человек, из них было в прокуратуру и суды переданы дела на 228352, а прошли по решениям Особого совещания дела на 33823 человека.³

На наш взгляд, позиция наркома уязвима, поскольку он подменял предмет разногласий. Вышинский ставил вопрос о возможности вынесения необъективных приговоров, исходя из особенностей работы ОСО, Ягода доказывал, что Особое совещание ни по количеству, ни по удельному весу рассматриваемых дел никак не может влиять на карательную политику.

Нарком отмечал, что следствие по каждому делу ведется с соблюдением процессуальных норм. В процессе следствия прокурор осуществляет в полной мере надзор за всеми стадиями дела, начиная от ареста до окончания следствия. Если

прокурор находит, что дело недостаточно или плохо расследовано, он дает соответствующие указания в процессе следствия, которые и выполняются. Ягода не согласился с утверждением Вышинского о том, что следствие по делам, рассматриваемым Особым совещанием, ведется в каком-то особом порядке. Если бы дело обстояло так, считал Ягода, то чем объяснить, что Вышинский на протяжении полуторагодичной работы ни разу не опротестовал ни одного решения Особого совещания? К тому же прокуратура не только принимает непосредственное участие в вынесении решений по делам, но и решения Особого совещания без согласия прокурора Союза не проводятся в жизнь.

Ягода не понимал роли и места прокуратуры. Хотя Судебная коллегия ОГПУ была упразднена, но нормативные акты о надзоре со стороны прокуратуры по делам, расследуемым ОГПУ, продолжали сохраняться. Прокурор мог лишь формально наблюдать за правильностью ведения следствия. Глава ведомства утверждал, что в своей постановке вопроса Вышинский по сути, берет под сомнение целесообразность самого существования Особого совещания, хотя оно и было создано для такой категории дел, рассмотрение которых должно проводиться в административном порядке вне обычной судебной процедуры. Ягода полагал, что практика полуторагодичной работы Особого совещания показала, что этот орган целиком себя оправдал, а дела, прошедшие через него, полностью отвечают идее организации Особого совещания.

Нарком внутренних дел оспаривал утверждение Вышинского о том, что прокуратура не имеет права освобождать подследственных ГУГБ и осужденных Особым совещанием, и подчеркивал, что роль прокурора при вынесении решений по делам осужденных Особым совещанием иная, чем в судах. Прокурор не является стороной, как в суде, а участвует в решении по всем делам, рассматриваемым Особым совещанием. При вынесении решений Особым совещанием никто не мешал прокуратуре вносить свои коррективы или опротестовывать их. Поэтому требование Вышинского о предоставлении прокуратуре права освобождения подследственных ГУГБ и осужденных Особым совещанием являлось, по мнению Ягоды, недоразумением. Он высказал мысль, которая соотносилась с реальным состоянием, что прокуратура вообще не должна иметь права освобождать «без ведома и согласия НКВД».

Дело, как считал Ягода, не в Особом совещании, а в судебных органах и прокуратуре. Основным вопросом работы прокуратуры должно было быть усиление надзора за работой судебного аппарата и его карательной практикой. Из приводимых им цифр следовало, что работа судов неудовлетворительна. На 1 октября 1935 года в тюрьмах и колониях содержалось 50992 человека, месяцами ожидавших кассационных решений⁴, количество дел, не рассмотренных судами, из месяца в месяц росло. Поэтому коренной вопрос — как улучшить работу судов — не нашел ответа в записке Вышинского, тогда как основной задачей прокуратуры являлось упорядочение работы судов, а не Особого совещания, которое, будучи ограничено в своих правах, не играло той роли, которую ему пытался придать прокурор СССР. Таким образом, нарком внутренних дел опять пытался уклониться от существа поставленных вопросов.

Вышинский в ответной докладной записке от 16 февраля 1936 года отмечал, что количество дел в судах при всех условиях стоит в прямой зависимости от количества дел, возбуждаемых органами следствия и, в частности, органами НКВД. Подавляющая масса следственных дел (90—95%) падала на органы НКВД, и только 5—10% дел возбуждались и расследовались прокуратурой. По его мнению, Ягода искусственно разделил количество осужденных Особым совещанием на две категории: осужденных по делам ГУГБ (33000) и осужденных тройками НКВД и Главным управлением милиции (122000). Осуждение Особым совещанием обычно

влекло за собою ряд репрессий и в отношении членов семей, находящихся на иждивении репрессированных лиц, а значит, удельный вес Особого совещания был, несомненно, более значительным, чем это пытался изобразить нарком внутренних дел.

Прокурор СССР считал абсолютно неправильным утверждение Ягоды о том, что на протяжении полуторагодичной работы Особого совещания он не опротестовал его решений. Прокуратурой было принесено в Особое совещание 1344 протеста, большинство из которых по ходатайству НКВД снималось и вновь переносилось в Особое совещание. Вышинский опроверг утверждение наркома о желании упразднить Особое совещание. Он писал что, вопрос поставлен не об упразднении Особого совещания НКВД, а об ограничении компетенции совещания как административного суда. Прокурор не согласился с мнением Ягоды о том, что основным содержанием работы прокуратуры является надзор за судебными органами и карательной практикой, так как в ее обязанности входил и надзор за органами НКВД.

Вышинский отмечал, что хотя вопросы судебного надзора составляли одну из важнейших областей работы Прокуратуры Союза, однако, это ни в какой мере не может оправдывать ослабления надзора Прокуратуры за административными органами, в частности, за работой Особого совещания, играющего роль в карательной политике гораздо большую, чем пытался представить нарком внутренних дел. Вышинский также заметил, что Прокуратура ни юридически, ни фактически не пользовалась правом изменять меру пресечения по делам, находящимся в производстве органов НКВД. Имелись случаи, когда требования даже прокурора Союза об освобождении из-под стражи тех или иных НКВД не исполнялись.

На первой докладной записке прокурора СССР от 5 февраля 1936 года Сталин, ознакомившись со всеми материалами, написал Молотову: «Вышинский прав. Надо решить вопрос на совещании»⁵.

Из трех лет, предшествовавших периоду массовых репрессий, прослеживается следующая динамика работы внесудебных органов. За первую половину 1934 года было осуждено Коллегией ОГПУ 21234 человека. Особым совещанием за вторую половину 1934 года было осуждено 1057 человек; в 1935 году — 33823 человека и тройками УНКВД, созданными в мае 1935 года, — 122726 человек. Вероятно, разногласия между наркомом и прокурором сказались в том, что в 1936 году Особое совещание рассмотрело дела на 21222 человека, то есть на треть меньше, чем в предшествующем. Однако тройки рассмотрели дела на 148411 человек⁶. В конечном же итоге внесудебные полномочия органов НКВД возрастали.

---

¹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С.62.

² ЦАФСБРФ.Ф.3ос.Оп.3. Д.4. Л.3.

³ АПРФ. Ф.3. Оп.58. Д.6. Л.9.

⁴ Там же. Л.15.

⁵ Там же. Л.4.

⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. 8ос. Оп.1. Д.80.

В.Н. САФОНОВ
(Академия ФСБ РФ)

ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК БОЛЬШЕВИКОВ, ИЛИ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ЧЕКИСТЫ ПОЙМАЛИ БОРИСА САВИНКОВА

«Дело Савинкова» до сих пор вызывает интерес, как в России, так и во многих других странах. Этой неординарной личностью занимались историки, писатели, публицисты, работники кино и телевидения. Однако многие западные и российские средства массовой информации, рассказывая о Савинкове, изображают его только как борца с большевизмом, награждая его такими красочными эпитетами, как «одаренный писатель», «сильный человек, прославленный бесстрашием», «непримиримая натура» и др. Авторы забывают, а иногда намеренно замалчивают его террористическую деятельность против мирных советских граждан. Продолжают муссироваться слухи о его «загадочной» смерти, руку к которой якобы приложили чекисты.

После захвата власти большевиками Борис Викторович Савинков становится одним из самых активных борцов с зарождавшимся режимом, о чем достаточно написано. В январе 1920 года он получил приглашение от своего школьного друга Юзефа Пилсудского обосноваться в Варшаве. Старый конспиратор Савинков нутром почувствовал, что скоро, совсем скоро грянет война Польши с Советской Россией. Значит, он должен быть там, у границ своей родины, чтобы продолжить активную борьбу с большевиками.

В Варшаву Савинков отправил близкого сподвижника, видного журналиста А.А. Дикгоф-Деренталя с заданием разузнать, разрешит ли начальник Польского государства сформировать на территории страны русские «демократические» формирования борьбы с большевиками. Эмиссар встретился с Пилсудским и получил согласие за территориальные уступки после победы над большевиками. В Париж ушла срочная телеграмма Дикгоф-Деренталя и вскоре Савинков появился в Варшаве, где создал Русский политический комитет и занялся формированием армии. Основу ее составили части С.Н. Булак-Балаховича и интернированные части 3-й армии генерала Деникина; местом формирования армии стали местечко Скалмержицы и город Калиш. Программным лозунгом стал старый савинковский лозунг «За созыв Учредительного собрания». Пропагандировалось сохранение мелкой частной собственности, самостоятельности Польши и широкой автономии народов, входивших в состав бывшей Российской империи.

Савинков часто встречался с Пилсудским, французскими и польскими генералами. Однажды в разговоре с первым польским маршалом он назвал Булак-Балаховича бандитом. Пилсудский на это рассмеялся и ответил: «Да, бандит... Мы об этом знаем... Но у него нет гонора золотопогонных генералов, мечтающих возродить в России монархию. Он воюет с большевиками, поэтому мы его поддерживаем, пусть они будут хоть неграми, но если борются с Советами, значит они наши союзники». После этого разговора Савинков на страницах своей газеты «За свободу» не раз цитировал лозунг «Хоть с чертом, но против большевиков»¹. Савинковцы приняли участие в польско-советской войне.

В январе 1921 года Савинков создал при Русском политическом комитете Информационное бюро во главе со своим братом Виктором, которое занялось сбором сведений военно-разведывательного характера на территории Советской России. Собранные сведения продавались 2-му отделу Генштаба Польши и французской военной миссии в Варшаве. Сам Савинков в это время готовился к съезду «Народного союза защиты родины и свободы», состоявшийся в июне 1921

года с участием представителей Генштаба, французской военной миссии, латвийского и эстонского военных атташе.

После съезда подрывная работа савинковцев на территории Советской России резко активизировалась. Ежемесячно через оперативные приграничные пункты переправлялись до 30 эмиссаров. Наряду со шпионской работой для поляков и французов, направляемые резиденты НСЗРиС имели задания формировать в Советской России подпольные «пятерки» и «ячейки». К началу 1922 года чекисты выявили и ликвидировали в Москве 23 активных савинковцев, работавших в центральных учреждениях и занимавших ответственные посты, по 15 — продолжили агентурные разработки. На территории Петроградского военного округа было арестовано свыше 220 савинковцев, в Западном военном округе — 80, в разработке осталось свыше 100 человек. Резиденты НСЗРиС были выявлены в Воронеже, Туле, Ростове-на-Дону, Уфе и других городах².

Подрывная работа савинковцев с территории Польши противоречила содержанию мирного договора, и на основании документальных чекистских данных НКВД РСФСР направил польскому правительству ноты с требованием прекратить деятельность Народного союза. В октябре 1921 года польские власти приняли решение о высылке его главарей. В Варшаве остался комитет союза под председательством Е.С. Шевченко и представителем ЦК Д.В. Философовым. Глава же союза метался по европейским столицам в поисках средств для подрывной работы против своих заклятых врагов — большевиков, пока не обратил взоры на туманный Альбион. Двери этой великой державы ему помог приоткрыть старый друг, известный английский разведчик Сидней Рейли, друживший с военным министром Уинстоном Черчиллем. Последний поставил условие: до аудиенции с премьер-министром Ллойд Джорджем Савинков должен встретиться с советским полномочным представителем в Великобритании Л.Б. Красиным, неоднократно высказывавшим англичанам такую просьбу.

Представитель РСФСР долго убеждал Савинкова прекратить борьбу против большевиков, а значит против России. При условии прекращения подрывной деятельности он мог бы поступить на службу в представительство НКВД за границей, после чего должен был использовать свое влияние и связи на благо Родины, в частности, помочь получить заем в 10 миллионов фунтов стерлингов золотом для восстановления экономики страны. Савинков на предложения Красина ответил, что готов прекратить борьбу и начать работать на благо России, если большевики немедленно проведут в жизнь такие три условия: передадут верховную власть свободно избранным советам, ликвидируют ВЧК и признают мелкую частную земельную собственность³. Конечно, Савинков понимал, что его собеседник не имел полномочий не только для решения этих вопросов, но и для их обсуждения, поэтому довольно продолжительная встреча не дала результатов.

На следующий день Савинков, сопровождаемый Черчиллем, был принят Ллойд Джорджем. Высших британских чиновников интересовал вопрос, на каких условиях, по мнению Савинкова, можно было бы признать советскую власть. Матерый враг большевизма ответил, что он представляет огромную организацию, которая для признания советской власти выдвигает требования, высказанные Красину. Премьер согласился с изложенной Савинковым программой. Черчилль поддержал своего шефа и высказал пожелание, чтобы Савинков присутствовал на Каннской конференции в частном порядке, и в случае необходимости, дал бы разъяснения по русскому вопросу. В Каннах Савинков оказался ненужным, обещанных денег тоже не оказалось. В феврале 1922 года на следствии в ГПУ полковник М. Н. Гнилорыбов показал: «... мы поняли, что ставка Савинкова на Ллойд Джорджа и Англию безнадежно бита»⁴.

В Иностранном отделе ГПУ уже знали, что Савинков свои взоры обратил на Аппенинский полуостров. Разъезжая по столицам европейских стран в поисках денежных средств, Савинков в марте 1922 года встретился в Лугано (Швейцария) с Муссолини. В самом начале беседы русский националист стал пугать итальянского фашиста большевиками, которые, по его мнению, через Коминтерн раздувают новый революционный пожар в Италии. Дуче предложил Савинкову сотрудничество в Италии или в тех странах, где непосредственно затрагиваются ее интересы, например, в Югославии и сообщил, что руководство фашистов обеспокоено скорым прибытием советской делегации на Генуэзскую конференцию. Савинков согласился шпионить за членами делегации и сделать их пребывание невыносимым, но, по требованию Муссолини, отказался от подготовки террористических актов на итальянской территории. После встречи в Лугано отношение Савинкова к фашизму осталось весьма теплым: в фашизме он увидел спасение от большевизма⁵.

Временами Савинков действовал нагло и дерзко. Еще до встречи с Муссолини, в феврале, он под фамилией Гуленко, журналиста из Константинополя, обосновался в Генуе. Связавшись с резидентурой Иностранного отдела ГПУ в Италии, он предложил свои услуги, представил ряд документов, в основном имевших историческое значение, по-видимому, из своего же архива. С «Гуленко» несколько раз встречался сам резидент и характеризовал журналиста исключительно положительно. Дошло до того, что Савинков чуть было не оказался в охране советской делегации, которую возглавлял Г.В. Чичерин. Только благодаря действиям берлинской резидентуры ГПУ он был разоблачен. О Савинкове-Гуленко были поставлены в известность итальянские власти и 18 апреля 1922 года он был арестован полицией⁶. В ГПУ возникла мысль потребовать выдачи арестованного в Генуе Савинкова как крупного террориста и уголовного преступника. 26 апреля заместитель председателя ГПУ И.С. Уншлихт направил письмо заместителю наркома по иностранным делам Л.М. Карахану, в котором поставил вопрос «о возможности проведения соответствующих дипломатических шагов для получения Савинкова ценою всех приемлемых для нас компенсаций»⁷.

Как свидетельствуют архивные материалы, Савинков для большевиков представлял собой наиболее активного и непримиримого противника, готового во имя своих политических амбиций действовать самыми крайними мерами. Человек, которого принимали высшие чиновники Англии, Франции, Польши и других стран, имевший связи со спецслужбами этих государств, был опасен для большевиков тем, что являлся необыкновенно деятельным, не только призывавшим к борьбе с советской властью, но и активно воевавшим с ней с оружием в руках. Его многочисленные резидентуры и вооруженные отряды представляли реальную угрозу молодой Республике, а призывы к террору против ее лидеров не могли не беспокоить властные структуры. ГПУ признало Савинкова основным противником и объявило ему непримиримую и беспощадную войну.

В мае 1922 года коллегия ГПУ приняла решение о создании Контрразведывательного отдела, на который возлагалась борьба с иностранным шпионажем, белоэмигрантскими центрами и подпольными контрреволюционными организациями на территории Советской России⁸. Сотрудникам КРО и суждено было поставить последнюю точку в биографии «артиста авантюры», как назвал Савинкова А.В. Луначарский. Уже 12 мая, на четвертый день создания, отдел издал свое первое циркулярное письмо «О савинковской организации»⁹. В письме КРО поставил вопрос о новом методе работы — создании легендированных организаций в среде савинковцев для достижение главной цели — ликвидации всего савинковского движения. Чекистов на местах предупреждали, что этот метод должен применяться с особой осторожностью «во избежание провокационных действий с нашей стороны».

Метод легендирования был удачно использован в ряде крупных агентурных разработок. Кто из сотрудников КРО является его автором, установить, к сожалению, в данное время не представляется возможным. Савинков стал одним из первых белоэмигрантских лидеров, попавшимся в расставленные КРО сети. Возникла идея легендировать в центре России широко разветвленную антисоветскую организацию под названием «Либерально-демократическая организация», сокращенно ЛД, которая, признавая необходимость активной борьбы с большевиками, «к политическому и индивидуальному террору, а тем более террору экономическому... относится отрицательно»¹⁰. На эту организацию и «клюнул» старый конспиратор. Руководство КРО (начальник А.Х. Артузов, его заместитель Р.А. Пиляр, помощник начальника С.В. Пузицкий) и личный состав 6-го отделения (начальник И.И. Сосновский, его помощник Н.И. Демиденко, секретный сотрудник КРО по закордону А.П. Федоров, уполномоченные Г.С. Сыроежкин, С.Г. Гендин, помощник уполномоченного КРО ПП ГПУ по Западному краю И.П. Крикман) провели уникальную контрразведывательную операцию «Синдикат-2», которую до сих пор изучают в учебных центрах многих спецслужб.

Отметим удачный подбор сотрудников, осуществлявших разработку. Это были люди молодые, инициативные, образованные, преданные идеям революции. Деловая обстановка, энергичная и напряженная работа сочеталась с дружбой и товариществом. Простая структура КРО позволяла им, иногда уполномоченным по должности, обращаться с вопросами непосредственно к Ф.Э. Дзержинскому и В.Р. Менжинскому, которые курировали операцию. Им доверяло руководство, и они старались оправдать доверие, беря на себя решение очень сложных вопросов.

Успех разработки «Синдикат-2» с самого начала обеспечивался правильным использованием захваченных чекистами савинковцев Л.Шешени и М.Зекунова, умелой их обработкой и привлечением к сотрудничеству. Арест и ведение оперативной игры от имени близкого друга Савинкова полковника С.Э. Павловского, использование «втемную» эмиссара И.Т. Фомичева были классическими. В результате тщательной отработки легенды были внедрены в разработку самого Савинкова А.П. Федоров и Г.С. Сыроежкин, выезжавшие для этой цели за границу. Другие контрразведчики способствовали закреплению легенды о наличии подполья на советской территории. Определенную роль играла продуманная «деза» для польской разведки, в каналы деятельности которой удалось внедриться чекистам, а также тщательная отработка текстов докладов и писем, шедших из московского «подполья». Изобретательность и находчивость, выдержка и настойчивость сотрудников КРО обеспечили успешное завершение дела.

Операция так была искусно организована и проведена, что эмигрантские круги, несмотря на усиленные старания, не смогли найти явных следов и улики участия работников ГПУ в ее осуществлении. Они только гадали, кто провокатор, подозревали многих, в том числе Дикгоф-Деренталя, Фомичева, Павловского, но до сути так и не добрались.

Савинков и его попутчики были задержаны 15 августа 1924 года в Минске. 18 августа их поместили во внутреннюю тюрьму ОГПУ. Быстрое следствие провели сотрудники 6-го отделения КРО. Обвинительное заключение написал начальник отделения И.И. Сосновский. 29 августа Военной коллегией Верховного суда СССР Б. В. Савинков был осужден к расстрелу, но суд учел его чистосердечное раскаяние и обратился с ходатайством о смягчении меры наказания. ЦИК СССР заменил высшую меру десятью годами тюремного заключения».

Содержался Савинков во внутренней тюрьме ОГПУ. Чтобы облегчить душевное состояние и закрепить его на позициях признания и сотрудничества с советской властью, ему были созданы максимальные удобства нахождения под стражей. Он часто в сопровождении чекистов выезжал в город на прогулки, посещал рестораны и

театры, встречался со знакомыми, занимался литературным трудом. Савинков несколько раз обращался через печать к лидерам белой эмиграции с призывом прекратить бессмысленную борьбу. Его объемное письмо «Почему я признал Советскую власть» печаталось в эмигрантской прессе, в газетах и журналах многих стран Европы. По разрешению Дзержинского он находился в одной камере с фактической женой — Л.Е. Деренталь; они обеспечивались книгами, продуктами, винами. Несмотря на льготный режим, Савинков очень тяготился положением человека, лишённого свободы, и просил освободить его досрочно из тюрьмы.

Утром 7 мая 1925 года он передал письмо на имя Ф.Э. Дзержинского, в котором снова просил освободить его из тюрьмы, а если это невозможно, то ответить «ясно и прямо, чтобы в точности знать свое положение». Затем в сопровождении Пузицкого, Сперанского и Сыроежкина отправился на прогулку в Царицынский парк. На Лубянку они вернулись в 22 часа 30 минут и в ожидании конвоя он рассказывал чекистам в кабинете №192 о своей вологодской ссылке. И вдруг в 23 часа 20 минут Савинков прыжком вскочил на подоконник и головой вниз выбросился в окно с пятого этажа. Прибывший вскоре начальник санитарной части ОГПУ М. Г. Кушнер в присутствии помощника прокурора РСФСР Катаняна констатировал смерть Савинкова.

Расследованием факта самоубийства по поручению Дзержинского занимался особоуполномоченный коллегии ОГПУ В. Д.Фельдман. В заключении он указал: «Савинков за последнее время тяготился своим положением человека, лишённого свободы, и неоднократно высказывал мысль, либо освобождение, либо смерть». И далее Фельдман писал, что «какой-либо халатности со стороны лиц, имеющих в данный момент обязанность его охранять, то есть Пузицкого и Сыроежкина или признаков этой халатности не усматривается и дознание подлежит прекращению»¹¹. 12 мая Дзержинский поручил Артузову составить текст для опубликования в печати о самоубийстве Савинкова, отредактировал его и направил на согласование Сталину¹². 13 мая «Правда» опубликовала сообщение о самоубийстве Бориса Савинкова.

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф.1. Оп.5. Д.273. Л.42-47.

² Там же. Д.Н-1791. Т.22. Л.17.

³ Там же. Д.Н-1848. Л.262-263.

⁴ Там же. Л.263; Д.Н-1791. Т.19. Л.233-235.

⁵ Там же. Т.8. Л.249; Ф.2. Оп.3. Д.119. Л.41-43.

⁶ Там же. Д.Н-1791. Т.17. Л.1.

⁷ Там же. Ф.2. Оп.3. Д.119. Л.49.

⁸ Там же. Ф.1 ос. Оп.6. Д.1. Л.49.

⁹ Там же. Ф.66. Оп.1. Д.28. Л.59-66.

¹⁰ Там же. Д.Н-1791. Т.7. Л.32-34.

¹¹ Там же. Д.ПФ-9489. Т.1. Л.9.

¹² Там же. Ф.2. Оп.3. Д.119. Л.141-142.

В.Н. ХАУСТОВ

(доктор исторических наук, профессор.
Академия ФСБ РФ)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В 1920—1930-е ГОДЫ

Основные теоретические воззрения руководителей советского государства о строительстве социализма в окружении капиталистических государств и неизбежности войны повлияли на организацию и направления оперативной деятельности органов государственной безопасности.

Высшее руководство страны определяло цели, задачи и направления деятельности внешней разведки. После поражения революционных выступлений в Германии, Болгарии, Польше и других странах, в подготовке которых наряду с Коминтерном участвовали ИНО ОГПУ и РУ РККА, оно отказалось от тактики непосредственного участия в попытках дестабилизировать внутривнутриполитическое положение в ряде европейских государств. В феврале 1925 года на заседании политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение о том, что «...ни в одной стране не должно быть наших активных боевых групп, производящих боевые акты и получающих от нас непосредственно средства, указания и руководство». Вся такого рода работа перекладывалась на коммунистические партии зарубежных стран¹.

В середине 1930-х годов происходило формирование спецрезидентур. Сначала в ИНО, а затем при секретариате Наркомата внутренних дел была создана специальная группа «Яша», возглавляемая Я.И. Серебрянским. Основной задачей группы являлось осуществление диверсионных актов в глубоком тылу противника. Нелегальные резиденты спецгруппы готовили агентурную сеть, главным образом на период возможных военных действий. Перед ними ставились конкретные задачи: отработка методики осуществления диверсий с использованием принятого технологического процесса путем внесения в него изменений, вызывающих взрывы, аварии, пожары; отработка методики осуществления аварий энергетических установок; конструирование приборов подрывного, отравляющего и зажигательного действия; создание руководства по методам проведения диверсии в тылу противника; подготовка кадров исполнителей; технико-экономическая разработка диверсий и конкретных объектов диверсии. В процессе создания глубоко законспирированных специальных групп, которые должны были действовать только в случае войны, ставилась задача привлечения национальных кадров для активных действий в своих странах.

В период 1920—1930-х годов отношения между военной и политической разведками складывались на принципах сотрудничества и отчасти соперничества. Провалы по линии военной разведки в начале 1930-х годов потребовали усиления их взаимодействия. По решению политбюро ЦК ВКП(б) в мае 1934 года более двадцати сотрудников ИНО ОГПУ были направлены для работы в РУ РККА. Начальник ИНО А. Артузов стал заместителем начальника Разведывательного управления. Начальниками ведущих отделов — 1-го (западного) и 2-го (восточного) — были назначены его ближайшие соратники О. Штейнбрюк и Ф.Карин. На взаимоотношения двух разведслужб негативное воздействие в данный период оказывал тот факт, что одно из подразделений ГУГБ НКВД СССР, куда входил организационно Иностраный отдел, а именно Особый отдел, выполнял директивы Центра о поиске «врагов народа» в Разведуправлении. В период с 1937 по 1940 годы были арестованы и расстреляны шесть начальников и исполняющих обязанности начальников военной разведки.

Одновременно объективные интересы международной политики, проводимой СССР в этот период, способствовали усилению совместных действий РУ РККА и ИНО ГУГБ НКВД. Так, в ходе оказания помощи республиканской Испании совместно проводились операции по закупке оружия в третьих странах. Разведуправление использовало широкие возможности одного из опытнейших работников Иностранного отдела «Аргуса», имевшего связи в европейских торговых кругах и привлеченного Артузовым для приобретения и переправки в Испанию стрелкового оружия и самолетов. Во взаимодействии друг с другом две спецслужбы проводили диверсионные рейды в тылу франкистской армии.

Работники резидентуры? Иностранного отдела при осуществлении контрразведывательной деятельности оказывали помощь военной разведке в предотвращении провалов. В одном из спецсообщений от резидента ИНО в Японии содержались сведения, полученные из жандармского управления, о лицах, подозреваемых в разведывательной деятельности в пользу СССР. Среди них оказались два человека, связанные с резидентом военной разведки. Связь с ними была срочно прекращена.

Между двумя ведомствами существовала и конкуренция. Можно согласиться с оценкой, данной невозвращенцем Г. Агабековым, который писал: «Отношения Разведупра с ОГПУ официальные. Они заключаются в обмене информацией и материалами. ОГПУ часто конкурирует с Разведупром...»². Конкуренция была особенно заметна по линии военно-технической разведки. Руководство НКВД СССР на всем протяжении предвоенного периода, особенно с 1937 года, усиливало задания по получению информации о военной технике и различных видах вооружений. Спецсообщения о добытых материалах, адресованные И.В. Сталину, В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову, были призваны показать значимость политической разведки в укреплении обороноспособности страны и боеготовности Красной Армии. Резидентуры в Чехословакии, Англии, США сообщали о чертежах нового танка завода «Шкода», 14-ти дюймовых орудий английских линкоров, новейших разработках по субстратосферным самолетам фирмы «Локхид».

Помимо конкуренции, в определенной степени сохранялось неравноправное положение спецслужб, которое объяснялось контролем со стороны резидентур ИНО над резидентами военной разведки. Поскольку официально в задачу внешней разведки органов госбезопасности входило и наблюдение за советской колонией в различных учреждениях, то сюда попадали и резидентуры РУ РККА, которые таким правом не обладали.

Внешняя разведка органов государственной безопасности соприкасалась с Коминтерном, имевшим самостоятельные направления деятельности за рубежом. Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала, являвшийся идейным и организационным центром международного коммунистического движения, руководил как легальной, так и нелегальной деятельностью компартий в различных странах. Вся техническую работу по подготовке сотрудников Коминтерна для выполнения различных заданий за рубежом, включая снабжение документами, спецсредствами, организацию радиосвязи, шифровального дела, возглавлял в этот период секретарь ИККИ М.А. Трилиссер-Москвин. Главное значение имел опыт, накопленный им за время руководства Иностранным отделом ОПТУ. Подготовку нелегальных работников осуществлял Отдел международных связей (ОМС), а затем Служба связи (СС) Коминтерна, которым руководили бывшие профессиональные сотрудники разведслужбы А.А. Абрамов-Миров, Б.Н. Мельников. Изготовление документов, обучение шифровальному делу, радиосвязи базировалось на использовании опыта и техники соответствующих специальных отделов ИНО ГУГБ НКВД СССР.

Главная форма взаимодействия внешней разведки органов госбезопасности и Коминтерна заключалась в том, что коммунистические партии за рубежом являлись мощной вербовочной базой для разведслужб СССР. Десятки тысяч коммунистов во всем мире считали своим интернациональным долгом оказания помощи первому в мире пролетарскому государству, заявившему о построении общества, в котором должны были реально воплотиться в жизнь самые гуманные идеалы человечества.

В аналитическом докладе, подготовленном представителем разведки РОВС в Болгарии капитаном Фоссом, при анализе деятельности разведслужб Англии, Франции, Германии и СССР, на наш взгляд, правильно отмечается важнейшая особенность организации разведывательной деятельности в Советском государстве: «Интернациональный характер Советского Союза обеспечивает ему как бы его филиалы почти повсеместно в лице коммунистических организаций в тех государствах, где открытое существование их допускается законом. Да и в тех странах, где открытое существование их воспрещено, все равно СССР может базироваться на тайных коммунистических организациях, поддерживаемых интернациональными органами в виде Коминтерна и МОПРа, базирующихся на Советский Союз. Широко раскинутая по всему миру коммунистическая сеть, конечно, сильно облегчает работу тайной советской разведки»³.

В вербовочной работе до конца 1940-х годов разведывательные службы делали ставку на коммунистов и сочувствующих коммунистическому движению, хотя в тридцатые годы были внесены существенные коррективы. В мае 1934 года при обсуждении в политбюро ЦК ВКП(б) вопроса о разведывательной работе было принято решение о запрещении вербовок коммунистов в стране пребывания.

Деятельность контрразведывательных подразделений органов госбезопасности НКВД СССР способствовала тому, что на территории советского государства в течение 1920—1930 годов антибольшевистские эмигрантские организации и иностранные спецслужбы не осуществили ни одной акции непосредственного подрыва экономического потенциала. Разведывательная деятельность проводилась ими, главным образом, с легальных позиций.

До середины 1930-х годов продолжалось легендирование антисоветских организаций, с позиций которых проводились оперативные игры. К числу наиболее крупных из них можно отнести легендированные разработки «Академия», «Консул», «Мечтатели», «Кларнет-5». Важной особенностью всех оперативных игр являлось то, что непосредственные выходы на разведывательные центры иностранных государств не практиковались. Контакты с иноразведками осуществлялись через эмигрантские центры. Легендирование антисоветских организаций позволяло контрразведчикам держать под контролем каналы проникновения, выявлять агентуру и связи иноразведок на территории СССР.

В период массовых репрессий был найден не лучший способ пресечения разведывательной работы иностранных государств с легальных позиций. 10 октября 1937 года с санкции политбюро ЦК ВКП(б) принимается оперативный приказ №00693. Исходя из установки, что все посольства и консульства являются базами иноразведок, сотрудникам КРО предлагалось «немедленно арестовывать всех советских граждан, связанных с личным составом диппредставительств и посещающих их служебные и домашние помещения». Режим работы рекомендовался такой, чтобы обеспечить «бесперывное наблюдение» за всеми сотрудниками посольств Германии, Японии, Италии, Польши». Практически в приказе ставилась задача полной изоляции представительств указанных стран. Неудивительно, что после этого в СССР был закрыт целый ряд консульств.

Значительные трудности для советских контрразведчиков и широкие возможности для усиления разведывательной деятельности с легальных позиций появились у германских спецслужб после подписания в августе 1939 года советско-

германского пакта о ненападении и последующих торгово-экономических соглашений. Созданные различного рода комиссии по переселению немцев в Германию с территорий, отошедших к СССР, значительно возросшее количество торговых делегаций использовались спецслужбами противника для проведения разведки с легальных позиций. Например, сотрудник «Абверштелле-Краков» — германского разведывательного органа на территории Польши — Демель в 1939 году являлся членом комиссии по переселению. Офицер связи между «Абвером» и румынской разведкой «ССИ» Странский отмечал, что летом 1940 года, в момент воссоединения Бессарабии с Молдавией, были созданы резидентуры в Кишиневе и Аккермане. В январе 1940 года среди членов германской торговой делегации был выявлен с помощью РУ РККА кадровый сотрудник спецслужбы Германии. КРО УНКВД Ленинградской области обратил внимание на то, что германские торговые суда стали систематически садиться на мель вблизи Кронштадта — главной военно-морской базы на Балтийском море, хотя в предшествующий период такие факты не наблюдались, поскольку фарватер был всесторонне изучен. Весной 1941 года нарком госбезопасности В.И. Меркулов докладывал В.М. Молотову о намечавшейся поездке военных атташе Германии, Венгрии, Болгарии и Финляндии во внутренние области СССР и отмечал, что поездка используется явно в разведывательных целях. Нарком иностранных дел санкционировал: «Разрешение пока дать только немцам (об остальных сказать — рассматривается)»⁴.

Необходимо отметить, что центр тяжести в работе по пресечению шпионской деятельности иностранных спецслужб в течение 1939—1940 годов перемещается на территорию Западной Украины, Западной Белоруссии, республик Прибалтики, вошедших в состав СССР. В этих регионах число арестованных органами госбезопасности возрастает с 40 до 62 процентов от общего количества, хотя там проживало чуть более 10 процентов населения СССР.

В экономической сфере жизни общества органы госбезопасности активно использовались государством как один из важнейших рычагов хозяйственного строительства. Значительные объективные трудности создания мощного экономического и оборонного потенциалов страны привели к тому, что их возникновение обуславливалось или «вредительством» буржуазных специалистов, или происками иностранных разведок. Именно этими причинами на протяжении 1920—1930-х годов на показательных процессах объяснялись срывы производственных заданий, невыполнение плановых показателей («Шахтинское» дело, дело Промпартии и др.). В целом на протяжении исследуемого периода количество лиц, арестованных органами государственной безопасности за вредительство и диверсию, составляло от двух до пяти процентов от общего числа арестованных, в период же массовых репрессий эта цифра возросла до тринадцати.

Органы государственной безопасности также выявляли факты, свидетельствовавшие о разложении управленческого аппарата и сотрудников общественных организаций. Десятки тысяч рублей были похищены в 1935 году руководителями ЦК профсоюза работников Наркомтяжпрома. Чиновники из Комитета заготовок СНК за счет государственных фондов сумели построить для личного пользования в Подмоскowie целый дачный поселок, о чем Г.Г. Ягода доложил В.М. Молотову.

Смена экономического курса в конце 1920-х годов, усиление административных методов руководства экономикой сопровождалась прямым насилием, особенно над крестьянами. Органы госбезопасности стали составной частью механизма внесудебной репрессии как средства экономических преобразований в деревне. После завершения политики сплошной коллективизации высшее руководство страны продолжало напрямую использовать органы государственной безопасности в хозяйственном строительстве. Прежде всего, важно выделить их работу в

деревне. В процессе укрепления колхозов и совхозов были созданы чрезвычайные органы — политотделы МТС и совхозов. По решению политбюро ЦК ВКП(б) заместителями начальников политотделов назначались сотрудники органов госбезопасности. На них возлагалась задача борьбы с контрреволюционными проявлениями в деревне. Курс на организационно-хозяйственное укрепление колхозов подкреплялся мерами чрезвычайного характера. Органы госбезопасности привлекались и к решению проблемы сохранения и распределения собранного урожая зерновых. На основании совместного приказа НКВД СССР и Комитета заготовок при СНК СССР комендантами элеваторов и заготпунктов «Заготзерно» назначались сотрудники НКВД. В совместном приказе этих ведомств от 27 июля 1934 года указывалось: «Коменданты элеваторов и заготпунктов подчиняются краевым, областным управлениям НКВД и работают на правах помощников заведующих элеваторами и заготпунктами и ведут специальную работу по охране зерна, борьбе с хищениями и потерями зерна и руководят сторожевой и противопожарной охраной». Службе государственной безопасности отводилась роль карательного органа в ходе переустройства сельского хозяйства. В процессе проведения хозяйственно-политических мероприятий оперработники управлений НКВД, являясь членами бюро обкомов и крайкомов ВКП(б), по заданию партийных органов часто выступали в роли уполномоченных, например, в период посевных и уборочных кампаний.

Советское руководство использовало спецслужбу и для ликвидации любых форм противодействия ходу движения за повышение производительности труда. С конца 1935 года и в течение всего 1936 года органы госбезопасности, применяя свои специальные методы, вели активную работу по развитию стахановского движения, о чем начальник Секретно-политического отдела Г.А. Молчанов отчитывался в регулярных спецсообщениях на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова, секретарей ЦК ВКП(б) и наркомов. Арестам подвергались рабочие и служащие, высказывавшие «контрреволюционные суждения» о том, что стахановское движение свидетельствует о «невиданной эксплуатации рабочего класса», что в результате его снижаются расценки, а в итоге все это ведет к понижению материального уровня жизни рабочих.

Не менее важной составной частью деятельности органов госбезопасности являлось укрепление морально-политического единства советского общества. Постоянно выявлялись и пресекались факты, дестабилизировавшие обстановку в стране, вызывавшие социальную напряженность в обществе, массовое недовольство населения. Например, нарком внутренних дел Казахстана С.Ф. Реденс оперативно сообщал В. М. Молотову о фактах несвоевременной выдачи, задержки на несколько дней, а иногда и месяцы заработной платы. Нарушения в хлебозаготовительной политике, приводившие в 1937 году к людоедству, самоубийствам среди колхозников в Сибири, незамедлительно становились известными не только местным советским и партийным органам, но и высшему руководству страны.

Однако главное воздействие на морально-политическое состояние общества органы госбезопасности оказывали через пресечение любых попыток подвергать сомнению, критиковать теоретические установки правящей коммунистической партии и практику строительства социализма. Господство марксистско-ленинской идеологии в обществе утверждалось путем подавления любого инакомыслия. Партийная оппозиция, которая являлась, по мнению ряда исследователей, главным объектом преследований со стороны органов госбезопасности, не представляла реальной угрозы. Во второй половине 1930-х годов бывшие видные деятели правящей ВКП(б) и лидеры различных оппозиционных партий не создали ни одной реальной группировки и не выдвинули программу действий, которая представляла

бы собой альтернативу проводимому курсу сталинских преобразований в СССР. Фальсифицированные процессы 1936—1938 годов, подготовленные органами госбезопасности по личному указанию Сталина, были направлены в значительной мере на то, чтобы обосновать происками врагов трудности и провалы в хозяйственном строительстве, низкий рост уровня материального благосостояния народа. Борьба с ними выдвигалась в качестве необходимого элемента сплочения общества, поддержания его единства в условиях капиталистического окружения и возможного начала войны. Бывшие лидеры были сломлены, верили, что им сохранят жизнь и послушно выполняли все указания следователей. Например, в конце февраля 1938 года Н.И. Ежов при встрече с Н.И. Бухариным накануне процесса заявил, что тому нечего беспокоиться, так как «его точно не расстреляют».

На протяжении всего предвоенного периода органы государственной безопасности выполняли установки правящей партии. В своей деятельности они руководствовались теми принципиальными положениями, которые принимались только на заседаниях политбюро ЦК ВКП(б), в котором решающая роль принадлежала И. В. Сталину.

---

¹ АПРФ. Ф.3. Оп.50. Д.32. Л.39-40.

² ГАРФ. Ф.5881. Оп.1. Д.701. Л.83-84.

³ ЦА ФСБ РФ. ЛД № 6150. Т.10. Л.448.

⁴ Там же. Ф. 3 ос. Оп.8. Д.1. Л.28.

Б.Г. СТРУКОВ

(кандидат исторических наук, доцент.
Академия ФСБ РФ)

БОРЬБА ОГПУ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Основными видами деятельности ОГПУ в межвоенные годы были разведка, контрразведка и политический розыск. Все они в полной мере были направлены против эмигрантских политических центров, представлявших угрозу для большевистского режима. Разведывательная деятельность в отношении российской политэмиграции в 1920-е — 1930-е годы велась очень активно как с легальных, так и нелегальных позиций. Разработка эмигрантских центров, как свидетельствуют документы, приобрела всеобъемлющий характер как с точки зрения географического фактора (информация систематически поступала из стран и Запада, и Востока), так и с точки зрения политического спектра эмигрантских организаций (неусыпному наблюдению и внедрению агентуры подвергались все направления, от монархистов до социалистических партий и движений). В эмигрантской среде были созданы прочные агентурные позиции.

Агентура буквально пронизывала всю толщу российской эмиграции снизу доверху, что предопределяло всестороннюю информированность ОГПУ о положении дел в российском зарубежье, а также весьма широкие возможности влияния на процессы, шедшие в среде эмигрантов, в нужном для Москвы русле. Даже «высший свет» российской эмиграции «просвечивался» агентурой. Так, представитель великого князя Кирилла Владимировича во Франции, вхожий в правительственные и военные круги этой страны, общавшийся с лидерами эмиграции, являлся агентом Госполитуправления. Другой секретный сотрудник ОГПУ в середине 1920-х годов имел личные контакты с великим князем Николаем Николаевичем, его представителем в Лиге Обера, с руководителем врангелевской контрразведки в Болгарии, ему ставил задачу на проведение диверсионно-террористической операции в СССР лично генерал А. П. Кутепов, возглавлявший всю боевую работу РОВСа. Судя по масштабности задания — развертывание партизанского движения, дестабилизация советской власти на местах, разрушение нефтепровода Баку-Батум, организация покушений на Сталина, Томского и Раковского¹ генерал и не подозревал, что перед ним сотрудник ОГПУ.

Имея подобную агентуру, советские спецслужбы были в состоянии организовать за рубежом широкомасштабные акции по разложению белой эмиграции. Заместитель председателя ГПУ И.С. Уншлихт в информации, направленной в политбюро ЦК РКП(б) в январе 1923 года, среди прочего докладывал, что ГПУ созданы за рубежом организации, стимулирующие репатриацию и «разложение врангелевцев на Балканах». В частности, указывал он: «...организованный нами «Союз возвращения на Родину», насчитывающий ныне свыше десяти тысяч членов, объединяющий вокруг себя почти всю казачью массу, включивший в свой состав предварительно обработанный «Союз возрождения казачества» — прежде опорный пункт эсеровского влияния, — является организацией, монополизирующей влияние Москвы на интересующее нас большинство активной беженской массы»².

В том же 1923 году берлинский резидент ГПУ сообщил в ИНО о том, что ему удалось организовать в баварских газетах публикацию серии материалов, дискредитирующих «кирилловцев», сторонников великого князя Кирилла Владимировича, в глазах, как немецких монархических кругов, так и сторонников великого князя Николая Николаевича. В статьях критиковались карьеризм, стяжательство и интриганство, процветавшие в среде «кирилловцев». Не остался

без внимания и факт признания Кириллом Владимировичем Февральской революции. По мнению резидента, скандал получил широкий политический резонанс и огласку³.

Информированность Москвы о процессах в среде политической эмиграции была очень высокой. Были добыты практически все программные и уставные документы сколько-нибудь значимых организаций и движений, тщательно фиксировались передвижения, контакты и публичные выступления лидеров эмиграции, по возможности была взята под контроль их личная переписка. Аналитические обзоры, которые ОГПУ направляло политическому руководству страны, свидетельствовали о том, что основные тенденции развития ситуации внутри российской политической эмиграции тщательно отслеживались, подвергались анализу и перепроверке. Сведения спецслужб были наиболее достоверным источником, поскольку они содержали не только анализ публичных программ и деклараций эмигрантских организаций, но и их тайных замыслов, учитывали не только политические заявления лидеров, но и умонастроения эмигрантской среды в целом. Очевидно, что информация ОГПУ активно влияла на принятие решений политическим руководством страны, играла роль одной из составляющих при выработке общего вектора государственной политики.

(Информативная ценность данных ОГПУ подтверждается и тем, что современные исследования эмиграции, основанные на «открытых» источниках без привлечения данных спецслужб, поныне страдают односторонностью важных выводов. Так, содержательная статья Е.П. Серапиновой, посвященная деятельности российских эмигрантов в Чехословакии, содержит добросовестное заблуждение, что члены Земгора, «...эмигрировавшие в основном по политическим мотивам, не занимались преимущественно политической деятельностью, как это принято было считать»⁴. Уже в 1924 году органы ОГПУ располагали перепиской исполкома Земгора с его представителем в Югославии, свидетельствовавшей об активной политической работе Земгора в среде эмиграции и даже сколачивании (разумеется, негласно) «годных к строю» групп⁵.

Ныне весьма широкое звучание получила тема репрессий советской власти против Церкви и ее служителей в 1920—1930-е годы. В публикациях правомерно выделяется целый ряд факторов, обусловивших эту печальную страницу нашей истории. На наш взгляд, одной из главных причин репрессий стала ставка белоэмигрантских центров на Церковь как оплот антибольшевистского движения в России. В циркулярном письме ГПУ «О монархических и белогвардейских организациях и группировках» (март 1922 года) среди прочих стратегических и тактических установок эмигрантов-монархистов констатировались следующие: «Главный стержень, вокруг которого будут группироваться здоровые силы народа, — это православная церковь во главе с патриархом». Необходимо «...группирование крестьянства в деревне и интеллигенции в городах вокруг легально существующих церковно-приходских советов, проводя своих людей в правления советов. Усиление жизнедеятельности этих советов, хотя бы в сфере разрешенного декретами (ремонт церквей, богословские курсы и т.д.). Вместе с тем же вести определенную монархическую деятельность. Вовлечь в сферу деятельности монархистов патриарха Тихона и высших церковных иерархов. ...Таким способом создается, с одной стороны, гражданская организация, существующая во многих городах и волостях... могучая благодаря овладению церковно-приходскими советами. По первому знаку патриарха все должны приступить к действиям»⁶. Такого рода внимание со стороны идейных и политических противников большевиков к Русской Православной Церкви неизбежно должно было вызвать и вызвало ответные действия со стороны правящего режима.

Аналогичные параллели можно провести между данными разведки и гонениями на интеллигентов-спецов в СССР во второй половине 1920-х годов. Так, по агентурным сведениям Иностранного отдела ОГПУ, в конце 1927 года лидер либералов П.Н. Милюков выступил с докладом «Современные события в СССР и задачи эмиграции» на заседании Республиканско-демократического объединения в Праге, в котором констатировал: «На сцену (в СССР. — Б.С.) впервые за 10 лет выдвинулась новая, ещё не организованная, но крупная и имеющая будущее за собой сила: спецы, беспартийные рабочие и вся масса пока только городского населения, ранее оторванная от политической жизни. Наше внимание должно быть обращено завязыванию связей в среде этой третьей силы и, в частности, среди спецов»⁷. На наш взгляд, подобные расчеты эмигрантов, ставшие известными благодаря спецслужбе политическому руководству страны, усиливали подозрительность в отношении «бывших» в СССР и послужили одной из причин репрессий против них.

Рассматриваемый период был временем становления и развития советской контрразведки. Засады и повальные облавы как основные методы борьбы со шпионами, диверсантами и прочими врагами постепенно отходили в прошлое. На смену пришли широкомасштабные оперативные игры с противником, многие из которых заслуженно считаются классическими не только отечественными, но и зарубежными специалистами и дают возможность говорить о высоком профессионализме контрразведчиков. Для большинства оперативных операций, проведённых ОГПУ против эмигрантских центров, характерен наступательный характер, когда спецслужбы выступали инициаторами легендированных игр с противником, вынуждая его раскрываться, ошибаться. Это создавало весьма благоприятные условия для перекрытия каналов связи и проникновения агентуры, переброски оружия и антисоветской литературы, дезинформации противника. Эффективность работы советской контрразведки весьма высоко оценивали и ее противники. По данным Русского национального комитета из пяти ежемесячно посылаемых в Россию людей возвращались один-двое.

Справедливости ради следует отметить, что с точки зрения развития контрразведывательного искусства этот период истории отечественных органов государственной безопасности выглядит далеко неоднозначно. Большой террор обескровил советские спецслужбы. Многие операции не были доведены до конца, закрыты, вычеркнуты из послужного списка советских контрразведчиков. Показательна в этом отношении судьба широкомасштабной операции «Синдикат-4». Эта оперативная игра с эмигрантскими центрами велась параллельно со знаменитым «Синдикатом-2» с ноября 1924 года по июнь 1930 года. В отличие от последнего, «Синдикат-4» был ориентирован не на «николаевцев», а на дезинформацию и пресечение деятельности против советской власти «кирилловцев». В ходе операции по легенде, разработанной ОГПУ, в СССР якобы действовала мощная, разветвленная антисоветская организация — Внутренняя национальная российская организация. На территории страны было создано 46 явок для связи с зарубежьем (в Москве, Одессе, Ташкенте, Хабаровске, Харькове, Баку, Краснодаре, Киеве, Нахичевани, Ростове-на-Дону, Ленинграде, Пскове, Купянске), что позволило ОГПУ держать под контролем основные каналы проникновения эмиссаров эмигрантских центров. По делу проходили 463 фигуранта, многие из которых являлись активными деятелями политической эмиграции.

Несмотря на результаты, дело было признано неперспективным, провальным по вине «врагов народа». Из тридцати руководителей ОГПУ, курировавших эту операцию в разное время, двадцать один были осуждены, среди них такие чекисты как А.Х. Артузов, С.В. Пузицкий, В.А. Стырне. В справке об операции «Синдикат-4», составленной в 1939 году, утверждалось, что данные лица пытались использовать

разработку в собственных политических целях. В доказательство приводился тот факт, что в легенде агентов, отправлявшихся за рубеж, активно использовалась фигура «врага народа» Тухачевского М.Н. как возможного военного диктатора⁸. Вслед за уничтожением талантливых организаторов предали забвению накопленный ими ценный опыт контрразведывательной деятельности.

Правящий политический режим активно использовал органы ОГПУ как действенный инструмент политического сыска внутри страны. Это направление деятельности органов безопасности явилось одной из составляющих и в организации борьбы с российской эмиграцией, которая стремилась перенести свою работу на территорию советской страны, о чем не раз заявляли её лидеры. Организация системы политического и идеологического контроля за населением, выявление сочувствующих и потенциальных пособников эмигрантским организациям характеризовались ярко выраженным классовым подходом. Уже в начале 1920-х годов циркуляры руководства ОГПУ требуют от местных органов «...держат на постоянном учете и чаще проверять всех кадетов, монархистов и других антисоветских элементов (профессоров, общественных деятелей до революции, членов бывшего Компомгола и пр.)»⁹. Подобные меры предписываются и в отношении социал-демократов, правда с оговоркой, что «сама принадлежность к партии меньшевиков не дает основания к преследованию их, к лишению свободы без конкретных обвинений».¹⁰ Однако осведомление и контроль деятельности меньшевиков являлись совершенно необходимыми для того, чтобы «...принять своевременные меры для ликвидации как группы, так и отдельного лица, действительно вредного и опасного, подлежащего изоляции». Кроме организации неусыпного контроля за самими «бывшими», включавшего наряду с агентурной разработкой и контроль за перепиской, публичными выступлениями (статьи, лекции), было взято на учет и их окружение — семья, знакомые, сослуживцы.

Очевидно, что создание в межвоенный период всеобъемлющей системы политического сыска в стране было социальным заказом политического руководства СССР и лично И.В. Сталина, выдвинувшего в конце 1920-х годов тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму.

Заведомо враждебный подход ко всем потенциальным идейным «иноверцам» стал прологом к созданию тоталитарного политического режима, к беспощадному подавлению любого инакомыслия, любой даже конструктивной оппозиции. Самым острым орудием этого подавления стали отечественные спецслужбы.

¹ ФСБ РФ. Ф.2. Оп.11. Д.1620. Л.168; Д.1668. Л.79-81.

² Там же. Оп.1. Д.137. Л.27.

³ Там же. Д.434. Л.207.

⁴ Серапинова Е. П. Российские эмигранты в Чехословакии в межвоенные годы // Вопросы истории. 1997. №5. С.130.

⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.9. Д.932. Л.39-44.

⁶ Там же. Ф.66. Оп.1-т. Д.39. Л.12.

⁷ Там же Ф.2. Оп.6. Д.381. Л.196-197.

⁸ Там же. Ф.2. Оп.11. Д.1620. Л.147-157,232-255.

⁹ Там же. Ф.66. Оп.1-т. Д.39. Л.16.

¹⁰ Там же. Л.4-5.

М.А. ХАЙРОВ

(кандидат исторических наук.
Академия ФПС РФ)

ОПЕРАТИВНЫЕ ОРГАНЫ ПОГРАНИЧНОЙ ОХРАНЫ ОГПУ СССР

Согласно приказу ОГПУ СССР № 122/44 от 25 февраля 1924 года на основе объединения пограничных оперативных органов и пограничных войск было образовано Управление пограничных отрядов, в составе которых наряду с различными подразделениями были созданы секретно-оперативные части (СОЧ). Отдельные роты пограничных войск были слиты с пограничными особыми постами и образованы комендатуры пограничных участков. Пограничные заставы стали основными войсковыми подразделениями охраны границы, а СОЧ пограничных отрядов и комендатур — основными оперативными подразделениями, охранявшими границу оперативными средствами. В целом завершилось организационное воплощение принципа сочетания в охране государственной границы средств и методов оперативной и войсковой деятельности.

Реорганизация положительно отразилась на результатах деятельности оперативных органов пограничной охраны. Только в 1924 году они совместно с войсковыми частями погранохраны уничтожили более 50 главарей и 3000 рядовых бандитов, захватили и арестовали 229 главарей и 8463 рядовых бандитов, добровольно, сдались 221 главарь и 2361 рядовой бандит. В ходе проведения чекистско-войсковых операций было захвачено 36 пулеметов, 1776 револьверов, 23308 винтовок и обреза, 193 бомбы¹.

Оперативную работу сотрудники СОЧ вели под руководством КРО ОГПУ. Они принимали участие в задержании Б.В. Савинкова. В ходе проведения операции «Трест» финской разведке был подставлен на вербовку в качестве коменданта «окна» на границе начальник заставы Т.Вяхя (И.Петров). Финалом его полуторагодовой работы явился вывод через «окно» на советскую территорию начальника восточного отдела разведки Великобритании Сиднея Д.Рейли.

Значительные усилия оперативные органы погранохраны направляли на борьбу с контрабандной деятельностью, которая являлась удобным средством маскировки работы иностранных разведок. На Всесоюзном совещании начальников частей пограничной охраны 26 апреля 1925 года отмечалось, что «поляки, латыши, эстонцы проводят всю пограничную и тыловую (глубинную) разведку и контрразведку через контрабандистов, которые за право перехода границы обязуются работать на иностранные разведки и контрразведки»². В те годы установить грань между контрабандой и шпионажем было практически не возможно, ибо «шпион и контрабандист в большинстве случаев есть одно и то же лицо...»³. 80 процентов шпионов, задержанных при переходе границы, прикрывались контрабандой деятельностью. Разведки Польши, Латвии и Эстонии в ближайших у советской границы деревнях, хуторах и имениях организовывали кооперативы, фирмы, концессии, которые являлись явочными квартирами для шпионов, возвратившихся с советской территории и отправлявшихся туда с заданиями. Офицеры 2 отдела Генштаба польской армии и латвийского Генерального штаба опрашивали и вербовали контрабандистов, платили за работу дефицитным товаром. Кроме того, польская разведка активно использовала контрабандистов как переправщиков агентуры на советскую территорию.

Поиск оптимальных вариантов привел к очередной реорганизации — к слиянию пограничного и войскового управления в центре и округах. Приказом ОГПУ № 229 от 6 ноября 1926 года Отдел пограничной охраны и Главная инспекция войск ОГПУ объединились в Главное управление погранохраны и войск ОГПУ (ГУПОиВ ОГПУ).

Объединялись и управления погранохраны и окружные инспекции войск полномочных представительств ОГПУ. Руководство оперативной работой пограничных отрядов и контрольно-пропускных пунктов осуществлялось органами ОГПУ. Конечно, пограничная охрана приняла более стройную систему организации, однако зависимость в оперативном отношении от органов ОГПУ мешала эффективному решению задач в интересах охраны границы. Положение об охране границы, утвержденное ЦИК и СНК СССР 15 июня 1927 года закрепило происшедшие изменения и накопленный оперативный опыт.

С середины 1920-х и до середины 1930-х годов оперативные подразделения пограничной охраны структурно были построены следующим образом. Первичным звеном, ведущим оперативную работу, по-прежнему оставалась пограничная застава. Начальник заставы в пределах своего участка был ответственен за «политическую и экономическую охрану границы, борьбу со всякого рода проявлениями внутреннего и диверсионного бандитизма и за обеспечение революционного порядка»⁴. Для выполнения задач он имел осведомительную сеть, работавшую или по линии пограничной, или выполнявшей также и задания секретно-политического отдела территориального органа ОГПУ. В последнем случае зачастую сужалось поле для выполнения основной задачи оперативной работы начальника заставы, связанной с охраной государственной границы СССР.

Следующим звеном была пограничная комендатура, которая в своем составе имела секретно-оперативную часть, возглавлявшуюся помощником коменданта по СОЧ. Комендатура осуществляла оперативную деятельность в двадцатидвухкилометровой пограничной полосе и контролировала оперативную работу погранзастав. На некоторые комендатуры на азиатском участке границы было возложено контрразведывательное обеспечение личного состава подразделений. Оперсостав комендатуры обеспечивал осведомление о населенных пунктах и допускался к ведению разведывательной работы.

В пограничных районах оперработу вели оперативные органы погранохраны и территориальные органы ОГПУ. В 1931 году были приняты положения «Об оперативных секторах», «О городских и районных отделениях», «О районных уполномоченных». Согласно первому положению, оперативные сектора фактически заменили окружные отделы ОГПУ и создавались путем «слияния» управлений погранотрядов и комендатур с райотделами ОГПУ. В пограничных районах они подчинялись пограничным отрядам за некоторым исключением. В частности, в справке об организации охраны границы и функциях подразделений пограничной охраны от 1 марта 1933 года говорилось: «Мы имеем ряд отрядов, являющихся оперативными секторами в отношении погранрайонов, составляющих своей непосредственно приграничной частью участок отряда»⁵. Во многих крупных населенных пунктах пограничных районов имелись машинно-тракторные станции, в которые на должности заместителей начальников политотделов назначались сотрудники ОГПУ. Параллелизм в работе выявил недостатки в оперативной работе по охране госграницы. Не была определена организация оперработы в населенных пунктах в пределах 7,5-километровой пограничной полосы, которые также обслуживались заместителями начальников политотделов МТС.

Таким образом, в начале 1930-х годов на границе создалось положение, когда пограничные отряды и комендатуры стали средством решения задач, возложенных на оперативные секторы. Это явилось существенным шагом назад в деле изыскания эффективных способов охраны госграницы. Из-за ошибочных мероприятий по объединению пограничной охраны и ее оперативных органов с территориальными органами ОГПУ в оперативные секторы возникла проблемная ситуация, которую необходимо было разрешать. В ПП ОГПУ вопросы войсковой охраны границы

решались слабо, обозначились тенденции обособления оперативных органов от войскового компонента.

В 1934 году в связи с образованием НКВД СССР погранохрана и внутренние войска выходят из подчинения органов госбезопасности. Главное управление пограничной охраны и войск ОГПУ было переименовано в Главное управление пограничной и внутренней охраны НКВД (ГУПВО НКВД). В составе Главка оказались и войска по охране железнодорожных сооружений, особо важных промышленных предприятий, конвойные войска, а также учреждения военного снабжения и военного строительства. Множество разнообразных функций, возложенных на одно ведомство, не способствовало эффективной охране государственной границы. В результате сложилось положение, при котором начальники оперативных отделов ГУГБ без ведома начальников войск пограничных округов стали отдавать распоряжения о проведении тех или иных мероприятий на границе. Начальники же управлений войск округов, изолированные от агентурно-оперативной работы и не располагавшие никакими оперативными данными, отвечали за охрану государственной границы, а начальники оперативных отделов НКВД, владевшие оперативной информацией, получаемой от агентурного аппарата, никакой ответственности за охрану границы не несли. В ряде случаев управления НКВД передавали обязанности своих районных отделений пограничным отрядам, а штатную численность, положенную для райотделений, использовали в аппаратах оперативных отделов управлений.

Указанные меры отрицательно сказались на надежности охраны границы, в связи с чем в декабре 1934 года ГУПВО вышло с предложениями по улучшению руководства охраной границы и оперативной работы, однако реорганизация оперативных органов пограничной охраны была проведена лишь в конце 1930-х годов.

---

¹ Часовые советских границ: Краткий очерк истории пограничных войск СССР. М., 1983. С.73.

² Из истории советских пограничных войск 1921—1927 гг. Документы и материалы. М., 1971. С.455.

³ Пограничные войска СССР 1918—1928. Сб. документов и материалов. М., 1973. С.84.

⁴ Из истории советских пограничных войск. С.541.

⁵ Там же. С.542.

Б. А. СТАРКОВ

(доктор исторических наук, профессор.

Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов)

РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВО ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЕ 1920—1930-х ГОДОВ

Окончание Гражданской войны поставило на очередь дня практические задачи строительства нового общества. Жестко сформулированных принципов, готовых рецептов такого строительства у правящей партии не было. Внутрипартийная борьба по этим проблемам приобрела перманентный характер уже с 1921 года. Фракции и группировки, возникшие в партии, представляли своеобразный суррогат многопартийности. Они приобрели своих лидеров, политические амбиции которых играли далеко не последнюю роль в накале страстей. Постепенно внутрипартийная борьба превратилась в борьбу за власть в партии и государстве, и во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов стала угрожать интересам государственной безопасности.

Раскол в правящей партии первоначально коснулся ее верхушки и частично партаппаратчиков среднего звена, однако он ощущался и в органах госбезопасности. Уже дискуссия 1923 года показала, что единства среди сотрудников ОГПУ не было. По данным на декабрь 1923 года, из 546 человек, состоявших на учете в партячейке ОГПУ, линию ЦК поддерживали 367 коммунистов, 129 — колебались, за оппозицию выступали 40. Колебания проявлял сам председатель ОГПУ Ф.Э. Дзержинский, который с карандашом в руках лично отслеживал политические позиции каждого сотрудника центрального аппарата ОГПУ.

Он был весьма озабочен единством партии и видел основную опасность отнюдь не в возникшей дискуссии. В письме начальнику ПУРа В.А. Антонову-Овсеенко Дзержинский, в частности, указал, что стремление удержать диктатуру пролетариата «... требует от партии величайшего идейного единства и единства действий под знаменем ленинизма», и добавил: «А это значит надо драться с Троцким». Через полтора года, когда возникла «новая оппозиция», он снова повторил эту же мысль в письме И.В. Сталину и Г.К. Орджоникидзе. При этом Дзержинский подчеркивал, что вожди «новой оппозиции» Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев «забыли, что партии пришлось развенчать Троцкого единственно за то, что тот, напав на Зиновьева, Каменева и других членов ЦК нашей партии, поднял руку против единства партии...»¹. Незадолго до своей смерти он писал В. В. Куйбышеву, что внутрипартийная борьба привела к потере правильной линии в управлении страной и хозяйством, снижению темпов социалистического строительства и утверждал, что рост оппозиции приведет к появлению «диктатора — похоронщика революции»².

Ф.Э. Дзержинский противился превращению органов госбезопасности в орудие внутрипартийной борьбы. Однако после его смерти ситуация начала меняться. В 1926—1927 годах шла уже неприкрытая борьба за власть и объединенная левая оппозиция использовала все средства для захвата власти. К этому времени изменился кадровый состав руководства центрального аппарата и полномочных представительств ОГПУ на местах. Сторонники оппозиции были переведены на хозяйственную работу в другие ведомства, либо оказались вовсе не у дел. С одной стороны, ОГПУ продолжало оставаться частью государственного аппарата, обеспечивая решение проблем безопасности, с другой стороны, это был «вооруженный отряд коммунистической партии», который Сталин рассматривал как своеобразный «орден меченосцев внутри государства советского». Эта

двойственность во многом начинала сказываться на формах и методах борьбы с оппозицией.

Руководившие ОГПУ В.Р. Менжинский, Г.Г. Ягода, М.А. Трилиссер не пользовались в партийных кругах таким авторитетом как Ф.Э. Дзержинский, но играли важную роль в обеспечении советской государственности. Они приглашались практически на все заседания политбюро, принимали участие в работе пленумов и съездов, входили в состав высших законодательных органов власти.

Борьба с оппозицией сосредотачивалась в Секретно-оперативном управлении, а затем в СПО ОГПУ. По сложившейся практике, органы госбезопасности не могли вести агентурно-оперативную разработку и репрессировать членов партии без санкции партийных органов. Борьба с оппозицией была прерогативой Центральной контрольной комиссии и контрольных комиссий на местах. С 1927 года в состав президиумов комиссий в обязательном порядке стали включать руководящих работников органов ОГПУ. В центральном аппарате ОГПУ вопросы борьбы с оппозицией курировал заместитель председателя Г.Г. Ягода.

В 1927 году внутрипартийная борьба достигла апогея. Время публичных дискуссий прошло. На заседании президиума ЦКК старый партиец А.А. Сольц заявил, что «ОГПУ может, придется арестовать оппозиционеров во главе с Троцким». Л.Д. Троцкий и его последователи немедленно заговорили о «новом термидоре». Видный троцкист Н.И. Муралов в частном разговоре бросил фразу, что «при таком накале борьбы можно дойти до перестрелки», и его собеседник заявил в ОГПУ и ЦКК, что оппозиция переходит к террору³.

В ночь с 12 на 13 сентября 1927 года органами ОГПУ в Москве были арестованы участники нелегальной организации Щербаков и Тверской. Во время обыска у них были изъяты множительная техника и печатные издания, с платформой объединенной левой оппозиции. На допросе Тверской дал показания о существовании в среде оппозиционеров группы военных заговорщиков (Мрачковский, Гердовский, Охотников), занятых якобы подготовкой государственного переворота. 13 сентября руководство ОГПУ информировало ЦКК о подготовке военного переворота в СССР в ближайшее время. Эти материалы были приобщены ЦКК к делу о нелегальной типографии. Секретариат ЦК ВКП(б) дал санкцию на проведение по линии ОГПУ обысков у коммунистов, связанных с этим делом. 22 сентября во все партийные организации было разослано специальное письмо о связях оппозиционеров, печатавших предсъездовскую платформу в подпольной типографии, с контрреволюционными заговорщиками. В ответ на эти действия руководители оппозиции Зиновьев, Смилга и Петерсон обратились в ЦК с официальным запросом относительно личности фигурировавшего в деле белогвардейского офицера. 28 сентября они были приняты руководством ОГПУ. Присутствующий при беседе Г.Г. Ягода сообщил, что «врангелевский офицер» является их сотрудником и «помог уже не раз ОГПУ раскрыть белогвардейские заговоры». Однако назвать его фамилию отказался по конспиративным соображениям. Президиум ЦКК объявил выговор сотруднику центрального аппарата ОГПУ М.И. Гаю за дачу ложных показаний о подпольной типографии троцкистов⁴.

Во время празднования 10-летия Октября лидеры оппозиции попытались обратиться с речами к колоннам демонстрантов в Москве и Ленинграде и организовать свои колонны, однако усилиями сотрудников партаппарата, ОГПУ, милиции и курсантов военных училищ были изолированы, а их сторонники разогнаны.

В течение 1928 года к оппозиционерам были приняты меры не только партийного, но и строгого административного воздействия. Их исключили из партии, освободили от занимаемых постов в государственном и хозяйственном аппарате, затем последовали аресты, заключение в политизоляторы и высылки. Все это

подкреплялось мощнейшей пропагандистской кампанией. Именно тогда сложился механизм борьбы с инакомыслием в правящей партии, который просуществовал с небольшими модификациями вплоть до 1980-х годов, а разработка инакомыслия стала одной из задач органов госбезопасности. В директиве ЦК ВКП(б) «О мерах борьбы с оппозицией» указывалось, что эта законспирированная организация «коренится в недрах ВКП(б) и ВЛКСМ и до сих пор использует их аппарат, пытается разрушить их изнутри». Наряду с идеологическими и организационными мерами в документе определялись следующие задачи органов госбезопасности: «ГПУ обязано о всех участниках подпольных организаций троцкистской и сапроновской оппозиции доводить до сведения местных партийных организаций. Аресты и ссылки должны быть сокращены до минимума»⁵.

В периодической печати все чаще начинает проводиться идея о перерождении коммунистической оппозиции в антисоветскую подпольную партию. «Теоретическое обоснование» исходило от И.В. Сталина. В декабре 1928 года в статье «Докатились» он писал: «В течение 1928 года троцкисты завершили свое превращение из подпольной антипартийной группы в подпольную антисоветскую организацию. В этом то новое, что заставило в течение 1928 года органы Советской власти принимать репрессивные мероприятия по отношению к деятелям этой подпольной антисоветской организации». Безусловно, переход к нелегальным методам деятельности, захват помещений, призывы к стачкам, обращения к рабочим, демонстрации со стороны оппозиции расшатывали советскую государственность.

Необходимо отметить, что лидеры российской эмиграции внимательно следили за процессами внутрипартийной борьбы в СССР и делали ставку на углубление внутрипартийного кризиса как предвестнику падения советского режима. В этом смысле применение репрессивных мер к оппозиционерам отвечало интересам укрепления государственной безопасности.

Одновременно шли сложные процессы превращения органов безопасности в орудие режима личной власти Сталина в партии и государстве. Процесс был непростым и прямолинейным, как иногда изображается в литературе. Известно, что отказ от применения чрезвычайных мер летом 1928 года во многом обуславливался позицией Ягоды и Трилиссера, отказавшихся поддержать Сталина и его сторонников. Путем сложного политического маневрирования Сталину удалось не только укрепить свое положение, но и полностью подчинить себе аппарат государственной безопасности. В отношении руководящего состава была применена обычная проверенная практика неожиданного перемещения на хозяйственную и советскую работу. Постановлением политбюро ЦК ВКП(б) от 6 августа 1931 года были сняты со своих постов С.А. Мессинг, А.И. Бельский, Я.К. Ольский, Е.Г. Евдокимов. В марте—апреле 1933 года по требованию политбюро ЦК коллегия ОГПУ была вынуждена исключить из состава республиканских, краевых и областных коллегий 23 члена и уволить 58 руководящих работников краевых и областных управлений ОГПУ по обвинению в примиренческом отношении к оппозиционерам.

Тогда же началась агентурная разработка «Противники» лиц, принадлежавших к так называемому правому уклону. Особое внимание обращалось на окружение Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, М.П. Томского, бывших руководителей Московской парторганизации. Соответствующие указания получили руководители региональных секретно-политических отделов ОГПУ.

Продолжалась активная агентурная разработка Л.Д. Троцкого и его окружения оперативными работниками ИНООГПУ. 19 марта 1932 года зампред ОГПУ И.А.Акулов направил в президиум ЦИК представление о лишении 36 эмигрантов гражданства СССР с приложением на каждого короткой справки о «контрреволюционной» деятельности за границей, составленных по агентурно-

оперативным данным начальником ИНО ОГПУ С.А. Мессингом. Например, в справке о «Сынке» сообщалось: «Седов Лев Львович, сын Троцкого, в августе 1928 года выехал сопровождать отца к месту ссылки, а затем за границу и остался там с ним. Активно ведет нелегальную контрреволюционную работу против СССР. По поручению Троцкого переехал в Берлин, где организовал нелегальный явочный пункт для троцкистов. Установил связь с меньшевиками, которых снабжает информацией об СССР»⁶.

Лидеры оппозиции, оставшиеся в СССР, также являлись объектами специальных агентурно-оперативных разработок. Так операция «Своики» была направлена на освещение Л.Д. Каменева и Г.Е. Зиновьева. Все рядовые оппозиционеры после исключения из партии активно разрабатывались региональными органами госбезопасности. В ходе партийной чистки 1929—1930 годов все материалы на исключенных передавались в ОГПУ, а во время чистки 1933—1935 годов сотрудники органов государственной безопасности уже входили в состав центральной и местных комиссий по чистке и обмену партийных документов. В свою очередь они передавали компрометирующие материалы на членов партии в партийные органы. С 1932 года на всех исключенных из партии органы госбезопасности заводили специальные формуляры и принадлежность к оппозиции рассматривалась как преступление против советской государственности. Появляются определения «контрреволюционная троцкистская деятельность», «антисоветская троцкистская деятельность».

Оппозиционерами активно занимались оперативные сотрудники 1 отделения Секретно-политического отдела под руководством А.Ф. Рутковского, кураторство осуществляли Г.А. Молчанов и Я.С. Агранов. Указания относительно разработки оппозиционеров им давали сотрудники секретариата Генсека сначала Л.З. Мехлис, а затем А.Н. Поскребышев. Во время подготовки XVII съезда ВКП(б) сотрудники ГУГБ были включены в состав организационной и мандатной комиссий, а в ходе съезда — его рабочих органов; они входили в состав каждой из тринадцати подкомиссий по подсчету голосов по выборам руководящих органов партии. Жесткий контроль был установлен за бывшими лидерами левой и правой оппозиции. Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, А.И. Рыкова, Н.И. Бухарина, М.П. Томского везде сопровождали сотрудники СПО, Спецотдела, КРО⁷.

С 1934 года вопросы деятельности НКВД курировал лично И. В. Сталин. С ним неизменно согласовывались все вопросы изменения структуры органов государственной безопасности, кадровый состав и перемещения, определялись задачи и методы работы. Можно считать, что именно с этого времени «вооруженный отряд партии» превратился в личную гвардию вождя.

После убийства С.М. Кирова борьба против инакомыслия в партии свелась к физическому уничтожению бывших оппозиционеров. Всем действиям и заявлениям политических оппонентов отныне приписывался характер организованного антисоветского выступления. Начало было положено закрытым письмом ЦК «Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова», подготовленным Сталиным 17 января 1935 года. По его инициативе 26 января политбюро приняло постановление «О зиновьевцах», которое санкционировало высылку из Ленинграда 663 человек.

Версия о переходе оппозиции к террору была наиболее полно изложена секретарем ЦК ВКП(б) и председателем Комиссии партийного контроля Н.И. Ежовым в брошюре «От фракционности к открытой контрреволюции». Ее черновик был подготовлен к маю 1935 года и направлен Сталину. 9 апреля 1936 года заместитель наркома внутренних дел Г.Е. Прокофьев подписал директиву местным органам НКВД, предписывавшую «немедленно приступить к ликвидации всех дел по троцкистам и зиновьевцам, не ограничиваясь изъятием актива, направив следствие

на вскрытие подпольных контрреволюционных формирований, всех организационных связей троцкистов и зиновьевцев и вскрытие террористических групп». К апрелю 1936 года было арестовано 506 человек. В том же месяце Наркомвнудел Г.Г. Ягода направил всем начальникам УНКВД оперативную директиву, в которой говорилось: «Основной задачей наших органов сегодня является немедленное выявление и полнейший разгром до конца всех троцкистских сил, их организационных центров и связей, выявление, разоблачение и репрессирование всех троцкистов-двурушников»⁸. В августе состоялся открытый судебный процесс над первой группой бывших оппозиционеров, пролилась первая кровь.

---

¹ РЦХИДНИ. Ф.76. Оп.3. Д.318. Л.4.

² Там же. Д.89. Л.5; Большевицкое руководство. Переписка: 1922—1928. М., 1996. С.310-311; Коммунист. 1989. №6. С.88.

³ ГАРФ. Ф.374. Оп.27. Д.1897. Л.105, 188.

⁴ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР: 1923—1927. Т.4. М., 1990. С.189-202.

⁵ ГАРФ. Ф.374. Оп. 27. Д.2080. Л.398.

⁶ Там же. Ф.3316. Оп.2. Д.1346. Л.1-7.

⁷ РЦХИДНИ. Ф.59. Оп.1. Д.5, 41, 46, 51, 55, 71, 75.

⁸ Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С.99; № 9. С.35-36.

О. И. КАПЧИНСКИЙ

(Московский государственный педагогический университет)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЦЕНТРАЛЬНОГО АППАРАТА ОГПУ В 1920-е ГОДЫ

Вопросы, связанные с кадровым составом ОГПУ, особенно национальным, в открытой исторической литературе освещены в виде исключения¹. Материалы по кадрам, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ РФ, остаются до сих пор практически недоступными для исследователей. Однако большое количество документов, раскрывающих участие лиц различных национальностей в аппарате советской власти и управления хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории, в их числе материалы политбюро, оргбюро, секретариата, статистического, учетно-распределительного, организационно-распределительного отделов ЦК ВКП(б). Среди этих материалов — переписка ЦК с ОГПУ по кадровым вопросам, доклады руководителей органов безопасности о кадровом составе, различные списки, содержащие сведения о национальности сотрудников и пр. Общие подходы к подбору кадров определяются анализом протоколов заседаний комиссий по проверке и чистке членов партии в аппарате ОГПУ, относящиеся к 1925 и 1929 годам. Заслуживающие внимания сведения почерпнуты из материалов партийной переписи, проводившейся в январе 1927 года, но к ним следует относиться с известной долей осторожности, так как графа «национальность» в то время трактовалась относительно вольно, например, выходец из Польши мог записать, «поляк», не будучи таковым. Предметом нашего исследования стал национальный состав ОГПУ периода НЭПа. Год «великого перелома» повлек существенные изменения структуры и кадрового состава органов госбезопасности.

На 1 октября 1921 года в органах ВЧК работали 49991 человек. По национальному составу среди них было 38648 русских, 4563 еврея, 1770 латышей, 1559 украинцев, 886 поляков, 315 немцев, 186 литовцев, 152 эстонца, 104 армянина. Лиц иных национальностей насчитывалось 1808 человек или 3,6 процента². Коллегия ВЧК состояла из тринадцати человек, из них трое русских (М.С. Кедров, И.К. Ксенофонтов и В.Н. Манцев), трое евреев (С.А. Мессинг, Н.С. Уншлихт, Г.Г. Ягода), двое латышей (М. Я. Лацис, Я. Х. Петере), двое поляков (Ф.Э. Дзержинский, В.Р. Менжинский), один украинец (Г.И. Бокий), один белорус (Ф.Д. Медведь), один армянин (В.А. Аванесов).

Преобразование в феврале 1922 года ВЧК в ГПУ сразу не сказалось на составе центрального аппарата. 4 июля 1922 года была утверждена коллегия Госполитуправления в прежнем составе, за исключением ушедших с чекистской работы Аванесова, Кедрова, Ксенофонтова и Лациса. В учрежденную 18 ноября 1923 года коллегия ОГПУ были, кроме прежних членов, введены украинец В.А. Балицкий и еврей С.Г. Могилевский. 1 декабря 1922 года был утвержден новый штат центрального аппарата, просуществовавший с небольшими изменениями до конца 1920-х годов. Из 24 работников высшего руководящего звена было девять русских, восемь евреев, двое поляков, по одному латышу, украинцу, белорусу и швейцарцу.

Уже в этот период наметились тенденции, связанные с углублявшейся специализацией и профессионализацией органов госбезопасности. Данные о национальном составе среднего и высшего руководящего звена (от начальников отделений и выше) центрального аппарата ОГПУ в определенной мере характеризуют эти тенденции. На 15 ноября 1923 года среди указанной категории руководителей насчитывалось 54 русских, 15 евреев, 12 латышей, 10 поляков, лиц других национальностей-4. Следует обратить внимание на их образовательный уровень: высшее образование имели 14 евреев (93 процента), 8 поляков (80

процентов), 28 русских (52 процента), 3 латыша (25 процентов)³. Достаточно условно можно прийти к выводу, что евреи были наиболее интеллектуальной прослойкой. То же можно сказать о поляках, к тому же надежных в партийном отношении — они составляли почти половину членов партии с дореволюционным стажем в руководстве ОГПУ. Что же касается латышей, то они представляли собой наиболее опытную в боевом отношении группу чекистов. Высшее руководящее звено, где доминирующую роль играли поляки и евреи, отличалось более высоким образовательным уровнем по сравнению с другими сотрудниками и большим партийным и революционным стажем. Так, из 11 членов коллегии пятеро имели высшее и незаконченное высшее образование, еще пятеро — среднее и неполное среднее образование. Все 11 имели дореволюционный партийный стаж, а четверо из них вступили в партию до 1903 года.

На 1 мая 1924 года в центральном аппарате работало 2402 сотрудника. Из них русских — 1670, латышей — 208, евреев — 204, поляков — 90, белорусов — 80, украинцев — 66. На долю лиц одиннадцати других национальностей приходилось всего 3,5 процента состава⁴. В целом можно отметить, что при постоянном росте численности аппарата ОГПУ в нем приблизительно сохранялся национальный состав кадров, установившийся в начале 1920-х годов.

Во второй половине тех же годов кадровая политика партийных органов по отношению к ОГПУ претерпела существенные изменения. Заметно снизилась общая доля национальных меньшинств в центральном аппарате. Более всех это коснулось латышей. Так, сравнивая материалы чисток парторганизации ОГПУ в 1925 и 1929 годах, можно констатировать уменьшение их численности почти вдвое, однако это можно объяснить отсутствием притока свежих латышских кадров при постоянном росте численности аппарата. За это же время заметно возросло число евреев⁵. Косвенно эта тенденция отразилась в связи с награждением чекистов орденами Красного Знамени в связи с 10-летием ВЧК-ОГПУ в декабре 1927 года. Среди тридцати трех награжденных русских — 12, евреев — 10, латышей — 4, поляков — 3⁶. Латыши, принимавшие в годы Гражданской войны и в начале 1920-х годов наиболее активное участие в боевых чекистских операциях, оказались на третьем месте, с большим отрывом от русских и евреев.

Вскоре в национальном составе ОГПУ происходят более значительные изменения. Среди высшего и среднего руководящего звена резко увеличилось число евреев и, в меньшей степени, украинцев. Произошло это за счет «северокавказской группы» Е.Г. Евдокимова, назначенного в 1929 году начальником Секретно-оперативного управления, и приведшего в центральный аппарат лиц, работавших с ним на Правобережной Украине — местах традиционного проживания евреев. Назначенный в 1931 году заместителем председателя ОГПУ зампред ГПУ Украины В.А. Балицкий также перевел в Москву большую группу руководящих работников, евреев и украинцев по национальности.

Изменения в представительстве различных национальностей, на наш взгляд, не являлись результатом целенаправленной кадровой политики, а происходили вследствие имевших место социальных и политических изменений в советском обществе. Отметим также, что в рассматриваемый период доля национальных меньшинств в органах ВЧК-ОГПУ была выше их доли в коммунистической партии.

¹ Кричевский Л.Ю. Евреи в аппарате ВЧК-ОГПУ в 20-е годы // Евреи в русской революции. М., 1998.

² ВЧК за 4 года: Орготчет. М., 1922. С.272.

³ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 34. Д.342. Л.14-17.

⁴ Петров М. Н. ВЧК-ОГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Запада России). Новгород, 1995. С.160-161.

⁵ РГАСПИ. Ф.613. Оп.2. Д.15, 24, 25.

⁶ Правда. 1927. 18 декабря.

В.Я. КОЧЕК

(Москва)

СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В 1920—1930-е ГОДЫ

Весной 1924 года была проведена реорганизация центрального аппарата Народного комиссариата по военным и морским делам, в результате чего основные отделы Штаба РККА получили статус управлений. Начальником Разведывательного управления был назначен Я.К. Берзин. Разведупру, как центральному органу военной разведки, предписывалось осуществлять организацию стратегической разведки в иностранных государствах; организацию в зависимости от международной обстановки разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника; ведение разведки в политической, экономической и дипломатической областях; сбор и обработку зарубежной литературы и издание материалов по всем видам разведки, дачу заключений о возможных планах иностранных государств; руководство низовыми разведорганами; подготовку квалифицированных работников разведки¹.

Менялась и структура Управления. Если в 1924 году в его составе были только 2-й (агентурный) и 3-й (информационный) отделы и общая (административная) часть, то уже в декабре следующего года восстанавливается 1-й отдел (войсковой разведки), а несколько месяцев спустя, создается новый — 4-й отдел (внешних сношений). Частей стало четыре: шифровальная, производственная, административная и финансовая. С сентября 1926 года Разведупр стал именоваться IV Управлением Штаба РККА.

В соответствии с поставленными задачами, как отмечал Я. К. Берзин, «1924—1925 гг. характеризуются широким развертыванием работы Разведупра», когда основное внимание уделяется военной технике, которая «вместе с воздушным и морским флотом составила 66,5 процентов всех заданий данных агентуре». О том же говорят общие для всех стран задания агентурной разведки по сухопутным вооруженным силам². Увеличение средств, отпущенных Управлению, дало возможность углубленно заняться разведкой США и Великобритании. Первыми резидентами военной разведки стали: в США — Феликс Вольф (Инков Владимир, Раков Вернер Готтальдович), имевший опыт работы в Австрии и Германии, в Великобритании — Рудольф Мартынович Кирхенштейн, также ранее работавший в Германии.

Об итогах работы Разведупра по отдельным странам можно судить по докладу начальника 3-го отдела Александра Матвеевича Никонова на совещании работников разведки военных округов в 1927 году. Никонов сообщил: «*Западные сопредельные страны.* Наиболее важный противник СССР — Польша изучена во всех отношениях с весьма большой детальностью и большой степенью достоверности», хотя «документами не подтверждено количество дивизий, развертываемых в военное время, многие вопросы мобилизации, вооружения и т.д. Что касается других сопредельных стран, то наибольшие достижения имеются вслед за Польшей в отношении изучения Финляндии, Эстонии и Латвии. Несколько слабее и менее систематично при весьма ограниченном количестве документов освещается Румыния, условия работы в которой для нашей агентуры крайне неблагоприятны, но в отношении Румынии есть основания надеяться на улучшение работы. *Великие державы.* Германия, Франция, Великобритания, США и Италия, в общем, освещаются имеющимися материалами в достаточной мере для выяснения тех основных вопросов, которые интересуют Красную Армию... *Страны востока.* По этим странам накоплен огромный материал, который лишь частично обработан и непрерывно пополняется новыми материалами. Страны Востока уже на основании

имеющихся материалов могут быть освещены в достаточной мере... Необходимо освещение во всех деталях вооруженных сил Японии, которая в силу политических и иных условий до сих пор охватывалась нашим агентурным аппаратом в недостаточной мере, но которая представляет огромный интерес как страна, имеющая первоклассные сухопутные, морские и воздушные силы». На основании изложенного Никонов делал вывод, что «У правление располагает достаточными данными для того, чтобы поставить на должную высоту дело изучения иностранных армий в войсковых частях и штабах РККА...»³.

Одним из приоритетных направлений деятельности IV Управления становится военно-техническая разведка, некоторые материалы которой отражались в «Военно-технических бюллетенях», выпускавшихся с апреля 1926 года⁴. Среди тех, кто работал на этом направлении, был Стефан Лазаревич (Тадеушевич) Узданский — нелегальный резидент во Франции с марта 1926 года. Прежде он основательно изучил эту страну, работая в техническом бюро 3-го отдела. Под грифом «секретно» Узданским был издан справочник по вооруженным силам Франции, несколько его статей появились и в открытой печати⁵. Находясь во Франции под именем Абрама Бернштейна, Узданский с помощью французских коммунистов в оборонной промышленности страны создал обширную агентурную сеть, которая проработала более года. Непосредственное руководство сетью осуществлял член ЦК Французской компартии Жан Кремэ. После провала Узданский четыре года провел во французской тюрьме, и по возвращении в 1931 году в СССР, был награжден орденом Красного Знамени: «за исключительные заслуги, личное геройство и мужество».

Помимо агентурной разведки, задания в военно-технической области выполняли созданные в конце 1920-х годов инженерные отделы торговых представительств СССР за рубежом. Наряду с закупками всего необходимого от новейшей военной техники до предметов культурно-бытового назначения, им предписывалось «собирать, проверять, систематизировать и изучать все материалы о новых научно-технических усовершенствованиях и достижениях как применяемых, так и могущих быть примененными для военных целей и обороны страны»⁶.

Задания по военно-технической разведке давались во многом на основании плановых заявок других управлений военного ведомства. При этом некоторые начальники пытались переложить на Разведупр собственную работу. Конфликт с Военно-техническим управлением по такому случаю разгорелся в начале 1925 года. Свою точку зрения на это происшествие Берзин и Никонов изложили в рапорте на имя заместителя председателя РВС СССР И.С. Уншлихта: «В своем докладе Начальник ВТУ указывает, что при настоящей постановке заграничной разведки «Красная Армия рискует оказаться в случае новой войны перед неожиданными техническими сюрпризами». С таким положением Разведупр не вполне согласен, т.к. все важнейшие достижения в области военной техники уже освещены в большей или меньшей степени. Задания же Техкома относятся к тем техническим средствам, которые не имеют решающего влияния на исход боевых столкновений, как, например: типы ручных лопат, буравов и т.п. Ввиду этого было бы нецелесообразно загромождать агентуру Разведупра подобными заданиями, тем более что эти вопросы в достаточной мере освещаются в официальной и неофициальной литературе. Правильная и систематическая обработка последней даст богатый материал для творческой работы Технического комитета»⁷. Их мнение поддержали Уншлихт и помощник начальника Штаба РККА Б. М. Шапошников, которые в свое время работали в военной разведке, а потом, по роду службы, внимательно отслеживали ее деятельность.

Важной сферой деятельности IV Управления стала организация радиосвязи. В Германии во второй половине 1920-х годов этими вопросами занимался разведчик-

нелегал Николай Янков («Жан»), участник революционного движения в Болгарии, получивший профессию радиоинженера. С помощью приобретенной им агентуры и специалистов, направленных ЦК КПГ, Янков сконструировал три рации и разместил их в различных районах Берлина; связь с Центром действовала до начала 1930-х годов.

Получая помощь от зарубежных компартий в организации агентурных сетей, военная разведка, в свою очередь, помогала иностранным коммунистам, в том числе в организации и проведении вооруженной борьбы. В Германии этим занимались, например, военные разведчики С.Г. Фирин и В.Р. Розе, в Эстонии — К.М. Римм и Г.Т. Туммельтау, в Болгарии — Х.И. Салнын и И.Ц. Винаров. Переброска оружия по Черному морю для БКП началась в 1922 году и, по неполным данным, к январю 1925 года в распоряжении коммунистических нелегальных военных организаций находилось 800 винтовок, 500 револьверов и столько же ручных гранат, 150 килограммов взрывчатых веществ, а на тайных складах — еще свыше 1600 винтовок, 200 револьверов, 25 пулеметов, 2 тысячи ручных гранат и взрывчатка⁸. В страну нелегально направлялись военные специалисты. Военный разведчик-нелегал Христофор Интович Салнын («Осип») инспектировал партизанские отряды БКП, сотрудник Разведупра, выпускник Военной академии РККА Михаил Малхазович Чхеидзе был командирован руководителем военной организации.

Сотрудничество военной разведки с членами зарубежных компартий, с одной стороны, предоставляло немалые возможности в работе, но с другой, многократно увеличивало риск провала. После ареста в Чехословакии некоторых из агентов Христе Боева, который работал там под именем советского вице-консула Х.И. Дымова, политбюро ЦК ВКП(б) 8 декабря 1926 года запретило использовать иностранных коммунистов для нужд разведки. Провалы не помешали IV Управлению создать к началу 1930-х годов сильный заграничный аппарат, работавший по легальной линии, и разветвленную и эффективную нелегальную сеть. Только в Берлинской резидентуре насчитывалось тогда свыше 250 человек.

В структуре центрального аппарата военной разведки в 1931 году появился дешифровальный отдел, который возглавил Павел Хрисанфович Харкевич, и 5-я часть (радио-разведывательная), ее начальником был назначен Яков Аронович Файвуш. В составе Управления числились 111 человек комсостава и 190 — вольнонаемных. Сотрудники направлялись в зарубежные командировки.

В страны Западной Европы неоднократно выезжал Х.И. Салнын в целях проверки и дачи рекомендаций по деятельности агентуры. Нелегалы IV Управления под начальством резидента военной разведки в Германии Константина Михайловича Басова поместили в местечке Баден под Веной радиостанцию, принимавшую шифровки разведгрупп в Западной Европе и передававшую их в Центр; руководитель операции был награжден орденом Красного Знамени. С января 1930 года в Китае работал Рихард Зорге. С помощью Карла Мартыновича Римма, Григория Львовича Стронского-Герцберга, радистов Зеппа Вейнгартена, Макса Клаузена и других ему удалось создать сильную разведорганизацию и наладить надежную связь с Москвой через Владивосток. Некоторые сотрудники разведывательной организации Зорге в Китае вошли потом в его группу в Японии. Из Токио, от организации «Рамзая», до его ареста в октябре 1941 года, поступала самая разнообразная и весьма ценная информация. Ивана Винарова («Март») назначили резидентом в Австрию, откуда он руководил работой в Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Югославии, Турции и Греции. Разведсеть осуществила одно из главных заданий — массовый перехват государственной и военно-дипломатической корреспонденции в Софии, Бухаресте, Белграде и Афинах

с помощью служащих почты и телеграфа. После отзыва Винарова в Центр на его место прибыл Федор Петрович Гайдаров, работавший до этого в Турции.

Чехословацкую нелегальную резидентуру, которую курировал Винаров, в мае 1930 года возглавил болгарский коммунист Иван Крекманов («Шварц»). Приняв агентуру от своего предшественника «Олега», он активно взялся за ее расширение и благодаря обширным связям среди болгарских, чехословацких и югославских коммунистов создал две большие группы, члены которых имели возможность добывать военную и военно-техническую информацию. Летом 1932 года Крекманов встречался в Швейцарии с Берзиным и доложил о работе. Как особо ценные Берзин отметил материалы, поступавшие от начальника отдела патентов заводов «Шкода» Лудвига Лацины. Крекманов в связи с этим вспоминал: «Одно из чешских изобретений, с виду очень простое и сделанное как бы, между прочим, породило у советских специалистов идею создания совсем нового оружия. Это были знаменитые «катюши», которые действительно удивили мир во время Великой Отечественной войны»⁹. Сменивший «Шварца» Владимир Врана до ареста в 1942 году передал в Центр немало военно-технической информации, поскольку занимал руководящий пост в дирекции заводов «Шкода».

Известны и другие советские военные разведчики. Мощной разведсетью в ряде европейских стран руководил Ян Петрович Черняк; сетью агентов, раскинувшейся от Англии до Швейцарии, командовал до 1942 года Арнольд Шнеэ, резидент Разведупра во Франции; в Италии крупную и эффективную резидентуру создал Лев Ефимович Маневич, после ареста которого работу продолжали супруги Скарбек и Григорий Петрович Григорьев; в Великобритании действовал резидент Михаил Яковлевич Вайнберг; в Польше — Рудольф Гернштадт, в США — Арнольд Адамович Икал и Борис Яковлевич Буков, в Иране и Афганистане — Александр Иванович Бенедиктов, в Японии — Аркадий Борисович Асков и Иван Петрович Сапегин. Не обошлось без провалов, как, например, в Германии и Польше в 1931 году, во Франции и Финляндии в 1933, но работа продолжалась.

В начале 1930-х годов в военной разведке начались перемены, связанные с сильным давлением со стороны руководства НКВД СССР. Возможно, его целью было сосредоточение разведки в своем ведомстве. Приводимый эпизод показывает, что могло бы произойти, если бы атака НКВД на военную разведку достигла цели.

В апреле—июне 1931 года Таджикская группа войск Среднеазиатского военного округа проводила операцию по ликвидации банд Ибрагим-бека. Подводя в октябре итоги операции, начальник разведотдела штаба округа К.А. Батманов и его помощник, бывший начальник разведки Таджикской группы войск Г.И. Почтер писали: «Вместе с авиацией (и значительно больше ее) агентура в борьбе с басмачеством являлась основным видом разведки, наиболее легко применяемым и дававшим наибольший результат. Однако агентура вся целиком находилась в ведении ГПУ. Организация собственной агентурной сети разведотделу штаба группы не была разрешена. В то же время агентурная работа ГПУ по обеспечению операции не являлась достаточно удовлетворительной... Начальники оперпунктов и часть уполномоченных ГПУ работали в совершенно недостаточном взаимодействии с войсковыми штабами, часто неверно понимали (и не хотели правильно понять) оперативную задачу, препятствовали частям в опросе пленных, вместо того, чтобы своевременно информировать войска, стремились, прежде всего, дать информацию «по начальству», как бы боясь, что их могут обогнать. Агентурная работа по выяснению контрреволюционных элементов и пособнического аппарата, а также работа по разложению банд удавалась работникам ГПУ неизмеримо лучше и заслуги их в этой работе чрезвычайно велики... В ходе операции многие недочеты были выправлены. Необходимый контакт и взаимное понимание в значительной мере наладились... Однако имевшиеся недочеты и трения приводили части к

неудовлетворенности работой ГПУ и к самовольному созданию своей сети агентов, зачастую приносивших частям действительно большую пользу. Все старые командиры-туркестанцы свою агентурную сеть (всячески скрывая ее от командования) организовывали, как правило. Это, в свою очередь вызывало сильное недовольство со стороны местных работников ГПУ...» По результатам операции штаб округа сделал вывод, что «...успешная работа войсковых частей без развертывания войсковой агентуры представляется крайне затруднительной»¹⁰.

¹ РГВА. Ф.4. Оп.2. Д.5. Л.82.

² Там же. Д.83. Л.6-7; Ф.33988. Оп.2. Д.655. Л.1.

³ Там же. Ф.25895. Оп.1. Д.834. Л.49-50.

⁴ Там же. Ф.4. Оп.2. Д.99. Л.12.

⁵ Узданский С. Франция: Справочник по вооруженным силам. По данным на 1 мая 1925 г. М., 1925; Его же. Военная система французской армии и новые тенденции ее развития//Война и революция. 1925. №4. С.180-196; Его же. Организация французского пехотного полка//Война и революция. 1925.№6.С.134-149 и др.

⁶ РГВА. Ф.31863. Оп.2. Д.174. Л.8.

⁷ Там же. Ф.33776. Оп.2. Д.99. Л.10.

⁸ Винаров И. Бойцы тихого фронта. М., 1971. С.90-104.

⁹ Крекманов И. Радиостанция «Ян Досталек» // Наша Родина. София. 1969. №4 . С.11-13.

¹⁰ РГВА. Ф.25895. Оп.1. Д.870. Л.20а-21.

В.М. МЕРЗЛЯКОВ

(Управление ФСБ РФ)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРО ОГПУ В 1920-е ГОДЫ

В мае 1922 года в структуре Секретно-оперативного управления ГПУ был создан Контрразведывательный отдел, который за короткий промежуток времени превратился в ведущее подразделение Лубянки. Операции КРО двадцатых, дерзкие и масштабные, с точным политическим расчетом по праву являются классикой отечественного оперативного искусства. В чем же состояли истоки успехов КРО в период НЭПа? Только лишь в предоставленных полномочиях в оперативно-розыскной сфере или особом положении, которое в целом ОГПУ занимало в государственном аппарате? Потенциал органов разведки и безопасности, на наш взгляд, определяется рядом составляющих. Наряду с финансовыми и материально-техническими ресурсами, сила секретной службы зависит, прежде всего, от степени надежности и уровня профессионального мастерства ее кадров, качества и оперативных возможностей агентурного аппарата, широты ее социальной базы поддержки. Все это было в те годы у КРО.

Ф.Э. Дзержинский, как и большинство его сподвижников, не сразу пришел к пониманию необходимости использования в практике ВЧК всего традиционного арсенала тайного противоборства. В начале революции агентурные методы решительно отвергались отцами-основателями ВЧК. Надо признать, что такое к ним отношение объяснялось и объективными причинами. В условиях Гражданской войны, в ситуации «кто-кого», при неустойчивой социальной базе в красном тылу, главной задачей чекистских органов было не пропустить «рокового удара» в спину Красной Армии. При цейтноте времени и нехватке средств, требовалось наверняка и в сжатый срок вырубить внутреннюю измену. К тому же вряд ли было бы оправданным ожидать блестящих результатов от негласной работы в среде «бывших» (еще не потерявших надежду увидеть белые части на улицах своих городов), чекистов, в большинстве своем вчерашних рабочих и матросов. Только с победой в Гражданской войне, и немного ранее, при нападении Польши на Советскую Россию, произошел перелом в настроениях «бывших». Тогда и только тогда, как нам представляется, у ВЧК появились реальные предпосылки приступить к созданию серьезных оперативных позиций во враждебной среде.

Необходимость совершить крутой поворот в методах работы была осознана руководством ВЧК уже в конце 1920 года. Этому прямо способствовал опыт, накопленный Особым отделом ВЧК в ходе разоблачения польской агентурной сети, перевербовки на идейной основе ряда польских офицеров разведки. В январе 1921 года Ф.Э. Дзержинский в приказе «О карательной политике органов ЧК» впервые сформулировал новую стратегическую линию в работе чекистских аппаратов, стержневой идеей которой стало указание о создании эффективной информационной системы¹.

Создание КРО и концентрация в нем лучших кадров, способных на практике развивать принципы «научной контрразведки», таким был ответ руководства ГПУ на реалии нэповской России. Что имелось ввиду под этим термином? В методической разработке КРО «Азбука контрразведчика» есть такие строки:

«...на разведку и на контрразведку отнюдь не следует смотреть как на ремесло — это в полном смысле слова искусство и тем более трудное, что лицу, посвятившему себя этого рода деятельности, приходится иметь дело с живыми людьми, а, следовательно, быть не только психологом, но и уметь играть на психологии других». Сотрудник контрразведки, говорилось далее, «должен быть артистом, он должен всегда хорошо и ясно учитывать свои силы и силы противника,

не лезть на пролом, не взвесив всех шансов на успех». Ему необходимо обладать такими способностями и качествами как «вдумчивость, решительность, хладнокровие, умение дать ответ и отпор при всяком положении и не показать своего замешательства»².

Что нового привнесло КРО в очень важную и деликатную часть — методы работы спецслужб? Это было широкое внедрение в практику тайной деятельности новаторского приема «легендированных» агентурных разработок, органично вписавшихся в условия жизни двадцатых годов. Западные спецслужбы и разведки эмигрантских центров оказались бессильны выявить мастерски сотканную на Лубянке невидимую паутину, буквально опутавшую зарубежные центры шпионажа и диверсий.

Заметим, что в литературе по истории спецслужб существуют различные толкования оперативного термина КРО: «легендированная организация, разработка». Попробуем внести ясность. Из «Азбуки контрразведчика»: «Легендой называется вымысел, сообщаемый кому-либо для того, чтобы увеличить интерес и внимание к агенту», дать понять, что наш человек связан с «организацией, существующей лишь в воображении». Цель этого действия — принудить существующую реально организацию «искать контакта с вымышленной, то есть заставить ее раскрыть постепенно свои карты»³. Принципиально важной является следующее положение из «Азбуки», проливающее свет на муссируемый за рубежом вопрос о «провокационности КРО»: «Нужно помнить, что легенда имеет своей целью раскрытие существующих организаций или группировок, выявление ведущейся контрреволюционной или шпионской работы, но отнюдь не для вызова к такого рода деятельности кого-либо, что преследуется законом и принципами контрразведывательной работы»⁴ (подчеркнуто в тексте «Азбуки». — В.М.). Изучение архивных документов показывает, что острие «легенд» КРО было направлено не внутрь страны, а во вне, в зарубежные эмигрантские центры, человеческие ресурсы которых активно стремились в те годы использовать против СССР иностранные разведки.

Операции КРО, осуществленные в период НЭПа, дали возможность советскому руководству в условиях экономических трудностей и слабости Красной Армии получить мирную передышку, сорвать планы зарубежных эмигрантских центров на развертывание масштабных диверсионно-террористических акций. Лубянка сумела навязать «непримиримым» кадрам военной эмиграции курс на «накопительство» сил, ожидание «взрыва изнутри», перехватить каналы связи иноразведок с ними, скомпрометировать их лидеров. Так, были выведены из активной борьбы с СССР такие опасные ее противники как Б.В. Савинков и Сидней Рейли. Весьма успешной в политическом плане для Москвы оказалась организованная КРО нелегальная поездка в Советскую Россию идеолога белого движения В.В. Шульгина, искренне поверившего в надежность мифической монархической организации, под неброским названием «Трест».

Среди всех результатов достигнутых отделом, его начальник А.Х. Артузов выделял не столько количество вскрытой и перехваченной агентуры противника, сколько создание устойчивых каналов продвижения в его руководящие центры стратегической дезинформации о Красной Армии⁵. Завышение ее потенциала в определенной степени блокировало стремление Англии и Франции сформировать против Советской России новый блок государств, выстроить некий «санитарный кордон» вокруг ее границ.

Без агентуры высшего класса, без создания творческого «ансамбля» руководителей и их тайных помощников, такого уровня результатов было не достичь. Одним из агентов был бывший действительный статский советник А.А. Якушев, активный участник операции «Трест», по легенде чекистов —

«политический руководитель Монархической организации Центральной России». В ходе операции он действовал творчески и вдохновенно. Неоднократно выезжал за рубеж, где встречался с высшими лидерами монархического движения. Что же двигало Якушевым, другими «бывшими», ставшими в невидимый строй защитников новой России?

Понять мотивы их поступков помогают материалы о трагической и яркой судьбе замечательного русского человека, участника нелегальной разведсети Добровольческой армии в Закавказье. После ареста он осознанно принял решение перейти на сторону Советской России, доказавшей свою субъектность в борьбе мировых держав за доминирование в этом стратегическом регионе мира. Чекисты-контрразведчики в письме Артузову давали ему такую характеристику: «Образованный русский офицер, политик и ученый... в отношении с нами честен, опасность измены исключена». Весьма показательна запись объяснения о причинах «примирения с большевиками». «Идея монархизма, — писал он в середине двадцатых, — для России утеряна навсегда. Потуги эмигрантов-монархистов считаю беспочвенными и лишены всякой реальной перспективы. Я воспитан и жил в такой атмосфере, которая не позволяет мне иметь левые убеждения. Однако Советский режим принимаю, так как вижу, что идея «Единой и неделимой России» большевиками разрешена, хотя и на свой особый манер. Кроме того, Советский Союз ведет большую работу в смысле проникновения на Восток, что импонирует мне как человеку, посвятившему всю свою жизнь разрешению той же задачи в условиях старого режима. Все это мирит меня с большевиками»⁶.

Основу агентурного аппарата КРО составляли отнюдь не отбросы общества, за спасенные жизни и продпайки, решившие стать секретными сотрудниками ГПУ. Это были люди, пережившие и испытавшие многое. Они наверняка не верили в химеры мировой революции, но как государственники и патриоты России понимали, что большевики, со всеми их левыми «вывихами и загибами» объективно решают историческую задачу — сохранение мощного государства, наследника Российской империи. Они, видимо, осознали, что «красная идея», словно обруч скрепила развалившиеся части рассыпавшегося здания российской государственности. К тому же новая экономическая политика давала и определенные надежды на трансформацию коммунистических основ режима.

Таким образом, люди дела, представители служивого российского дворянства, не имевшие собственности и огромных имений, постигнувшие не только разрушительную, но и созидательную сторону революции оказались перед трудным выбором. Или работать вместе с представителями эмиграции, которые вольно или невольно становились «инструментом» в руках иностранцев, действовавших вовсе не из альтруистических соображений. Их заряженность была очевидна — организация новой интервенции, проведение акций террора и диверсий, а значит, неизбежность новых разрушений и людских страданий. Альтернатива этому — искать потерянный смысл жизни в служении Советской России. Совершить такой крутой жизненный поворот удавалось далеко не всем. Только глубоко национально чувствующие люди могли решиться на это. Им предстояло изменить своей среде и работать против внешних сил, блокируя и гася угрозу новой власти, провозгласившей идею прорыва, технической модернизации экономики, создания новых общественных отношений, формирования нового человека. Оставшись в России, они видели, как трудно, с надрывом и большими издержками, но все же шел процесс возрождения страны, укрепления ее международных позиций.

Находясь на Лубянке, обдумывая свой дальнейший жизненный путь А.А. Якушев писал в 1921 году, в самом начале своего участия в операции КРО: «Я считал, что все умеренные элементы должны активно бороться с анархией и если они это не сделают, то не будут иметь права на существование. Должны найтись

люди, должны найтись силы, чтобы спасти государственность иначе Россия обратится в поле удобрения для иностранцев, а ее территория — в будущие колонии для Антанты... Если эти генералы и сенаторы, шедшие с разных сторон завоевывать Россию и насильно вводить монархию, своими приемами настолько профанировали свое дело и скомпрометировали себя, что нужно быть недалеким (по меньшей мере), чтобы опять ориентироваться на них». Будущий крупнейший агент КРО прямо заявил о своем неприятии идеи интервенции: «Если кому-нибудь пришло в голову снова затеять такую авантюру, то я первый взял бы винтовку и пошел бы защищать Россию от всяких насильственных навязываемых ориентации и это не только мое личное мнение, но и большинства интеллигентов, с которыми я знаком»⁷. И Якушев делом доказал, что эти слова были не пустой фразой.

В эмиграции среди думающих противников большевизма начался процесс осознания того обстоятельства, что победа красных в гражданской войне было далеко не случайным явлением. Б. В. Савинков, размышляя об истоках поражения белого движения, в своем обращении-письме «Почему я признал Советскую власть» прямо указал на главную причину, — наличие у красных более массовой социальной базы поддержки. Как известно, в середине августа 1924 года Савинков угодил в специально сконструированную «под него» ловушку КРО, и оказался во внутренней тюрьме на Лубянке наедине со своими тяжелыми раздумьями. Уже через десять дней после ареста, 27 августа, Савинков предстал перед судом, где полностью признал Советскую власть как власть, выражающую интересы и волю народа. До этого в ходе допросов на Лубянке, больше похожих на интеллектуальные поединки с сотрудниками КРО, у него окончательно оформился тот внутренний, мучивший его в эмиграции идейный надлом, что привело его к решению бесповоротно отбросить свои прежние взгляды.

«Есть еще одно обстоятельство, которое повелительно диктует признание советской власти, — писал Савинков. — Я говорю о связи с иностранными государствами. Кто борется, тот в зависимости от иностранцев, — от англичан, французов, японцев, поляков... Пусть нет писанных обязательств. Все равно. Кто борется, тот в железных тисках, — в тисках финансовых, военных, даже шпионских. Иными словами, на грани измены. Ведь никто не верит в бескорыстие иностранцев. Ведь каждый знает, что Россия снится им, как замаскированная колония: самостоятельное государство, конечно, но работающее не для себя, а для них. И русский народ, народ-бунтовщик, в их глазах не более как рабочая сила. А эмигранты?... Мы все знаем, что эмиграция — болото. Для «низов» — болото горя и нищеты. Для «верхов» — болото праздности, честолюбия и ребяческой веры, что Россию нужно «спасать». Россия уже спасена. Ее спасли рабочие и крестьяне, спасли своей сознательностью, своим трудом, своей твердостью, своей готовностью к жертвам»⁸.

По-своему интерпретировал победу Красной Армии В.В. Шульгин. В книге «1920 год», увидевшей свет в середине двадцатых, есть такие любопытные строки: «...красным только кажется, что они сражались во славу Интернационала... На самом деле, хотя и бессознательно, они льют кровь только для того, чтобы восстановить «Богом хранимую Державу Российскую»⁹.

Именно борца за общенациональные смыслы и идеалы, ради которых можно пожертвовать всем, даже жизнью, как нам представляется, и кроются истоки поражения белых полков на полях сражений. Подвижники белого движения, не сумели противопоставить бескорыстной жертвенности красного идеала, уходящего в глубины народного сознания, и его представления о справедливом мироустройстве на земле, свою созидательную и возвышающую идею, выражающую интересы и чаяния подавляющей массы населения страны. Месть никогда не может быть цементирующей общество идеей. Приверженцы белого движения, олицетворялись в

основной массе русского крестьянства, главной социальной силы страны, отождествлялись с идеями реставрации, с угрозой возвращения старых порядков и потерей земли, — вековой мечты миллионов землепашцев.

На эту проблему, на неприятие именно крестьянскими массами внутренней политики белых правительств, указывает наблюдательный и вдумчивый человек, один из лучших экспертов британского правительства по русскому вопросу, сам выросший в России, английский разведчик Джордж Хилл, непосредственный свидетель и участник бурных событий, представитель Лондона на Юге России. «Гражданской администрации Деникина, — писал Хилл, — не хватало всего того, что требовалось для правильного управления. Казалось, что лица, отвечающие за нее, ничего не усвоили из горького опыта революции. В основе их политики лежало стремление лишь восстановить нарушенный прежний порядок, не понимая того обстоятельства, что надо решать исключительную по важности проблему. Никто из них не был способен сформулировать политику, которая была бы воспринята крестьянством». У белых «наблюдался прискорбный провал в осознании того обстоятельства, что в антикоммунистической войне политические меры, а не военная стратегия имеют решающее значение...»¹⁰.

Преступив через себя, на службу большевикам шли многие технические «спецы» царской России, приверженцы имперскости ее государственного бытия. Идеино-политическое брожение, происходившее в умах уцелевшей в огне революции старой государственно-ориентированной элиты, открывало перед КРО ОГПУ благоприятные возможности. Многое здесь зависело от агентуристов. В 1920-е годы, в самый расцвет человеческого фактора в разведке, на передней линии агентурной работы в советских органах госбезопасности стояли незаурядные личности. Среди них были такие «звезды» первой величины, как В.Р. Менжинский, А.Х. Артузов, Н.И. Демиденко, Я.К. Ольский, Р.А. Пилляр, В.А. Стырне. Они логикой своего мировоззрения притягивали и разрушали мутные нагромождения воззрений и домыслов. Историческая правда, была на их стороне, в это они искренне верили. За это были готовы проливать свою и чужую кровь... В то время, конечно, сотрудники КРО не знали, что их ждет в будущем. Через несколько лет каждый из крокистов окажется вовлечен в водоворот драматических событий, будет поставлен перед нравственным выбором: либо остаться верным своей совести и, как следствие, стать изгоем системы с последующей почти неизбежной перспективой оказаться под ударами ее безжалостного карательного меча, либо превратиться в послушный винтик машины репрессий. Третьего пути им не было дано. Но, как оказалось, в обоих случаях каждого ждала смерть, кого раньше, кого позже...

Конечно, они были детьми своего времени, в своем большинстве — романтики и подвижники революции. Один из их современников, разведчик-нелегал ИНО ОГПУ НКВД Д.А. Быстролетов, пройдя через сталинские тюрьмы и лагеря, уже большим стариком, после реабилитации, не надеясь при жизни увидеть опубликованными свои воспоминания из-за их обжигающей правды, напишет такие строки: «... сталинская эпоха ярка и грандиозна, она велика в хорошем и в дурном, и не мне ее огульно хаять и чернить: я горжусь, что жил в это жестокое, трудное и великолепное время! ... Преступления кучки проходимцев не могут заслонить бессмертный подвиг народа приступившего к построению новой жизни».¹¹ Думается, что многие из чекистов двадцатых, если бы судьба отвела им возможность уцелеть в огне предвоенного террора, могли бы подписаться под этими словами... Однако надо признать, что не только интеллектуалы входили в обойму агентурного аппарата КРО. Здесь были и яркие представители неистребимого племени авантюристов, которые словно созданы для невидимой борьбы, для вовлечения в различного типа аферы и комбинации. Одним из них был небезызвестный Опперпут-Стауниц, который сыграл, на наш взгляд, роковую роль в истории отечественных спецслужб.

В апреле 1927 года Опперпут, спецагент КРО и ключевой участник операции «Трест», бежал за границу. Ошеломляющие сведения о «Тресте» как мистификации чекистов, которые он сообщил на допросах, повергли в изумление западных разведчиков. К счастью для КРО иностранные спецслужбы не смогли по достоинству оценить перебежчика, изнутри знавшего многих и многое на Лубянке. Затравленный недоверием (не без содействия КРО, принявшего меры по его компрометации) Опперпут был вынужден вскоре направиться в составе боевой террористической группы кутеповцев на «дело» в СССР. В июле 1927 года он вместе с членами группы канул в неизвестность, породив о себе в эмиграции новую волну слухов и мифов. Вплоть до начала 1990-х годов в кругах западных специалистов по истории спецслужб существовала версия о «дьявольском плане» ГПУ по разложению монархического движения с помощью дерзкой заброски Опперпута. На самом деле после неудачной попытки взрыва общежития ОГПУ на Малой Лубянке он, как и все члены группы, погиб в перестрелке в Белоруссии.

Бегство Опперпута показало руководству ОГПУ, и, прежде всего, Г.Г. Ягоде, что со свертыванием НЭПа в условиях растущей угрозы войны спецагентура КРО из «бывших» становится ненадежной. На крутых изломах истории и кадры КРО, сторонники «ажурных» агентурных методов работы, не подходили для решения новых задач — обеспечения форсированного, любой ценой, рывка в индустриальное завтра. Так начался закат деятельности КРО. Верх в аппарате ОГПУ стали брать люди Ягоды, выходцы из экономического управления, специалисты по допросам, действующие по принципу «арестуем, а потом разберемся». Набив руку на процессах по «спецам», они знали и чувствовали, что, прежде всего, нужно политическому руководству. В 1930 году А.Х. Артузов, всегда имевший сложные отношения с Ягодой, усомнившийся в справедливости хода следствия по делу «Промпартии», был отстранен от внутренней работы и переведен В.Р. Менжинским в Иностранный отдел ОГПУ. На закордонную работу в это же время перешел ряд опытных крокистов. КРО, ОО и Восточный отдел были объединены в единый Особый отдел ОГПУ. Следующий год в истории Лубянки стал определенной вехой, обозначившей стремительное начало процесса перерождения центрального аппарата ОГПУ. В августе 1931 года были изгнаны из органов госбезопасности преемник Артузова на посту начальника контрразведки Я.К. Ольский, заместитель председателя ОГПУ С.А. Мессинг, начальник Административно-организационного управления И.А. Воронцов и начальник Секретно-оперативного управления Е.Г. Евдокимов. Эта группа выступила против Г.Г. Ягоды и проводимой им линии. Последний, пользовавшийся в то время абсолютным доверием И.В. Сталина, устранив оппозицию в рядах руководства Лубянки, на освободившееся место Ольского перевел своего выдвиженца И.М. Леплевского, а тот, в свою очередь, привел в Центр целую команду отличившихся в ходе сфальсифицированного дела «Весна». Во второй половине 1930-х годов ГУГБ НКВД развернул усиленные действия по «выкорчевыванию врагов народа». В первой волне массовых чисток погибли практически все крокисты первого призыва. Их судьбу разделили чекисты, ушедшие в народное хозяйство.

Опыт КРО ОГПУ, к счастью, не пропал безвозвратно. В годы Великой Отечественной войны чудом сохранившиеся кадры, в том числе прошедшие через тюрьмы и лагеря, сумели регенерировать в новых условиях опыт двадцатых. В успехе стратегических операций НКГБ «Монастырь», «Курьеры», «Березино» лежали идеи и наработки легендарной школы КРО.

---

¹ Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917—1921 гг.). Сб. док. М., 1958. С.417-421.

- ² ЦА ФСБ РФ. Ф. 20с. Оп.6. Д.5. Л.11.
- ³ Там же. Л.18.
- ⁴ Там же.
- ⁵ РЦХИДНИ. Ф.76. Оп.3. Д.306. Л.15-16.
- ⁶ Фонд Историко-демонстрационного зала ФСБ РФ.
- ⁷ ЦА ФСБ РФ. Д.302330. Т.25. Л.67, 69
- ⁸ Там же. Д.Н-1791. Т.19. Л.61-62
- ⁹ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С.807.
- ¹⁰ Hill George A. Dreaded hour. Cassel & Co, 1936, p. 106.
- ¹¹ Быстролетов Д.А. Путешествие на край ночи. М., 1996. С.13.

А.А. ЗДАНОВИЧ

(Управление ФСБ РФ)

СВОЙ ИЛИ ЧУЖОЙ? — СВОЙ!

РАБОТАЯ В АРХИВЕ, Я СОВЕРШЕННО НЕОЖИДАННО наткнулся на письмо, датированное ноябрем 1920 года и адресованное лично Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому. Писал ученик и соратник Председателя ВЧК по революционной работе, начальник Особого отдела Западного фронта Ф.Д. Медведь, больше известный нынешнему поколению в связи с делом об убийстве С.М. Кирова. Речь в письме шла о небольшой группе чекистов, некоторое время назад оперировавших по заданию Центра в тыловой зоне Западного фронта. Медведь не просто сообщал своему руководителю мнение об их деятельности, а требовал незамедлительно устранить этих сотрудников от ответственной работы в Особом отделе ВЧК.

«...От товарищей, приезжающих из Москвы, — писал Филипп Демьянович, — узнаю, что непосредственным, помощником товарища Артузова является Добржинский..., что Витковский — начальник спецотделения. Я знаю, что тов. Артузов им безгранично верит, что хорошо для частных, личных отношений, но когда их посвящают во все тайны работы, когда они работают в самом центре ОО ВЧК, то это может иметь самые плохие последствия для нас...»

Невероятно, но факт. Значит, в аппарате ВЧК находятся люди, которым нет полного доверия? Именно это и подтолкнуло меня к дальнейшим поискам, хотелось разобраться, до конца понять, что имел в виду Ф.Д. Медведь. Поскольку он основное внимание в письме уделил некоему Добржинскому, то с него я и решил начать.

ФАМИЛИЯ ИГНАТИЯ ИГНАТЬЕВИЧА ДОБРЖИНСКОГО замелькала в оперативных документах чекистов в начале 1920 года. Из показаний ряда арестованных агентов польской разведки вытекало, что в Москве действует крупная резидентура второго отдела Генштаба Польши и возглавляет ее поручик Добржинский. Под какой личиной он скрывается тогда установить не удалось, предпринятые розыскные мероприятия результатов не давали. И вот мелькнул огонек удачи — в Орше была обнаружена курьер московской резидентуры Мария Пеотух. Руководивший операцией особоуполномоченный Особого отдела ВЧК А.Х. Артузов распорядился установить за ней наблюдение, и вскоре удалось вскрыть явочную квартиру пилсудчиков в Москве. Однако Добржинский почувствовал опасность и скрылся, сумев предупредить некоторых своих агентов. Вновь безрезультатные, длившиеся до июня месяца поиски. И — удача: Добржинский был арестован на квартире одной из своих связей.

Первые допросы скорее походили на монологи Артура Христиановича Артузова, так как подследственный упорно молчал, отказываясь давать какие-либо показания. Аргументы, используемые Артузовым, так же как и жесткая, без стремления найти контакт с Добржинским манера ведения допросов Романом Александровичем Пиляром, к сожалению, не сдвигали дело с мертвой точки.

Прошло несколько дней. Тактика, избранная Артузовым, оказалась более эффективной — допрашиваемый стал отвечать на отдельные вопросы, поддерживать беседу о сложившемся в связи с нападением панской Польши на РСФСР и Украину положении.

Сильное впечатление на него произвел допрос-беседа у заместителя начальника Особого отдела ВЧК В.Р. Менжинского. Для бывшего польского резидента, считавшего себя чуть ли не тайным послом своей страны в Советской России, было лестно, что ему уделил внимание один из руководителей ВЧК.

Чтобы закрепить первые результаты, а главное идеологически разоружить Добржинского, к работе с ним был подключен член ЦК коммунистической партии

Польша Юлиан Мархлевский, старый революционер, не раз примерявший на себя тюремный костюм во времена царизма.

Вот как о встречах с Ю. Мархлевским позднее вспоминал сам Добржинский: «Больше допросов не было, меня начали воспитывать, повезли в Кремль к Мархлевскому. В Кремль меня повез на машине один Артузов... Мархлевский на меня произвел хорошее впечатление... говорили о Польше, о Пилсудском. Я в тот момент считал его коммунистом без 5 минут. Мархлевский разъяснил мне, что это не так... и правильно разъяснил мне с точки зрения коммунистической разницу между ППСовцами и большевиками...»

Забегая чуть вперед, добавим, что такие беседы, живой обмен мнениями, сопоставление позиций точек зрения на польско-советские отношения будут продолжаться между Ю. Мархлевским и Добржинским и все последующие годы.

Общими усилиями В.Р. Менжинского, А.Х. Артузова и Ю. Мархлевского удалось снять националистическую оболочку с политических воззрений Добржинского, разрушить в его сознании образ Пилсудского — как вождя польских трудящихся, всех патриотов, отстаивающих независимость многострадальной Польши. Добржинский понял, что борьба с рабоче-крестьянской Россией на руку только белогвардейцам, отстаивающим идею «единой и неделимой», что, по существу, означало крушение надежд на самостоятельность Польши, а также польским панам и буржуа, усердно отслуживающим полученные от Антанты деньги.

В итоге Добржинский принимает далеко не простое решение — назвать чекистам всех агентов своей резидентуры, которые еще оставались на свободе. Лишь одно условие выставил он при этом — ограничиться высылкой их в Польшу.

Обдумав требования Добржинского, взвесив все «за» и «против» такого компромисса, Артур Христианович Артузов доложил свои предложения Председателю ВЧК.

Феликс Эдмундович просил довести до арестованного, что после проведения следствия и установления полной картины деятельности резидентуры все агенты, являющиеся польскими гражданами, будут высланы за пределы РСФСР. По названным Добржинским адресам выехали группы чекистов. Сам же Игнатий Игнатьевич в сопровождении А.Х. Артузова и его помощников направился в Петроград, где предстояла встреча с заместителем резидента — Стецкевичем, внедрившимся на центральную военную радиостанцию. Чекисты уже знали от Добржинского, что Стецкевич давно тяготеет связью с польской разведкой, никакой активной работы не ведет, не раз в беседах со своим руководителем высказывал сомнения в правильности политической линии Пилсудского и даже заявлял о сочувствии большевикам, в рядах которых сражался с белогвардейцами и героически погиб его старший брат.

Убеждать Стецкевича долго не пришлось. Уже на следующий день после встречи с ним Добржинского польский разведчик добровольно явился в номер гостиницы, где расположился А.Х. Артузов, рассказал все, что ему было известно о разведывательной работе пилсудчиков в Петрограде, выразил готовность выполнять поручения чекистов.

В общей сложности к концу июля Особый отдел ВЧК арестовал более десятка тайных помощников Добржинского, но, как и обещали ему чекисты, все польские офицеры после окончания следствия были через особистов Западного фронта переданы представителям пилсудских войск.

Что же касается самого Игнатия Добржинского, а также Виктора Стецкевича, то они окончательно решили остаться в Советской России и помогать органам ВЧК в раскрытии диверсионных и террористических ячеек польской разведки.

НЕЛЬЗЯ СКАЗАТЬ, ЧТО ДАЛОСЬ ЭТО ДОБРЖИНСКОМУ без душевных сомнений, раздумий и расчетов. Ему можно было, надеясь на снисходительность со стороны чекистов и военного трибунала, отбыть назначенный срок заключения, а затем заняться мирным трудом — освоить, к примеру, профессию учителя, ведь за плечами как-никак два курса историко-философского факультета Московского университета. Совсем другое — активно включиться в борьбу со своими бывшими хозяевами, которым поручик Добржинский служил отнюдь не за деньги, не за чины и награды. Не оставляла Игнатия Игнатьевича и тревога за судьбу брата, скромного музыканта Варшавского театра, единственного оставшегося в живых родного человека, который реально становился заложником у белополяков.

На чаши весов легло разочарование в идеях Пилсудского, а также убедительные аргументы Мархлевского и Артузова. Не обошлось, видимо, и без революционного романтизма, надежды на близкую победу трудящихся, по крайней мере, в европейских странах.

И выбор был сделан. Вскоре педантичные клерки во втором отделе польского Генштаба занесли в досье на Добржинского следующее: «До мая 1920 года возглавлял разведывательную резидентуру в Москве, перебежав к большевикам, в настоящее время работает в ВЧК». Для офензивы он стал «чужим». Но стал ли «своим» для чекистов? Вернемся хотя бы к письму Ф.Д.Медведя. Вот еще некоторые строки из него: «...они молодые, вели ответственную работу у белополяков и слишком скоро перешли на нашу сторону (после ареста) и стали убежденными коммунистами...» Не вполне доверял Добржинскому и особоуполномоченный Особого отдела ВЧК Роман Александрович Пиляр, участвовавший в следствии по его делу. Сомнения оставались и у Артура Христиановича Артузова. Было ясно, что необходима дальнейшая проверка Добржинского, и поэтому Артузов включает его, а также Стецкевича в оперативную группу, выезжающую на Западный фронт для оказания содействия местным чекистам в ликвидации подпольных групп «Польской организации войсковой», проводивших разведку частей Красной Армия, совершавших взрывы и поджоги в тыловых районах.

В списках группы Игнатий Добржинский значился уже как сотрудник для особых поручений под фамилией Сосновский. Этот псевдоним, избранный по соображениям конспирации, закрепился за ним на все последующие годы, поэтому и я буду так называть Добржинского в дальнейшем повествовании.

ПРИБЫВ НА ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ, по поручению А.Х. Артузова Сосновский отобрал из числа военнопленных поляков небольшую группу людей, способных выполнять задания особистов. Одним из критериев при отборе явилась причастность к «Польской организации войсковой» (ПОВ).

Не вдаваясь в детали проведенных при самом активном участии Игнатия Игнатьевича мероприятий, отметим только, что они были успешными: за короткий срок удалось выявить и разоблачить несколько агентов и диверсантов противника. Как и полагали чекисты большинство из них состояли в ячейках ПОВ.

Видимо, тогда и «родился замысел пропагандистской акции, преследовавшей цель породить у руководителей польской разведки недоверие к членам ПОВ, действовавшим в советском тылу, и таким образом сбить их активность. План действий чекистов одобрил Феликс Эдмундович Дзержинский.

Главным исполнителем был намечен Сосновский. Особисты исходили при этом из результатов проверки его на конкретных боевых делах. Немаловажную роль сыграли и биографические данные Игнатия Игнатьевича: с 1912 года, еще будучи гимназистом в Вильно, он принимал активное участие в деятельности различных польских военизированных кружков и союзов, затем установил связи с националистами, с 1918 года служил вольноопределяющимся в корпусе генерала

Довбор-Мусницкого, где вступил в «Польску организацию войскову» и по заданию своих шефов руководил восстанием рабочих в Сувалках и Гродно против немцев. В тот период Сосновский близко сошелся с капитаном Матушевским, возглавившим с конца 1919 года польскую военную разведку. Именно по его настоянию Игнатий Игнатьевич перешел туда на работу и после тщательной подготовки под кличкой «Сверщ» был направлен резидентом в Москву.

Все подготовительные мероприятия по операции завершились в конце сентября. А в один из первых дней октября линию фронта пересёк старенький «Фарман», и пилоты разбросали над позициями польских войск листовки с текстом, озаглавленным «Открытое письмо к товарищам по работе в ПОВ — офицерам и солдатам польской армии, а также студентам — товарищам по университету от Игнатия Добржинского». В тексте указывалось: «Еще минуту тому назад я находился на вашей стороне, вместе с вами я был обманут словами: «Родина», «независимость», «свобода и счастье народа», лозунгами, содержанием которых было и есть «капиталистические прибыли за счет трудящихся масс», «ложь», «темнота и нищета». Я имею право и обязанность немедленно после свободного и решительного перехода на сторону революционной борьбы сообщить вам и широким кругам, позорно обманутому и проданному собственной буржуазией нашему народу о своем поступке... Вместе со мной открыто и добровольно отказались от работы против Революции все мои идейные сотрудники, присланные в Россию из Польши. Большинство из них уже крепко стоит вместе со мной в рядах Революции».

Вскоре наша разведка сообщила, что в штабах и частях противника поднялся невероятный переполох. Как позднее писал А.Х. Артузов, «поляки вопили об измене польской центральной разведки в Москве». Один из депутатов сейма даже опубликовал статью, где остро ставил вопрос о ликвидации ПОВ как вредной для польского государства организации, члены которой предают Польшу.

Руководители Польского Генштаба требовали срочно принять «санкции» к Сосновскому, и чекистами действительно был вскоре арестован бывший резидент поляков в Смоленске, некий Берейко, направленный в Москву с целью ликвидировать Сосновского.

Чтобы усилить эффект, достигнутый при проведении первой акции, 15 октября 1920 года чекисты приняли меры для распространения на польской стороне фронта еще одной листовки — «Измена ПОВ в Советской России». Ее подписали входившие в группу Сосновского Стецкевич, Пшепелинская, Заторская, Роллер, Гурский и другие. Заявив о добровольном переходе в «лагерь пролетарской революции», они призвали к этому своих бывших товарищей по ПОВ.

Как свидетельствовали оперативные данные, активность ячеек ПОВ в октябре — ноябре резко снизилась, отмечались факты отказа их членов выполнять шпионские задания. Многие задержанные чекистами агенты противника на первых же допросах давали развернутые показания, заявляя, что к этому их подталкивает и побуждает обращение Добржинского и других бывших членов ПОВ.

На завершающем этапе пребывания А.Х. Артузова и его сотрудников на Западном фронте Сосновский выполнил еще одно ответственное, сопряженное с риском для его жизни задание. Вместе с входившей в группу Юной Пшепелинской (ставшей впоследствии его женой) Игнатий Игнатьевич проник в состоявшую из поляков террористическую организацию, главной целью которой в тот период было уничтожить командующего фронтом М.Н. Тухачевского. Будущей маршал даже не представлял, как близко к нему подкралась тогда смертельная опасность.

Сосновский, благодаря своим волевым качествам, сумел стать во главе террористов и подставил их в конце концов под удар чекистов. Здесь, видимо, необходимо сделать небольшое уточнение, так как приведенные факты из

деятельности Сосновского на Западном фронте явно не согласуются с оценками, которые давал в своем письме Ф.Э. Дзержинскому начальник Особого отдела фронта Ф.Д. Медведь. Вероятнее всего, он просто не знал в полном объеме работу Сосновского, который замыкался непосредственно на руководителя группы А.Х. Артузова и отчитывался только перед ним.

После успешной ликвидации опасной банды А.Х. Артузов окончательно убедился в надежности Игнатия Игнатьевича и даже обратился с рапортом на имя Председателя ВЧК, где, отмечая заслуги Сосновского, просил представить его к награждению орденом Красного Знамени. Феликс Эдмундович Дзержинский поддержал ходатайство, и в начале 1921 года награждение состоялось.

К этому времени Сосновский и несколько членов его группы были уже официально зачислены в штат Особого отдела ВЧК. Такое решение не все чекисты оценили одинаково. Вот что свидетельствует А.Х. Артузов: «Против этого активно возражал мой тогдашний заместитель т.Пиляр, который имел даже серьезное столкновение с т.Дзержинским. Последний очень резко осудил Пиляра, который, обидевшись, уехал на партработу в Верхнюю Силезию после этого». Вспомним еще раз и обращение Ф.Д. Медведя к Председателю ВЧК: «Думали использовать их как орудие для раскрытия наших врагов в России, использовать их для разложения в рядах противника, — писал он, — а вышло наоборот — они становятся руководителями нашей работы благодаря тому, что к ним привыкли, сжились с ними». Ф.Д. Медведь намеревался вскоре после отправления письма побывать в Москве и дополнительно разъяснить Дзержинскому причины своих сомнений относительно Сосновского.

Вот и судите, читатель, стал ли он до конца «своим» в сознании тех, с кем работал в последующие годы.

Но были и чекисты, которые искренне доверяли Сосновскому, и среди них первым надо назвать, естественно, А.Х. Артузова.

Именно он, а также члены ЦК польской компартии Ф.Кон и Ю. Мархлевский рекомендовали Игнатия Игнатьевича в 1921 году в члены РКП (б). Поддержал их рекомендации и Ф.Э. Дзержинский.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА СОСНОВСКОГО, прежде всего комбинационный ум, умение анализировать ситуацию и делать верный прогноз, подбирать себе помощников, способных решить самую трудную задачу, постепенно поднимали его авторитет в чекистской среде. В первые годы своей оперативной работы Сосновский занимался только делами, связанными с белогвардейским подпольем. Непосредственного отношения к контрразведывательным мероприятиям по польской разведке он не имел. Вероятно, Председатель ГПУ, а также непосредственный начальник Игнатия Игнатьевича А.Х. Артузов стремились устранить какие-либо поводы к сомнениям в его лояльности, преданности делу пролетариата.

Надо отметить, что в начале 20-х годов в центральном аппарате ГПУ работало немало чекистов — поляков по национальности, но, в отличие от Сосновского, это были коммунисты в основном с подпольным стажем, прошедшие царские и пилсудские тюрьмы, сражавшиеся в рядах Красной Армии с белогвардейцами и интервентами.

Несомненно, Сосновский понимал, что на их фоне он определенным образом выделяется, поэтому каждый свой шаг многократно выверял, взвешивал, стремясь не допустить просчетов, которые могли быть неверно истолкованы сослуживцами. Конкретные дела — единственное, что могло устранить возможный налет недоверия. И такие дела у Сосновского были.

Вот лишь неполный их перечень только за 1921 год: организация проникновения в савинковские круги в Варшаве, непосредственное и самое активное участие в раскрытии и ликвидации подпольных контрреволюционных групп в Киеве, Житомире, Черкассах и Харькове, в расследовании по организации Таганцева, так называемому «Западному областному комитету» в Гомеле. Именно Сосновский склонил к сотрудничеству с чекистами руководителя этого комитета Опперпуга, ставшего через некоторое время одной из ключевых фигур в широко известной теперь контрразведывательной операции «Трест». Успехи Игнатия Игнатьевича не остались незамеченными. Уже в мае 1921 года он назначается помощником начальника, а через год — начальником отделения контрразведывательного отдела ГПУ, функции которого заключались в организации работы по борьбе с белогвардейским подпольем и террористическими группами.

Под его непосредственным руководством работали такие известные читателю по книге «Возмездие» В. Ардаматского чекисты, как Андрей Павлович Федоров и Григорий Сергеевич Сыроежкин. Одной из первых операций, проведенных отделением Сосновского (естественно, при самом, ближайшем участии других подразделений КРО и под общим руководством А.Х. Артузова, С.В. Пузицкого, Р.А. Пиляра), явилась операция «Синдикат-2», завершившаяся поимкой Бориса Савинкова. Практически параллельно шла работа по контрреволюционной организации — «Центр действия». Большинство членов ее было арестовано чекистами во время проведения нелегального «съезда», о котором контрразведывательный отдел, разумеется, знал заблаговременно, благодаря стараниям Игнатия Игнатьевича и его подчиненных.

Таким образом, уже в первой половине 20-х годов Сосновский выдвинулся в число наиболее опытных, авторитетных чекистов. Думается, что его имя может быть поставлено рядом с С.В. Пузицким, Н.И. Демиденко, В.А. Стырне, внесшими большой вклад в развитие чекистского искусства.

Оперативная работа по белогвардейскому подполью и савинковцам зачастую переплеталась с выявлением и ликвидацией шпионских гнезд, насаждавшихся разведками Англии, Франции и, конечно же, Польши, которой империалистические державы отвели роль ударного кулака. Поэтому Сосновский волей-неволей, пусть опосредствованно, соприкасался с деятельностью польской разведки. Но вот в 1924 году ему пришлось вновь вступить напрямую в «контакты» с офензивой.

А случилось это так. В один из летних дней А.Х. Артузову позвонил польский коммунист, проживавший в Москве, и сообщил, что к нему обратился знакомый еще с дореволюционных времен человек, работающий теперь в польском посольстве. Этот человек (назовем его Полянским) просил устроить ему встречу с Сосновским, своим сослуживцем по корпусу Довбор-Мусницкого. Условия польского военного дипломата были таковы: Сосновский приходит на встречу один, в то место и время, которое выберет он, Полянский. И снова А.Х. Артузов был поставлен перед выбором — включать Сосновского в игру с офензивой или нет? Артур Христианович реально понимал, что возможна провокация и даже шантаж в отношении Сосновского.

А повод для этого искать долго не надо было. Взять, к примеру, то, что в Варшаве проживал скромный музыкант оперного театра Добржинский — родной брат Игнатия Игнатьевича. На привязанности к брату и могла сыграть польская разведка.

Но все же интересы дела перевесили.

Чекисты действительно многое получили от встреч Сосновского с Полянским. Работа Игнатия Игнатьевича в этом направлении была положительно оценена Председателем ОГПУ В.Р. Менжинским. По его предложению Коллегия ОГПУ в 1924 году наградила Сосновского знаком почетного чекиста, а в 1926 — боевым оружием «Маузер» с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией».

Но контакты с польским разведчиком позднее сыграли неожиданную роль. Об этом мы скажем немного ниже. А пока отметим, что достигнутые успехи вели Сосновского вверх по служебной лестнице. С 1926 по 1929 год Сосновский — ответственный работник Секретно-оперативного управления ОГПУ, позднее — начальник контрразведки Полномочного Представительства по Белорусскому военному округу, затем по Центрально-Черноземной области, а в 1934 году вновь возвращается в Москву. Где бы ни работал Сосновский, везде он заслуживал положительную оценку своего труда. Вот лишь несколько выдержек из аттестации тех лет: «Хороший товарищ и примерный большевик. Политически развит и по личным качествам весьма способный. Образцовый оперативник и серьезный руководитель, прекрасно знает работу с агентурой, особенно по линии шпионажа...»

Сосновский начал службу в чекистских органах. Лишь дважды ему пришлось, подробно рассказывать свою биографию товарищам по работе. То было в периоды партийных чисток. И каждый раз комиссия выносила решение: «Считать Сосновского проверенным, подтвердить партстаж с 1921 года». Но обстановка менялась, наступали мрачные времена массовых репрессий. Прошлое воспринималось уже по-другому, зловещей тенью легло оно и на судьбу Сосновского.

Первыми вновь вспомнили о событиях шестнадцатилетней давности некоторые сотрудники польской секции Коминтерна. Возмущенные начавшимися арестами целых групп польских коммунистов, проживавших в СССР, обвинением их в участии в нелегальной деятельности «Польской организации войсковой», предательстве, вредительстве и других преступлениях работники ИККИ обратились в НКВД СССР и высказали свое «мнение, что по ложному следу чекистов направляет не кто иной, как Сосновский — умело замаскировавшийся агент Пилсудского, пробравшийся в органы госбезопасности для исполнения разведзаданий.

Этому заявлению дали ход, тем более что отдельные из уже арестованных к тому времени польских коммунистов на допросах указали якобы на причастность Игнатия Игнатьевича к шпионской работе против СССР.

В декабре 1936 года заместитель начальника УНКВД по Саратовской области комиссар госбезопасности 3 ранга Сосновский был арестован и для ведения следствия этапирован в Москву. Первые три месяца он полностью отрицал предъявленные ему обвинения, подробно рассказывал следователю Фельдману обо всех поворотах на своем жизненном пути, а также об отдельных чекистских мероприятиях, в которых непосредственно принимал участие, но которые по разным причинам не нашли исчерпывающего отражения в документах. Сосновский надеялся, что его аргументы убедительны, расставят всё точки над «і». Но участь его уже была решена.

Фамилия Сосновского не раз звучала на печально знаменитом февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП (б). В тайной работе на поляков его обвинили: бывший ответственный работник ОГПУ Евдокимов и нарком внутренних дел УССР В.А. Балицкий. Но это было не все. Криминал состоял еще и в том, что Игнатий Игнатьевич будто бы являлся деятельным участником якобы существовавшего в органах НКВД заговора, возглавляемого Г. Ягодой.

Так из «своего» Сосновского окончательно превратился в «чужого».

Теперь и следствие пошло совсем по-другому. Опытный следователь Фельдман уже не устраивал тех, кто заранее определил направление, по которому пойдет дальше дело о «разветвленной, поразившей почти все советские военные и партийные учреждения» деятельности пресловутой «Польской организации войсковой». К расследованию подключились небезызвестные заплечных дел мастера Минаев и Радин, расстрелянные впоследствии за грубейшие нарушения социалистической законности. В условиях, когда в правовой теории господствовала «царица доказательств» — личное признание обвиняемого, на практике

требовалось лишь добиться его каким угодно путем. К Сосновскому стали применять меры физического воздействия, и в мае 1937 года он «заговорил». Признаваясь во всех смертных грехах, он просил только об одном — быстрее закончить следствие по его делу и вынести приговор.

Новые следователи усиленно стремились создать, как и было задумано групповое дело — связать многих чекистов — поляков по национальности единой цепочкой «преступных деяний». В первую очередь арестовали тех, кто в 1920 году вместе с Сосновским перешел на сторону Советской власти: Юну Пшепилинскую, отважную сотрудницу ИНО ГУГБ, Карла Роллера — работника УНКВД по Курской области, бывшего уполномоченного КРО ОГПУ Марию Недзвяловскую. Независимо от показаний Сосновского, но тоже с привязкой к мифической деятельности в СССР «Польской организации войсковой» уже к середине 1937 года были арестованы начальник УНКВД по Саратовской области, соратник Феликса Эдмундовича Дзержинского Р.А. Пиляр, бывший начальник КРО ОГПУ Я.К. Ольский, руководитель одного из подразделений НКВД С.В. Пузицкий, многие сотрудники местных органов госбезопасности.

По решению Комиссии НКВД и прокуратуры СССР все указанные чекисты были в особом порядке приговорены к расстрелу. 15 ноября 1937 года не стало и Игнатия Игнатьевича Сосновского.

Оставался он «чужим» до начала 1958 года, когда на основании определения Военного трибунала Московского военного округа, дело было прекращено за отсутствием состава преступления, а сам он посмертно реабилитирован.

Чтобы такое решение состоялось, потребовалась упорная работа следователя КГБ В.А. Пахомова, кропотливо собиравшего объективную информацию на Сосновского, до деталей восстановившего, прямо скажем, непростую историю жизни чекиста.